

Александр МНАЦКАНОВ

**СОРОК ПЯТЬ ЛЕТ
В СТРОЮ**

(Записки военного дипломата)

Герой Советского Союза
генерал-лейтенант в отставке

А. С. Мнацаканов

СОРОК ПЯТЬ ЛЕТ В СТРОЮ

(Записки военного дипломата)

Ольге Федоровне
Мнацаканович
на добрую память —
Автор.
22 декабря 1996 года.
Москва.

Автор — Мнацаканов Александр Сидорович, генерал-лейтенант в отставке, прослужил в рядах Советской Армии 45 лет, из них 35 лет находился на военно-дипломатической работе.

Участник Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза. Принимал участие в параде Победы в 1945 году, а также в параде в ознаменование 40-й годовщины со дня великой Победы.

Многие годы провел на военно-дипломатической работе за рубежом в основном в горячих точках планеты: в Сирии в дни арабо-израильской войны, в Ливане, в Лаосе (также в годы, когда там шла война), в Марокко.

В данном повествовании приводятся весьма интересные эпизоды из наиболее трудных боев на Сталинградском и Ленинградском фронтах и много фактов из деятельности на зарубежной работе.

Написанная в форме живого и увлекательного рассказа, эта работа представляет интерес как для специалистов, так и для широкого круга читателей.

Издание осуществлено за счет средств автора

© **Александр Сидорович Мнацаканов, 1995 г.**

ОТ АВТОРА

На 66-ом году жизни начал писать обо всем, что еще сохранила моя память о прожитой жизни, о моих родных и близких, о времени, в котором пришлось жить, о современниках, вершивших великие и малые дела в годы становления советского общества и в годы великих испытаний для моего народа. Пусть не покажется ложным невольный пафос этих слов, но мы именно так росли, жили, творили, побеждали и умирали.

Хочется самому осмыслить пережитое и оставить потомкам на память (а, может, и на пользу) те чувства и мысли, с которыми мы жили, может быть, наивно полагая, что именно от нас, наших дел и помыслов зависит будущее новых поколений... Иначе, думалось, жизнь бессмысленна.

Не без гордости и удовлетворения считаю, что все, что уже прожито — прожито честно, с верой в правоту деяний наших отцов и своих дел — больших и малых.

Эти записки не тоска по прошлому, безвозвратно ушедших годах, а искреннее желание поделиться мыслями о прожитой жизни и честно исполненном долге перед Родиной, наконец, ибо немало дел мною делалось значимых для моей великой страны.

И, конечно же, радостно, что среди не так уж многих доверялись эти важные и значимые дела мне.

И если эти записки после моего ухода прочтут хотя бы только мои дети и внуки и только в рукописи, то я не зря потрачу время и душевные силы на их написание. Успеть бы только...

ИСТОКИ БИОГРАФИИ

Вот приступил я к обдумыванию своей биографии, которую за 50 лет трудовой деятельности излагал бесчисленное множество раз. Но удивительное дело: на этот раз на память приходят не дата, год рождения и другие необходимые в этом случае данные, а и до сих пор вызывающие чувство неизбывного горя два случая, имевших место в раннем детстве.

Известно, что в крестьянском хозяйстве того времени конь был главным кормильцем часто многочисленной семьи, для членов которой он ассоциировался с надеждой на завтрашний день, куском хлеба, а любовь к этому коню подчас была пожалуй не меньшей, чем к любому члену семьи.

Так вот в первые месяцы после отделения нашей семьи от деда отец приобрел коня, набрав нужную сумму из своих скудных сбережений и заняв у соседей немалые для того времени деньги. Но, будучи неопытным, как Щукарь Шолохова, купил «запаленную» лошадь. И вскоре, взяв меня, трехлетнего, с собой, поехал за глиной в ближайший карьер. На выезде из карьера лошадь вдруг стала, закачалась и рухнула на землю. Поднять ее не удалось: она пала. Отец в отчаянье зарыдал.

Меня, малыша, это обстоятельство настолько потрясло, что я и до сих пор, уже сам отец и дед, вспоминаю эти мгновенья с щемящей душу тоской. Мне тогда показалось, что уж если заплакал мой отец, самый мужественный и самый сильный (по моим представлениям) человек на свете, то жизнь нашей семьи в неминущей опасности.

Я долго после этого не мог отделаться от ужаса, овладевшего моим детским существом.

И второй случай. Однажды глубокой ночью нас разбудил настойчивый стук в окно. Это соседка родителей моей матери, которые проживали в другом конце города, пришла сообщить нам, что мой дед убит. Как выяснилось позже, дед, несмотря на опасность, вышел ночью во двор, чтобы не дать вору увести единственную живность — корову, любовно выращенную им в надежде иметь молоко в те тяжелые голодные годы.

Когда мы с матерью прибежали к бабушке, в страхе запершейся в доме, дед лежал на полу, а из раны в животе, как мне показалось, виднелись крошки хлеба...

Позже не раз нашу семью постигали беды: то ночью из конюшни похитили коня, когда родители, изнуренные работой в поле, спали глубоким сном. То умер мой любимец — брат моего отца, который был моложе меня на 4 года. Умер от того, что слабый и больной, будучи голодным, съел найденный им где-то кусочек испорченной рыбы.

Мачеха моего отца, злая и вздорная женщина, вздумала задушить моего деда, скованного приступом острого ревматизма. Положив ему, лишенному возможности сопротивляться, на лицо подушку, она уселась на нее. (Таким способом она намеревалась завладеть имуществом деда в пользу своих детей от первого брака). Мой отец, услышав приглушенный стон и заподозрив неладное, сорвал крючок двери, сбросил злодейку с ее позиции и начал оказывать помощь уже терявшему последние силы деду. А коварная женщина тем временем разбила оконное стекло и стала царапать им лицо, громко призывая на помощь соседей.

Я, вбежавший следом за отцом, наблюдал эту отвратительную сцену, цепenea от ужаса, страшаясь за жизнь горячо любимого дедушки и понимая подлость истерически кричащей женщины, пытавшейся ложно обвинить моего отца в покушении на ее жизнь.

В 1930 году умерла нежно мною любимая годовалая сестра Тамара. Позднее я потерял хлебные карточки и от сознания того, что вся семья в голодном 1933 году останется без этой скудной надежды не умереть с голоду, был так потрясен, что врачи выражали опасение за мое здоровье. Они посоветовали родителям потакать мне во всем и вывезти куда-нибудь на отдых. Но куда, и с нашим достатком?

Однако родители нашли выход. Под предлогом необходимости помочь близким друзьям в присмотре за ребенком (девочкой) они вывезли меня в недалеко расположенную казачью станицу Архонскую. (Волею судьбы эта моя подопечная впоследствии стала моей женой. Ясно, что тогда это трудно даже было представить. Девочке было 3 года).

Словом, жизнь не баловала нашу семью, да и не только ее. Время было такое. И невзгод разных было предостаточно. Но те два ранее описанных случая остались в моей памяти на всю жизнь.

Так школа жизни преподавала мне уроки добра и зла с самого раннего детства и заронила в мою душу семена любви к добру и справедливости и глубокого отвращения ко злу, коварству, подлости, нечестности и к людям, их носящим.

И все же надо начинать с того, что как говорил шолоховский Щукарь: «Перво-наперво родился я».

Родился я в 1921 году в городе Владикавказе. Отец мой — армянин по национальности — тоже родился в этом же городе. А дед по отцу родом из пригорода Кировакана — села Базум. Он происходил из многодетной крестьянской семьи. Ушел из этих мест в конце XIX века

из-за того, что его стали преследовать местные богатеи за вольнодумство. К тому же сыновья одного из них проводили о том, что к Аваку (так звали деда) равнодушна их сестра. Однажды они его жестоко избили, серьезно повредив ногу, и пригрозили расправой со всем его родом, если он не покинет пределы этого края.

Так мой будущий дед — абсолютно безграмотный пастух, не знавший русского языка, оказался в изгнании.

Он долго скитался по Грузии в поисках работы. Затем, перейдя через главный Кавказский хребет, оказался во Владикавказе.

Однажды в одну из пекарен на окраине Владикавказа вошел молодой парень и спросил у хозяина: нет ли какой-нибудь работы?

Внешний вид скитальца и его запавшие глаза выдавали человека голодного, не имеющего пристанища. Но то обстоятельство, что он не пожелал принять угощения дразнящим свежее испеченным хлебом без предварительно проделанной работы, подкупило хозяина и он предложил очень голодному, но гордому парню переставить с места на место несколько мешков с мукой. Затем он выяснил у жадно евшего хлеб парня, что тот нуждается в пристанище и работе и порекомендовал ему обратиться к хозяину одной из мельниц — тоже азербайджанцу, на языке которого шел разговор. Тот в свою очередь, убедившись в порядочности парня, его трудолюбии и физической силе посоветовал пойти на работу к владельцу кирпично-черепичного завода, где можно было устроиться на работу с ночлегом.

Проработав некоторое время, Авак договорился с хозяином и стал часть заработка получать кирпичом и черепицей.

По соседству с заводом, расположенном на окраине города, один из отставных офицеров имел земельный участок в две десятины, на котором возделывал фруктовый сад. Авак вечерами стал помогать пожилому человеку поливать посадки деревьев и огородных культур, обрабатывать их.

Постепенно, заработав определенное количество кирпича и черепицы, Авак принял предложение престарелого отставника уступить ему часть участка. На нем-то мой будущий дед и построил небольшой двухэтажный дом с надворными постройками.

Так мой дед обосновался на жительство во Владикавказе. Занявшись строительством, он уже не мог работать на заводе, а подрядился развозить различные грузы на повозке, одновременно используя лошадь на строительстве.

Однажды, простудившись и серьезно заболев, он с высокой температурой был уложен в постель одним из известных в городе врачей, которому доставил груз.

Позже между дочерью врача, ухаживавшей за больным, и Аваком возникла дружба, а затем и любовь, и состоялась свадьба.

Вскоре молодая жена родила дочь, которая тут же умерла из-за недосмотра матери-белоручки, не способной в семье простого труженика вести хозяйство и растить детей.

После смерти дочери отношения с женой, поощряемой родителями, настолько ухудшились, что жена от беспомощности и горя ушла в родительский дом. Через некоторое время выяснилось, что она ждет ребенка, и Авак почти силой возвратил ее домой.

Родившийся на этот раз сын вдохнул новую струю в жизнь семьи. Авак стал прощать

жене многочисленные неумения, помогал ей всячески по дому наряду с изнурительной работой. Вскоре Магдалина родила еще двух сыновей. Однако избалованность в семье родителей и прибавившееся попустительство со стороны мужа привели к тому, что Магдалина все более запускала дом и детей, подолгу оставляла их без присмотра, уходя к соседкам посидеть за чашкой кофе и приятной беседой.

Однажды у всех троих сыновей поднялась температура, и встревоженный отец, уезжая утром на работу, предупредил жену, чтобы она не отлучалась из дома, так как он пригласит к детям врача. Однако через час—полтора, проезжая мимо соседей, он не поверил своим глазам: все сыновья недостаточно тепло одетые, вялые сидели во дворе прямо на снегу. Он немедленно забрал детей и видя, что двое младших начали метаться в жару и задыхаться, завез старшего домой, а младших поспешно повез в больницу.

Старшего сына (моего будущего отца), начавшего кричать от невозможности помочиться, спасла соседка, догадавшаяся посадить малыша в подогретое молоко. Младших же спасти не удалось.

Пришедший в отчаянье отец, возвратясь домой, жену не застал. Узнав о случившемся она, поспешно собравшись, опять ушла к родителям. Авак с малолетним сыном остался один. Спустя некоторое время родители жены пытались воссоединить семью. Однако Авак сказал: «Когда она найдет потерянных сыновей — тогда пусть приходит».

В последующем Магдалина не раз приходила, молила простить ее, но Авак остался непреклонным.

Присматривать за малолетним сыном Авак попросил мать, которая и приехала из деревни. Несмотря на то, что она была в почтенном возрасте, дом содержался в должном порядке и внук рос здоровым, хотя и озорным.

Авак задался целью дать сыну солидное по тем временам образование. Наряду с работой по найму он стал серьезно заниматься садоводством и огородничеством и вскоре стал известным в городе садоводом. Выращиваемые им сорта фруктов и овощей стали пользоваться большим спросом и в городе стали говорить о чародее-садоводе некоем Аваке. Средств на содержание семьи и обучение сына хватало. Тем временем годы сделали свое. Крайне состарившаяся мать Авака, однажды, одевшись в армянский национальный костюм, умерла, когда сын был на работе, а внук в школе. Выражение лица усопшей отражало благородство человека, до конца исполнившего свой долг. Казалось, приготовив обед и дожидаясь сына и внука к трапезе, она прилегла отдохнуть и невзначай уснула.

Авак был ее младшеньким среди восьмерых сыновей и она долго тосковала, когда он оказался в изгнании. Приехала к нему в Россию (как тогда говорили в Армении) по первому зову, но постоянно тосковала по родным местам и многочисленным сыновьям, внукам и правнукам.

Похоронили ее все же на окраине родного села. Сыновья и внуки переправили ее тело на родину по Военно-Грузинской дороге.

Авак долго тосковал по матери. Сын учился хорошо. Оказался очень способным, но озорным. Часто доставалось ему от требовательного отца, но оставался он очень подвижным, гораздым на остроумные выдумки. Азартно играл в альчики (так назывались оригинальной формы косточки от баранины после приготовления знаменитого «хаша»). Причем он изобретательно просверливал в теле альчиков отверстия и заливал их расплавленным свинцом так, чтобы при броске альчики становились только в выигрышную

позицию.

Остроумие, веселый нрав, общительный характер, доброта и грамотность создавали ему непререкаемый авторитет как среди соседей-мальчишек, так и среди детей интеллигентных семей в школе.

Он отличался каллиграфическим почерком и это оборачивалось ему в дополнительные хлопоты по написанию различного рода прошений для людей со всей округи и выполнению различных поручений в школе.

Рано или поздно Аваку необходимо было жениться. Ему была по душе красавица Ольга — единственная дочь одного из местных аристократов. Оставшись сиротой после смерти матери, она, избалованная отцом, рано познала кутежи, вела себя независимо, часто была навеселе и была обворожительно мила в своей необузданности.

Авак, которого она отличала вопреки пренебрежительным высказываниям в его адрес со стороны местных щеголей, был ей явно симпатичен и между ними установились весьма дружеские отношения. Друзья Авака тоже были против этой связи. Поговаривали даже, что у Ольги где-то, якобы, есть дочь. Но тщетно.

И вот однажды ночью после очередного кутежа Ольга на извозчике приехала к Аваку и осталась у него. Первое время Ольга выпархивала из дома Авака к отцу и ненадолго оставалась в своей среде, но неизменно возвращалась к Аваку и после бурных объяснений оставалась с ним. Иногда не обходилось и без побоев.

Так они продолжали жить в гражданском браке до тех пор, пока однажды Ольга не исчезла. Оказалось, что отец отвез ее в Кизляр к тетке, где она родила дочь. Долго ли, коротко ли Авак разыскал ее, но что она стала матерью — не узнал.

А Ольга, родив дочь смуглую, похожую на Авака, решила, наконец, остепениться и создать семью. Но пока решила о дочери не говорить до тех пор, когда она подрастет и станет безусловно похожей на Авака. При этом она решила совместить опознание дочери с признанием о наличии своей дочери Надежды, проживающей у тетки в Кизляре. У тебя, мол, сын, а у меня — дочь. А теперь — общая дочь (смотри как похожа на тебя и вылитая армянка!). Давай узаконим наш брак. И действительно ее затея удалась. Увидев очень похожую на себя смуглянку, Авак согласился. Нарекли общую дочь Еленой.

Привязался Авак и к приемной дочери. Неизменно относился к ней, хроменькой, с трогательным вниманием, часто наделял лакомствами и подарками. Девочка отвечала ему искренней привязанностью.

Большая дружба завязалась и между сыном Авака и Надей, полюбившей сводного брата за его покровительство и искреннюю любовь к ней. При этом девочка стала замечать неприязнь своей матери к юноше, ее несправедливые упреки, стремление наговорить отцу на сына, подвести гордого и молчаливого парня под незаслуженное наказание.

Особую враждебность к парню мачеха испытывала за его удивляющую способность заставить ее за выпивкой. Стоило, как ей казалось, строго конспиративно раздобыть спиртное, как он «случайно» и обязательно в присутствии отца обнаруживал припрятанный ею сосуд и «нечаянно» ронял его и разбивал. Мачеха не оставалась в долгу: подбрасывала монету в ранец пасынка, либо под подкладку его школьной фуражки и в нужный момент так же «случайно» обнаруживала «украденное у родного отца», требуя наказания «вконец испорченного мальчишки». В этих случаях не обходилось и без курьезов. Отец, например, давал сыну приметную монету определенного достоинства для приобретения учебника, либо

каких-нибудь учебных принадлежностей, а мачеха обнаруживала «украденное» и разоблачала «вора». Тогда вспыхивал семейный скандал, оканчивавшийся, как правило, дракой между супругами. При этом строптивая женщина, получая очередной удар, говорила: — «Вот тут не ударял еще, милый, а еще — вот тут». И, получая удар посильнее, приговаривала: — «Вот хорошо, любимый. Теперь — вот тут».

Молчаливая от природы девочка Надя страдала из-за коварства матери и часто уже подлинные проделки сводного брата брала на себя.

А взаимная неприязнь между мачехой и пасынком росла день ото дня, приобретая все более изощренные формы.

Вот ведь какое бедствие это пристрастие к спиртному... Волевые, незаурядные люди, решившие создать хорошую семью на гуманной основе, не смогли побороть этого порока, который, в свою очередь, порождает зло, неизменно отражаясь на судьбах детей, принося им страдания и коверкая их судьбы.

Стремясь добыть спиртное, Ольга стала продавать домашние вещи, ущемлять семью в питании. Когда этот источник не срабатывал, она набирала два полных ведра отборных,

отложенных для продажи зимой, фруктов и под предлогом похода за родниковой водой несла их на коромысле менять на самогон (араку).

Тем временем Авак, в трудах и заботах добывая средства на содержание семьи, стал привлекать к нелегкому физическому труду своего сына, требуя при этом хорошей учебы. И сын учился, учился превосходно, несмотря на изнурительный крестьянский труд.

А Ольга продолжала «подсидывать» пасынка. Она полагала, что от несносной жизни он вынужден будет уйти к своей матери, которая, кстати, появилась в городе. Ранее, прослышав о появлении в доме Авака женщины на правах хозяйки, она уезжала к старшей сестре в Пятигорск.

В связи с этим Ольга решила проследить за парнем с тем, чтобы иметь основание рассказать о тайных встречах сына с матерью, зная, что Авак приходит в ярость при одном упоминании о Магдалине. Мачеха намеревалась истолковать встречи сына с матерью как его желание перейти на сторону матери. Так можно было вызвать непоправимое столкновение между отцом и сыном и, тем самым, добиться ухода пасынка из отцовского дома навсегда. Тогда можно будет попить всласть.

И вот однажды заметив, что пасынок тщательнее обычного одевается, явно куда-то собираясь идти, решила проследить за ним. Идти далеко не пришлось. Пройдя несколько сотен метров, парень остановился, явно кого-то высматривая. Каково же было ее удивление, когда она убедилась, что он вышел на свидание с девушкой. Это была молодая девушка — грузинка, приехавшая в гости к проживающим по соседству с Аваком братьям Джабанашвили. Такой поворот дела так заинтриговал Ольгу, что она осторожно подошла возможно ближе к молодым людям, чтобы расслышать их разговор. Но ее удивлению не было конца, когда она увидела целомудренное поведение влюбленных, молча с восхищением и смущенно смотрящих друг на друга и поняла, что разговаривать-то они не могут! Ведь девушка была из глухой деревни, а парень почти ни слова не знал по-грузински! Слежка продолжалась и далее...

У Ольги, с одной стороны, зрело желание навлечь на пария гнев отца, либо братьев Джабанашвили, а с другой — ее обезоруживало чистое, как горный родник, чувство молодых

людей, столь нежно полюбивших друг друга... Она была в растерянности. Но тут спустя какое-то время все решилось само собой: девушка заболела тифом и умерла, а парень затосковал от безысходного горя, сильно изменился и замкнулся. Даже выказываемые Ольгой знаки внимания, вплоть до предложения купить ему дорогой костюм, не могли ослабить охватившего юношу оцепенения. Он даже перестал ходить на занятия в последний класс гимназии, за что прознавший об этом отец пытался жестоко избить его. Но тут вступилась Ольга. Она с трогательными подробностями рассказала об истории молодых людей, чем смягчила гнев отца, получившего, однако, заверения сына окончить гимназию. И юноша свое слово сдержал, окончив гимназию с похвальным листом.

Тут отец задумался о судьбе поразительно изменившегося сына, забеспокоился о состоянии его здоровья и духа и решил женить его.

Интересно отметить, что тот неумный забияка, шустрый, остроумный и веселый балагур, каким он был в детстве и отрочестве, в дальнейшем до глубокой старости, став мужем, отцом, дедом и прадедом, был на редкость немногословным, степенным и тихим человеком, которого вдруг словно подменили. Ни друзья детства, ни знавшая его в детстве и юности девушка, ставшая впоследствии его женой, до конца его дней не могли объяснить эту разительную перемену.

В детстве во время учебы в школе, шалун и непоседа, мой будущий отец, соскальзывая с перил школьной лестницы, сшиб девочку из соседнего класса. Из-за повреждения позвонка девочка долго лечилась, а затем по семейным обстоятельствам вместе с родителями уехала из города. И вот спустя много лет эта девочка, повзрослев, стала женой своего давнего обидчика.

Умер мой отец в 1982-ом году в возрасте 82-х лет (он был ровесником века). Мама умерла в 1990-м году в возрасте 90 лет. Когда же заходил разговор о переменах в характере отца, она выражала лишь скрытое недоумение. Сам отец всегда ловко уходил из разговоров на эту тему. Хотя однажды, незадолго до смерти в разговоре со мной о таинствах семейной жизни он, отвечая на деликатно поставленный вопрос, рассказал об истории с грузинкой, но ничем даже не намекнул, что возможной и главной причиной разительной перемены в его характере (о чем нередко говорилось в семье по различным поводам) была трагедия первой любви.

Еще несколько слов о моем дедушке. Он очень привязался к вышеупомянутому отставнику. Тот в свою очередь полюбил этого наивного, но от природы умного парня и часто остерегал его от опрометчивых высказываний, давал ему полезные советы, удивляясь способности Авака не только быстро и успешно осваивать русский язык, но и постигать подчас научные истины.

Несмотря на неурядицы в семейной жизни, Авак жадно интересовался происходящими в то время событиями, быстро овладевал вопросами садоводства и огородничества, так пристрастившими его к естественным знаниям, что впоследствии с помощью сына, а потом и внука он переписывался с Мичуриным. В его саду появлялись такие диковинные плоды, что многие даже дипломированные люди восхищались ими.

Со временем дед создал образцовый сад, парниковое хозяйство. К нему приводили группы студентов из Горского сельскохозяйственного института и он давал им необходимые пояснения.

Немногочисленные домашние животные в его хозяйстве были всегда ухожены. Пара коней выглядела как ипподромные рысаки, вызывая удивление и зависть наблюдавших их людей. Авак был статен, грациозно сидел в седле. Всегда опрятно одевался. Многие с удовольствием сходились с ним, поддерживали дружественные отношения, пользовались его услугами. Близкими друзьями его были, например, известные в городе врачи Фаласьянц и Антиох, глава торгового дома «Киракозов и Оганов», поп армянской церкви Владикавказа, лучший портной города Минас Барсегов и многие другие знатные люди города.

Устной рекомендации Авака было достаточно, чтобы просьба рекомендуемого была исполнена.

Нас с отцом при жизни деда никто из его друзей по имени не называл. Говоря о нас, представляя нас кому-либо, они говорили: — «Это сын Авака» или — «Это внук Авака». И до самой смерти (он умер в 1951 году) Авака знали многие и многие люди города.

Авак был очень гостеприимным. Если он приглашал гостей, то каждый из них удостоивался такого тепла и внимания, что, уходя, был абсолютно уверенным, что именно он был самым дорогим для хозяина гостем. Примечательно, что, принимая гостей, он никогда не устраивал «моря разливанного».

В отношениях с людьми он был всегда искренним. Никакого лицемерия или подбострастия, никакой показухи.

Это был поистине удивительный человек! Я достаточно образованный и повидавший в жизни многое, знающий всякого рода этикеты и протоколы, преклонялся перед его искусством общения с людьми и всю свою жизнь старался хоть чуть походить на него в этом отношении. Может быть, поэтому в моей работе в сфере человек — человек многое удавалось. Дедушке моему были присущи чувства патриотизма, долга, чести и собственного достоинства.

Никогда не забуду: когда 1-го августа 1941 года провожали меня на фронт, он перед отправлением поезда сказал мне: — «Смотри, не опозорь нашей фамилии». Держался он при этом мужественно и гордо. Когда же тронулся поезд, и я взглянул в его сторону — сердце сжалось от боли... Дед стоял сгорбившись и плакал, стараясь скрыть это от посторонних.

Ясно помню также: когда я впервые после войны приехал в родной город, дедушка собрал гостей. Ни я, ни отец никогда до этого в его присутствии не курили, а я никогда не прикасался к рюмке.

И вот, произнося тост, дед ничего похвального в мой адрес не говорил, не касался моих заслуг и боевых наград (Герой Советского Союза все же). Он сказал только: — «Вернулся с войны мой единственный внук. Это большая радость для меня тем более, что пришел он сегодня ко мне уже мужчиной в полном смысле этого слова». Затем протянул мне свой бокал без единого слова.

Я также выразил радость в связи с Победой и возвращением домой и, поблагодарив дедушку за оказанную мне честь присутствовать среди его дорогих гостей, передал бокал старшему из сидящих за столом. Я видел, что дедушка был доволен мною и растроган. Надо заметить также, что отец, несмотря на разрешение деда: — «Ладно, пососи свою соску» — так и не закурил при нем даже в этот торжественный для них день.

Любил я своего дедушку безмерно. Он был для меня эталоном Мужчины и Человека. Я даже звал его необычно: «дедика» в отличие от отца матери, которого как обычно называл — «дедушка».

Самым большим праздником для меня в детстве было пойти к дедике в гости, особенно с ночевкой. Уж больно мастерски он рассказывал необычайно интересные сказки.

И поныне я с необычайным волнением вспоминаю патриарха нашего рода Мнацакановых, обосновавшихся в России — моего любимого и незабвенного «Дедику» Авака. Как бы я хотел поподробнее и потеплее написать о нем. Да, жаль нет у меня для этого ни таланта, ни времени... Конечно же, он не был лишен обыкновенных человеческих слабостей и недостатков. Но не они были главенствующими в нем.

Особая дружба связывала Авака с казаком из станицы Архонской — Иваном Бондаревым. Вспоминая события, связанные с их взаимоотношениями, не перестаешь удивляться той беззаветной дружбе, которая связывала этих разных по характеру, темпераменту и национальности людей. Помню, когда безвременно от сибирской язвы умирал Иван Бондарев, он просил Авака присмотреть за его семьей. Особенно он просил за сына Федора с поврежденной в детстве рукой. И Авак после смерти Ивана взял Федора из станицы в город, помог ему определиться на учебу в сельскохозяйственный техникум и строго следил, чтобы тот учился и «не баловал». И надо отметить, что этот трудолюбивый и пытливый парень, работая по приобретенной специальности, был впоследствии удостоен звания Героя Социалистического Труда.

Авак постоянно способствовал поддержанию тесной дружбы и между нашими семьями. В конечном счете я женился на внучке Ивана Бондарева — Азе, о чем я уже упоминал выше.

Теперь несколько страниц о моей маме. Родом она из казачьей станицы Тарская (близ города Владикавказа), то есть — терская казачка. Росла же она в вышеупомянутом городе, куда переехала ее мать — Прасковья Акимовна Черкасова. Здесь, в городе, она устроилась работать кухаркой в семью местного врача, а дед — горновым на химических печах серебряного завода.

Общаясь с дочерью врача, моя будущая мама приобщалась к элементам культуры поведения, много читала, хорошо училась, а также полюбила музыку, слушая, как дочь врача играла фортепьянные этюды, а затем и более сложные музыкальные произведения.

Лиза (так звали мою маму) обладала хорошим слухом и голосом и вскоре с дочерью врача исполняла довольно сложные вещи.

Надо отдать должное интеллигентной семье врача: все ее члены относились к дочери кухарки с вниманием и даже любовью, повседневно занимаясь ее воспитанием и контролем за кругом ее чтения. Многие они терпеливо разъясняли из того, чего она не понимала, неизменно удовлетворяя любознательность девочки.

Став подругами дочери врача и кухарки впоследствии дружили до глубокой старости. Многие считали их либо сестрами, либо кузинами, либо, наконец, близкими родственницами.

Всю нашу жизнь мы с моей сестрой Марией очень любили эту воспитанную женщину с хорошими манерами и ненавязчивой, но такой дорогой ее любовью к нам.

Оставшись одинокой, она не обременяла нашу семью ничем, а всегда оказывалась рядом, когда мы нуждались в помощи и поддержке.

Исподволь через нашу маму да и сама непосредственно она прививала нам с сестрой любовь к литературе, искусству, музыке, обучала культуре общения с людьми, стремилась

воспитывать в нас чувства такта, уважения к людям, скромности, сочувствия чужой беде, деликатности.

Необходимо отметить, что мама моя всю свою жизнь была веселой затейницей, любила петь и танцевать. Она одинаково хорошо танцевала как народные казачьи, так и балльные танцы.

Ничто: ни тяжелый крестьянский труд после замужества, ни отсутствие средств для приобретения сколько-нибудь приличных нарядов, тем более вин и деликатесов, ни проживание на глухой городской окраине не могли омрачить ее оптимизма и веселости.

К ней тянулись люди со всей округи: русские и армяне, осетины и грузины.

Она умела увлекательно организовать досуг, помочь людям даже трудную или не очень приятную работу выполнять весело, с песнями то задушевыми, то озорными, а то и с длинными рассказами на многие вечера с бесконечными продолжениями из народных сказок, произведений русских классиков либо, наконец, импровизированных и мастерски рассказываемых ею житейских историй на темы, занимающие в данный момент того или иного слушателя. Это помогало людям найти правильное решение порою сложных проблем, возникавших в их личной жизни. То кого-то тревожила неразделенная любовь, то родители были против брака, скажем, русской девушки с парнем армянином. И все это делалось с тонким учетом воззрений и мнений родителей, традиций и обычаев того времени.

Слышит прохожий стройный хор. До чего же ладно поют девушки. А вот вплетаются и красивые мужские голоса. Песнь ширится, плывет, разливается...

Кажется, что это поют на девичьих посиделках, либо организовался какой-то хор. А, может, это на чьей-то свадьбе так стройно, разлиvisto и задушевно поют девушки? Так и хочется заглянуть. И оказывается, что это всего-навсего здесь рубят на зиму засаливаемую капусту! И кажется, что эти девушки и не работают вовсе, а играют какую-то сцену из какого-то нового спектакля!

Это, конечно же, затея нашей Лизы, убеждается прохожий и шагает он дальше уже совсем не горбясь, а улыбаясь появившемуся вдруг хорошему настроению.

Часто к Лизе обращались даже умудренные жизненным опытом люди, не считая это зазорным. Они приходили посоветоваться с ней по весьма интимным вопросам и, казалось бы, безвыходным ситуациям в семье или между соседями. А ведь ей было немногим более двадцати лет!

А ее выдумки на праздники то ли новогодние, то ли рождественские, либо какие-нибудь иные...

Шагает бравый джигит, вооруженный дробовиком. Собрался посчитаться с соседом, с которым поссорился накануне... Шагает по притихшему ночному саду, раскинувшемуся на много гектар. И вдруг — видит какое-то светящееся чудище с оскаленными, непомерной величины зубами. То ли скелет, то ли сама смерть, притаившаяся сюда с недалеко находящегося кладбища...

Злоба и задиристость тут сменяются робостью, а после безрезультатной стрельбы — страхом, поскольку чудище не исчезает, а как-то еще зловещее мигает и, наконец — панически бежит джигит...

А это — проделки Лизы. Вычистив из арбуза мякоть и процарапав по коре что-то похожее на какое-то чудище, она вставила туда копилку. Последняя мигает и, тем самым, это

сооружение являет собой что-то таинственное и страшноватое, с чем не возникает особого желания связываться...

А новогодние и рождественские колядки, катания на санях целыми семьями с походами для этого в другой конец города, где есть горки... А различного рода хитроумные розыгрыши...

Интересна одна подробность замужества мамы. В юности за ней ухаживал односельчанин — казак. Девушка, однако, относилась к знакам его внимания с шутливым кокетством, так как парень был из зажиточной семьи и уж очень наглядно проявлял замашки скупого хозяйчика. Поэтому она и не думала выходить за него замуж.

И вот этот казак, прослышав о готовящейся свадьбе Лизы, собрал группу молодых казаков-всадников и направился в город с намерением выкрасть ее.

Прибыв в город и наведя справки у земляков, он узнал, что свадьба состоится уже сегодня, и что через час—другой молодых повезут на венчание.

Когда кавалькада фэтонов с молодыми и их сопровождающими подъехала к церкви, сюда же на рысях подскакала группа вооруженных казаков.

Поняв намерение спешившихся и проследовавших в церковь возбужденных казаков, друг отца, передавая маузер жениху, громко сказал: — «Если полезут — стреляй в невесту!».

Воспротивившийся было проведению обряда венчания поп, заявивший, что не будет венчать с оружием, после соответствующего внушения со стороны жениха с превеликим опасением провел обряд, а конный казачий эскорт проследовал за экипажем, в котором находились жених и невеста, от церкви до самого дома молодоженов.

Однако, в конце концов, выпив за здоровье молодых и пожелав им счастья, казаки убыли восвояси.

Золотую свадьбу мои родители отметили в 1969 году, соблюдая все полагающиеся в этом случае обряды с существующими в наших местах обычаями. Родители остались довольны тем, как, не нарушая ритуал, мы с сестрой и нашими семьями организовали такое важное для них и для нас празднество. Было радостно видеть счастливые лица наших любимых стариков. Тем более, что на этой церемонии присутствовало еще достаточное количество их друзей — сверстников.

И до глубокой старости мама была энергичной, обладающей тонким юмором женщиной, которая воспитывала (вместе с моим отцом, разумеется) наших детей многие годы, пока мы с женой находились в длительных командировках за рубежом. А дети, не оставляемые в интернатах, знали тепло домашнего очага, ласку родных людей и получая так необходимые в отсутствие родителей советы и моральную поддержку.

Дети наши, уже сами родители, постоянно цитируют бабушку и дедушку, внушая своим детям те или иные нормы нравственности.

Особое место в моей жизни занимала бабушка по матери — Паша. Обдумывая с чего бы начать рассказ о ней, я поймал себя на одной поразившей меня мысли. Какое счастье, что мои родители исподволь и в подходящее для этого время столько рассказали о своих родителях, о себе и о своих друзьях и о времени, в котором они жили.

Словом — рассказали о том, что они пережили и переживали в детстве, юности и в зрелые годы, как поступали в той или иной жизненной ситуации, сохраняя человеческое достоинство и многочисленных друзей и, что не менее важно — семью.

Ведь все это в последующем, в порядке не всегда осознанного подражания, помогало мне

успешно преодолевать немалые трудности за всю нелегко прожитую жизнь и остаться верным добрым традициям предков, сохранить здоровую семью, воспитать порядочными детей, росших в современных условиях, да и внуков, как и многих подчиненных с тем, чтобы они стали достойными человеческого звания людьми.

А я... Да, думаю и не только я... Мне кажется, что из чувства ли ложной скромности, либо по недомыслию я, например, перед детьми о прожитой жизни не распространялся. А может и не представлялось случая. Поэтому я уверен, (почти уверен) что дети мои, по сути, ничего важного не знают о моей жизни и судят обо мне лишь по внешним атрибутам в виде наград и знаков воинского отличия. Это вытекает из их высказываний. А жаль... Время упущено. А когда они будут читать эти записки — им они уже мало помогут.

И все же утешает лишь то, что им хватало ума осмысливать мой личный пример, который на том или ином жизненном этапе хоть как-то помог им. И все же я теперь посоветую им, своим детям и внукам, обязательно делиться со своими детьми и внуками жизненным опытом с тем, чтобы они, хотя бы, не допускали ошибок, которые допускали в жизни их предки.

Жаль, что эта простая мысль пришла поздно... А это — негуманно и неинтеллигентно.

Итак, о моей бабушке Паше. Прежде всего, это человек, который меня, очень слабого заморыша, родившегося в голодном 1921 году, отогревал в своей варежке, помещаемой в нише русской печи.

Я с малых, самых малых лет полюбил свою бабушку Пашу за ее ласковые натруженные руки. Даже теперь я с теплым, почти детским чувством вспоминаю эти теплые, пахнувшие свежее испеченным хлебом руки.

В моей памяти она осталась доброй, кроткой, честной и бескорыстной труженицей. Она вместе с дедушкой (отцом моей матери) на себе носила бревна для постройки дома, собранного из расколотых пополам нетолстых бревен. Это сооружение было обито дранкой, обмазано глиной и побелено известью. Так что это было очень легкое строение, которое зимой нелегко было натопить.

Что касается надворных построек, то они были сплетены из прутьев орешника и также обмазаны глиной. Пол в доме был земляной. Его бабушка часто смазывала жидким желтым раствором глины, отчего он выглядел весьма опрятно. Вокруг дома из обмазанного глиной же речного камня была сооружена так называемая завалинка. Ее бабушка тоже всегда затирала глиной, отчего дом всегда выглядел нарядным.

Летом в доме ощущалась приятная прохлада.

Домашняя утварь тоже была сделана самим дедушкой. Даже ложки, половники, различного рода туески для хранения круп, муки и других припасов были самодельными. Спинки самодельных же кроватей выделялись затейливой резьбой. Узорчато резными были также шкафчики для посуды, одежды и белья.

Посуда в основном была глиняная, дешевая: тут и обеденные миски, и чайные чашечки, и горшки для приготовления пищи, хранения воды, кипячения молока, крынки для его хранения и прочая посуда.

Все это всегда содержалось в чистоте, должном порядке и находилось в строго определенных для этого местах.

В доме, состоящем практически из одной комнаты, дедушкой была сложена русская печь. Она топилась при выпечке хлеба, приготовлении пищи на несколько дней накануне выезда на

полевые работы, а зимой для тепла. На ней я и спал в холодную погоду, когда гостил у бабушки, а первые годы своей жизни до рождения сестры я жил там практически постоянно.

Кормились бабушка и дедушка с приусадебного участка, возделывая картофель, фасоль, различные овощи, зелень и кукурузу. Часть урожая продавалась на расположенном недалеко рынке.

Бабушка умела приготовить вкусные блюда из любых продуктов, прикупая за проданную зелень недорогие кусочки мяса или куриные потрошки.

В доме бабушки я чувствовал себя свободно и благополучно.

Так в моей жизни, кроме отца и матери, было два родных существа: «дедика» (дед по отцу) и бабушка Паша (по матери). После смерти дедушки бабушка до конца своих дней прожила в нашей семье.

Мой отец, несмотря на довольно высокое по тем временам образование, продолжал заниматься садоводством и огородничеством. Пахал, сеял, обрабатывал, убирал — словом, занимался тяжелым физическим трудом с тем, чтобы обеспечить семью.

В 1930 году в связи с началом коллективизации на Северном Кавказе он вместе с дедом вступил в колхоз. Как человека грамотного, его назначили заведующим хозяйством укрупненного колхоза.

В 1934 году в связи с упразднением пригородных колхозов это хозяйство было преобразовано в пригородное хозяйство горисполкома, и отец остался работать там в качестве бригадира садоводческой бригады.

С началом Великой Отечественной войны отец передал свой участок моей матери и убыл на фронт.

Когда я, призванный несколько раньше отца, из письма матери узнал, что и он мобилизован, я был необычайно удивлен, что такого «старика» берут на фронт. А этому «старика» был 41 год...

Вскоре ушла на фронт и моя единственная 17-летняя сестра Мария, и мама осталась в доме одна.

Папа воевал почти до конца войны. Получив тяжелое челюстное ранение в тяжелых боях в районе озера Балатон (Венгрия), он был эвакуирован в специализированный госпиталь в город Баку. По пути следования в госпиталь ему удалось через товарища-земляка известить об этом маму и та, выправив с трудом пропуск, разыскала госпиталь, в который был помещен отец, и повидалась с ним. Затем она прислала мне письмо с радостной для меня вестью о том, что отец жив, так как я длительное время ничего не знал о его судьбе.

Излечившись, отец вернулся на прежнее место работы, приняв дела от матери, и проработал до ухода на пенсию в 1960 году.

В 1982 году его не стало. Он умер от тяжелого заболевания почки, поврежденной на фронте. Его, засыпанного в окопе, обнаружили однополчане после очередной атаки немецких танков и почти безжизненное тело доставили в санбат.

Всегда спокойный, немногословный, скромный человек, он был очень собранным, аккуратным и ответственным. Он обладал приятным баритоном и в кругу семьи и друзей в особо торжественных случаях пел старинные романсы. Особенно душевно он пел народные песни «Когда я на почте служил ямщиком» и «Черный ворон», и пел он их, я бы сказал, профессионально и с особым чувством.

Нас с сестрой он никогда не наказывал. Поругивавшая, а иногда и пошлепывавшая нас мама, чтобы поостороже приструнить, говорила: — «Вот расскажу отцу». И это было для нас самым строгим предупреждением, так как было стыдно огорчать любимого отца.

Он был великий патриот, и нас учил патриотизму не назидательно, а исподволь и задушевно. Он постоянно приобщал нас к труду, поощряя и прививая гордость за умение плодотворно трудиться.

Во время летних каникул мы неизменно работали в садоводческой бригаде, возглавляемой отцом, собирая клубнику, малину и различные фрукты, стараясь выполнить установленную норму.

Словом, об отце с полным основанием могу сказать, что это был честный, добрый, заботливый человек, заботливый, но требовательный воспитатель.

В день моего шестидесятилетия он приезжал к нам в Москву. Причем приехал без сопровождения, хотя накануне чувствовал себя неважно. Когда же домашние пытались отговорить его от поездки, он с несвойственной ему безапелляционной настойчивостью заявил, что обязательно поедет, потому, что так решил.

До сих пор он остался в моей памяти жизнерадостным, веселым, не по возрасту подвижным. Он много шутил с нашими гостями, забавно рассказывал эпизоды из своей жизни и при этом весь как бы светился. Это было за год до его смерти. Таким он и остался в памяти на всю жизнь...

Вместе с тем остались и до сих пор терзающие душу воспоминания о его последних минутах. Когда я по телеграмме сестры приехал в отчий дом, он уже не мог разговаривать. Лицо было неподвижным, как маска. Казалось, что он уже ничего не слышит и никого не узнает. Но когда сестра, подведя меня к его постели, спросила: — «Кто это?», он с трудом поднял руку и как-то значительно приложил к своей груди. Видимо хотел объяснить этим: — «Это мой сын».

Иногда он глухо стонал, силясь, видимо, что-то сказать. Но я вот и не догадался дать ему карандаш и удобно поднести бумагу. Может быть, он хотел что-то важное для него и нас сообщить нам и смог бы сделать это письменно? Я до сих пор и, видимо, до конца дней своих буду жалеть о том, что я не сделал этого, хотя домашние (в том числе моя сестра и дочь, которые являются врачами) и убеждают меня, что он не смог бы написать ничего. Я в этом не уверен...

Вот и закончен мой краткий рассказ обо всех, кто с раннего моего детства участвовал в воспитании, а затем и становлении моей личности.

Хочется еще раз назвать самых дорогих и близких из них. Это: мой дед — армянин, носитель культуры и традиций армянского народа, моя бабушка и мама — представительницы русского народа, его культуры, а также традиций и обычаев терских казаков, и, наконец, достаточно образованный отец, сам воспитанный на многонациональной культуре, обычаях и нравах народов Северного Кавказа. Кроме того, большое влияние на меня оказывало общение с сыновьями давнего Друга моего деда — Ивана Бондарева, коих я почитал по меньшей мере как близких родственников. Они были друзьями моих родителей и, естественно, старше меня намного и, будучи высокообразованными людьми, являлись для меня примером во многом. Так, Сергей Иванович Бондарев, окончивший два высших учебных заведения, был землеустроителем и архитектором, его брат — Федор — знатным агрономом — Героем Социалистического Труда, а младший —

Василий — драматическим артистом. Надо сказать, что все они были очень внимательны ко мне, часто дарили мне детские книжки и книги с произведениями русских классиков, рассказывали много интересного и постоянно интересовались моими успехами в учебе. Так что мне было просто неудобно плохо учиться, не любить книгу и совершать неблагоприятные поступки.

Кстати, почти все содержание впервые подаренной мне дядей Сережей «Мурзилки» я выучил наизусть.

Во многом на мое воспитание имело влияние то обстоятельство, что жили мы на окраине города и соседями были и осетины, и грузины, и терские казаки.

Вечерами слышались многоголосые казачьи песни, которые очень ладно пели девчата-казачки. А затем затевались прямо на улице танцы: осетинские и грузинские лезгинки, казачьи хороводные, осетинские кашкомы, которые девчата и ребята танцевали как бы соревнуясь в удали и грации.

Наблюдая за ними, я и сам самозабвенно танцевал, испытывая непередаваемое наслаждение.

Пришла пора заканчивать повествование о моей биографии и ее истоках. Остается сказать, что после окончания десятого класса средней школы в 1938 году, выдержав трудные конкурсные экзамены, я поступил в Тбилисский институт железнодорожного транспорта.

Но окончить его мне не пришлось. Началась Великая Отечественная война.

Позади — три курса института. Впереди — неизвестность.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

20 июня 1941 года я приехал из института (Тбилиси) на летние каникулы, а 21 июня допоздна засиделись с друзьями — одноклассниками по школе. Не обошлось и без поздних провожаний.

А наутро рано поднял отец. Надо было отвезти на выпас ягненка и присмотреть за ним там. Ягненок был очень забавным, ласковым. Во всем он походил уже на взрослого барана: оброс густой шерстью, имел настоящий курдюк (правда — миниатюрный), был задирист и даже драчлив и в то же время — игрив и ласков, как малыш. Чувствовалось, что уж очень он мал еще и беззащитен.

Приведя его в обширный сад и определив на выпас на живописной полянке, я незаметно уснул в тени раскидистого дерева под звон колокольчика, украшавшего ягненка. Ягненок изредка подходил ко мне, полизывал лицо, позванивая колокольчиком. Я отгонял его, пытаюсь досмотреть приятный сон, но тут услышал голос отца, созывавшего своих сотрудников. В голосе его чувствовалась какая-то тревога. Я последовал за сходящимися к стану людьми и услышал, как из репродуктора — (знаменитой черной тарелки) звучит голос Молотова. Война...

Спустя месяц я получил повестку с приглашением в военный комиссариат города, а первого августа 1941 года отправился с эшеленом из города. Прибыли мы на станцию Пруд-бой, что под Сталинградом, в располагавшиеся там кавалерийские лагеря.

Нас, призывников, разбили на взводы и роты и разместили в палаточном городке. Объявили, что мы будем курсантами военного училища, которое формируется на базе эвакуированного с боями и потерями бывшего Бобруйского пехотного училища, а именоваться оно будет Сталинградским Военно-тракторным.

Вскоре нас перевели в палаточный городок, разбитый в непосредственной близости от Сталинградского тракторного завода.

Занимались мы тем, что участвовали в сборке танков Т-34.

Через некоторое время нас теплоходами доставили в город Камышин, где, наконец, обмундировали, а 7 ноября 1941 года мы приняли присягу, уже занимаясь строевой и технической подготовкой.

Дело в том, что курсантами (именуемого уже Камышинским) военно-тракторного училища стали студенты выпускных курсов ряда гуманитарных институтов и студенты старших курсов некоторых технических высших учебных заведений ряда городов.

Так одна курсантская рота была сформирована из студентов Северо-Осетинского педагогического, Горно-металлургического и Горского сельскохозяйственного институтов города Орджоникидзе. Рота же, в которую был зачислен я, состояла из выпускников Астраханского рыбного института и студентов старших курсов ряда других институтов страны.

Предполагалось подготовить из нас, людей достаточно образованных, воентехников второго ранга, которые могли бы руководить подразделениями новых в то время мощных тракторов-тягачей «Ворошиловец». Ими оснащались части тяжелой артиллерии на механизированной тяге.

Надо отметить, что и в Камышине мы до принятия присяги размещались в палаточном городке на одной из городских площадей. Было холодно, сыро, а затем уж и снег выпал. И тогда нас перевели в какие-то кавалерийские казармы. И хотя там постоянно топились печи, сооруженные из двухсотлитровых бочек из-под горючего, в помещении, не имевшем потолка, самая высокая температура была около четырех градусов тепла, а с наступлением морозов температура здесь была постоянно минусовой.

Спали мы на деревянных двухъярусных нарах, укрываясь вдвоем с соседом шинелями поверх одеял.

Портянки на ночь клали под матрац, иначе за ночь они становились «колом» и обмотать их на ноги, естественно, было невозможно.

На занятиях в классных помещениях, которые никак не отапливались, было холодно, а на занятиях в поле было невыносимо, так как кроме шинелей поверх летнего обмундирования на нас ничего не было.

Питание с наступлением морозов и заносов было более чем скудное.

Я пишу об этих условиях без комментариев и обиды, ибо до сих пор не могу понять: почему так было?

Вероятнее всего — общие трудности военного времени. Правда, вскоре нас перевели в капитальные каменные помещения и в расположении рот условия стали вполне удовлетворительными. Главное — было тепло и можно было навести должный порядок в казармах. Занятия же по-прежнему проходили в неотапливаемых помещениях. А морозы стояли лютые. Тем не менее, судя по всему, близился наш выпуск в ранге воентехников.

Однако нам вдруг зачитали приказ о преобразовании училища в танковое и о некотором увеличении в связи с этим

срока обучения, а также о том, что мы будем выпускаться не воентехниками, а строевыми командирами — лейтенантами-танкистами.

Приказ есть приказ, и мы приступили к заготовке самодельных знаков различия —

лейтенантских кубиков. Вытачивали мы их из подручных материалов: пластмассовых мыльниц и других подходящих материалов. Казалось бы все успели подготовить, но к нашему огорчению выяснилось, что введены полевые знаки различия: зеленые металлические кубики. Однако и эта неприятная весть не могла омрачить приподнятого настроения курсантов от ощущения скорого завершения учебы и предстоящего вступления в бой тем более в качестве офицеров-танкистов, а не каких-то там «технарей». Да, и этому мы радовались тогда совершенно искренне, так как душа изболелась от тяжких сводок с фронтов... А фронт все приближался. Уже и в лазарет училища стали поступать обгоревшие танкисты из районов боев, проходивших в междуречье Волги и Дона. Я видел их... Болея пневмонией, я с высокой температурой лежал в лазарете училища. Часто терял сознание или забывался. При объявлении воздушной тревоги все кто мог убегали в отрытые во дворе лазарета щели, а я, не в состоянии подняться, оставался в палате на койке.

Тут же после отбоя воздушной тревоги из репродуктора как по заказу звучала песня: «Прощай любимый город»... Тяжело было ощущать свою физическую беспомощность и слушать горестные сводки Информбюро и эту горестную песню... Вот уже завязались бои и на Сталинградском направлении...

Наконец, я выздоровел. Вскоре состоялся и долгожданный выпуск.

С группой офицеров-танкистов прибыл я в район совхоза «Котлубань», что северо-западнее Сталинграда, где дислоцировалась часть, в которую я был назначен. А назначен я был командиром танкового взвода 584-го отдельного танкового батальона 3-й отдельной танковой бригады.

Прибыл я в расположение батальона ночью, так как днем всякое движение по открытой местности было запрещено.

Я ожидал увидеть там оснащенную грозными тридцатьчетверками часть, принять предназначенный мне взвод и немедленно вступить в бой.

Но, прибыв в сопровождении офицера штаба лунной ночью в какой-то овраг, я там никаких танков не увидел. Здесь располагались оставшиеся в живых после недавней атаки танкисты батальона. При свете луны я увидел спящих под большим брезентом с десятков израненных, забинтованных людей, которые временами металась и стонали во сне. Оказалось, что батальон накануне участвовал в тяжелых боях северо-западнее Сталинграда и теперь готовился к выходу на переформирование (пополнение личным составом и танками), поскольку батальон понес очень тяжелые потери.

Так я оказался с остатками личного состава батальона в знаменитых Татищевских лагерях. Там пополнялась всем необходимым и вся бригада, в состав которой входил батальон. Вскоре бригада вступила в тяжелые бои в составе Донского фронта, действовавшего северо-западнее Сталинграда в операциях по окружению гитлеровских войск в районе Волжской твердыни.

В результате многодневных боев мы вышли в район Калача, на чем и завершилась блистательная операция по окружению 6-й армии Паулюса.

Затем наша бригада, введенная в состав 23-го танкового корпуса, которым командовал генерал Пушкин, постоянно переходила с ночных изнурительных маршей в бои по отражению войск Манштейна, пытавшегося деблокировать окруженные войска Паулюса.

Кроме изнурительных ночных маршей и, как правило, ночных же боев, холода, метели, горьких потерь товарищей и постоянного желания спать ничего путного на память не приходит...

Главное, что окрыляло нас тогда — это успешные действия наших трех бригад, входивших в состав корпуса, постоянная нацеленность вперед. Воодушевляла также откуда-то взявшаяся огромная силища наша в крупных масштабах, повсеместные яростные успешные действия соседних с нами крупных соединений наших войск против отчаянно сопротивлявшихся немцев.

Запомнились многокилометровые колонны пленных немецких вояк, являвших собой теперь жалкое зрелище. Не покидало чувство презрения к гитлеровским, недавно наглым, воякам, опустившимся почти до скотского положения, кичливым ранее агрессорам.

Помнится еще и то, что жили мы тогда одной великой ни с чем не сравнимой радостью: после долгожданной победы наших войск под Москвой, а затем последовавших тяжелых испытаний и потерь лета и осени 1942 года, наконец, нанесено сокрушительное поражение лютому врагу теперь уже здесь, под Сталинградом! Казалось — близка победа. Но война продолжалась...

В последующих боях за город Каменск в районе деревни Шарпаевки в одной из очередных атак мой танк был подбит противотанковым орудием противника. Покинув горящий танк, наш экипаж вынужден был вступить в рукопашную схватку с немецкими артиллеристами. Раненый и обгоревший, я попал в полевой госпиталь № 2410, а затем был переведен в полевой подвижный госпиталь № 1338, где пролежал до начала мая 1943 года.

В результате тяжелых ожогов кистей рук и лица я на некоторое время потерял зрение. Удачная операция по восстановлению обгоревших частей лица, особенно — носа и губ, а также перелитые мне в несколько приемов около полутора литров донорской крови способствовали сравнительно быстрому выздоровлению без эвакуации в глубокий тыл, и уже в начале мая 1943 года я был направлен в Москву в резерв Главного Автобронетанкового управления Красной Армии, ибо в этот период распоряжаться офицерами танковой специальности фронтовые и армейские кадровые органы не имели права.

И вот я со следами тяжелых ожогов лица, которое было сильно пигментировано, прибыл в Москву. Но радость встречи со столицей была омрачена тем, что я был одет не по форме. К тому времени в армии уже носили погоны, а я был одет в гимнастерку старого образца, да еще с самодельными кубиками в петлицах. К тому же на мне была промасленная стеганка, да старая пара валенок с протертой подошвой. Видимо я являл такую подозрительную личность, что пока добрался до здания нынешней Бронетанковой Академии, где располагался резерв, меня трижды задерживали щегольски одетые патрули и доставляли в ближайшую комендатуру, коих в Москве было много.

Правда, это обернулось для меня и хорошим: в последней по счету комендатуре мне выдали продталоны, по которым тогда кормили нашего брата-офицера, а выдал их посочувствовавший мне офицер-комендант — тоже с обгоревшим лицом, только — летчик. Вот так...

Словом, с приключениями и неприятными разговорами-объяснениями я все же добрался до места назначения, пообедав в ресторане «Балчуг», куда мне выдали талоны.

Через четыре дня я был направлен в город Нижний Тагил в резервный полк, где формировались маршевые роты для получения танков и доставки их на фронт. Этот полк располагался прямо на территории танкового завода. Там мне удалось увидеть, как и в каких

условиях работал наш тыл, как советские люди ковали оружие победы...

Особенно поразили мальчишки, по сути — дети двенадцати—четырнадцати лет, работавшие на сборке отдельных агрегатов танка.

Их озабоченный вид, изможденные лица, худые ручонки и впалые грустные глаза невыносимо терзали душу... Работая, они, голодные, часто в изнеможении останавливали привычные движения и их тошнило слюной. Но проходил приступ тошноты и они продолжали работу.

Это зрелище потрясло нас, офицеров-фронтовиков, участвовавших в сборке и обкатке танков.

Некоторым из нас, которые иногда говорили нелестные слова в адрес тыловиков, было не по себе...

Меня, например, потрясло и то обстоятельство, что резервным полком командовал подполковник без правой руки, ампутированной в результате ранения до самого плеча...

Да, это были не «тыловые крысы», как иногда выражались чаще всего псевдофронтовики. Это были великие труженики, страдавшие от голода мужчины (часто — калеки), женщины и дети. От непомерного труда, холода и голода (мы не видели на их лицах даже улыбок) они были молчаливы и очень грустны. Но они обеспечивали этим грозным оружием фронт, выполняя план. Причем, некоторые из них уже потеряли родных и близких... И что не менее удивительно: никакого брака или недоделок не обнаруживал ни один ОТК! Это был еще один хороший урок нам — офицерам-фронтовикам, свидетельствовавший о силе духа нашего народа и о величайшей надежности тыла! Этого не забыть. Вот так — желаешь или нет — опять пафос.

С эшелоном танков мы следовали из Нижнего Тагила в сторону европейской части страны, в сторону, где бушевала война. Куда конкретно следовал эшелон — не знал никто.

Вот проследовали знак «Европа — Азия». Опять ничего неизвестно и неясно. Названия редких станций ничего не проясняют — они совершенно не знакомы. Угадать: в каком направлении движешься невозможно, у местного населения спрашивать неудобно. Да и вообще-то никого и не видно.

Но вот получаем команду: расчехлить орудия танков, стоящих на платформах, и развернуть их поочередно в разные стороны от направления движения: будем проходить «Волховский коридор». А здесь, возможно, придется прорываться с ходу с ведением огня прямо с платформ. Так пояснили отцы-командиры.

Но вот благополучно миновали это обеспокоившее всех место и всем, даже мне, стало ясно, что следуем мы на Ленинградский фронт.

Прибывший в район станции Лехтусы эшелон встретили приподнято настроенные командиры довольно высоких рангов. Как выяснилось — такое количество танков Т-34 сюда не доставлялось давно.

Вдоль платформы, к которой подошел эшелон, были выстроены местные экипажи. Словом — танки у нас отобрали, а нам — офицерам, прибывшим с эшелоном, объявили, что мы должны следовать в резерв бронетанковых войск фронта в Ленинград на Лесной проспект.

Тут я взмолился, стал просить, чтобы меня оставили в части, ну во-первых потому, что слово «резерв» ассоциировалось с понятиями: жить впроголодь, кормить несметное количество злобных клопов и обидно именоваться «резервистом». А с другой стороны — жалко было отдавать боевую машину, собранную, по сути дела, обкатанную,

отрегулированную и пристрелянную своими руками.

В конце концов оставили в части меня одного, уж очень просившего и приметного. Сжалился, видимо, командир батальона.

Впоследствии это подтвердилось. Комбат Виктор Гнедин уже после войны признался в этом.

Итак, меня оставили в 84-м имени майора Ушакова отдельном танковом батальоне 220-й Отдельной танковой бригады, но предупредили, что назначат меня только командиром танка (а не командиром взвода — кем я являлся). Правда — танка тяжелого, что соответствует по штатной категории, так как на этом танке водитель — тоже офицер. Сказали, однако, что это — временно. Я не без внутреннего колебания согласился, полагая, что когда узнают меня поближе — переназначат на родные тридцатьчетверки, командиром взвода которых я уже воевал.

Однако, случилось это гораздо позже, чем я думал. А пока... А пока попал я, как отмечал выше, в прославленный 84-й имени майора Ушакова батальон, в составе которого находились: рота танков «КВ», рота танков Т-26 и самоходная батарея 76-миллиметровых орудий на шасси танка Т-26, ну и, конечно, обеспечивающие подразделения. Доставленные же нами из Тагила танки Т-34 полностью пошли на укомплектование соседнего — первого батальона (бригады) под командованием прославленного на Ленинградском фронте капитана Ермилова. Знатность капитана и некоторых других воинов батальона подтверждала услышанная мною песня, которую пели шедшие строем солдаты: «Уходят в бой Филатов и Кулаев, уходит в бой Ермилов капитан». И пелась эта песня на мотив любимой тогда всеми — песни о трех танкистах.

Как оказалось позже и в 84-м батальоне были одни знаменитости, не то что я, салага. Тут и прославленные еще во время войны с Финляндией братья Филатовы, и бравый красавец-сибиряк майор Гнедин, командир роты «КВ» капитан Лемешев, командир самоходной батареи — ранее награжденный орденом Ленина капитан Купин и многие другие. Многие офицеры батальона имели высокие награды еще за участие в боях по прорыву блокады. Их портреты, любовно обрамленные еловыми ветками, висели на самых видных местах. А в роте тяжелых танков «КВ», куда назначили меня... Там одних офицеров было чуть ли не больше, чем сержантов и рядовых. Командир роты, его заместитель по технической, механики-водители и командиры каждого танка — все офицеры. Да какие...

Во-первых — по возрасту большинство из них было старше меня лет на пять и более. Даже подчиненный мне водитель. Он даже по званию был старший лейтенант. К тому же все они сроднились в блокадном Ленинграде. Тут, брат, подумаешь о своем положении... Но делать нечего — надо работать.

Начались учения. Характер их для меня уж очень был странным. Ну, во-первых — строились настоящие ДОТы и ДЗОТы, отрывались настоящие противотанковые рвы, строились эскарпы и другие препятствия. И вот в ходе последовавших учений танки совместно с саперами и небольшими группами автоматчиков должны были овладевать конкретно определенными им оборонительными сооружениями. Причем эти сооружения были примерно такими, которыми предстояло овладевать в предстоящих боях.

Для меня, привыкшего действовать на широких просторах, на высоких скоростях и на большую глубину в составе крупных танковых соединений, эти действия в условиях болот и долговременных укреплений был непостижимым. Но действовать в таких условиях

предстояло, и необходимость учиться была очевидна. В этом я убеждался с каждым днем все больше и больше. И я учился. Учился упорно, терпеливо.

Но как ни учись, а наступит время к претворению науки в жизнь. На фронте подолгу учиться некогда.

И вот вскоре мы были введены в бои на печально известных Синявинских высотах. Болота, болота, болота... Один только выход в атаку стоил многих жертв.

Во-первых — на заводку двигателя бурно реагировали наши артиллеристы, с большим трудом вкопавшиеся в землю в условиях этих проклятых болот. Они уже по опыту знали, что даже на звук одного танкового мотора немцы открывают такой массированный огонь, что гибнут не только находящиеся в данный момент вне укрытий отдельные люди, но подвергаются разрушению и те укрепления и укрытия, которые сооружаются для артиллерийских расчетов и наблюдателей.

Поэтому подтянуть даже один тягач, чтобы вызволить, скажем, попавший в воронку танк, было практически невозможно, ибо, хотя это и парадоксально, свои же солдаты-артиллеристы открывали по нашим танкистам огонь, требуя заглушить моторы во избежание артналета противника. И, конечно же, нелегко было вызволять и те танки, которые в ходе очередной, скажем, атаки, попадали в «волчью яму».

Волчьей ямой называлась обширная и очень глубокая воронка от крупного снаряда или авиабомбы, залитая болотной водой, которую противник оборудовал тонкими жердями и прикрывал их хвойными лапами.

Наезжая на такую ловушку, особенно прикрытую снегом, танк неизменно проваливался и, безусловно, застревал. Иногда при этом его даже заливала набегавшая в эту яму болотная вода. Сумевшему выскочить из попавшего в такую западню танка экипажу приходилось вступать в бой или даже гибнуть в неравном бою.

Однажды во время одной из атак мой танк «КВ» и попал в такую ловушку. Лишь то обстоятельство, что, покидая танк, экипаж успел вытащить из машины оба пулемета, несколько снаряженных дисков и автомат, да затвор пушки, нам удалось, отбив несколько атак наседавших на нас немцев, отойти к своим, а несколько позже — заминировать подходы к танку, а затем и эвакуировать его.

В последующем эта машина участвовала еще во многих боях.

Бесплодные на взгляд непосвященных людей атаки на различных направлениях под Ленинградом, между тем, следовали одна за другой. Главной же целью боевой активности войск на Ленинградском фронте в тот период была необходимость сковать войска противника на этом фронте с тем, чтобы не дать ему возможности перебросить их в район Курского выступа. Не зная, естественно, об этом замысле, мы часто сожалели о потерях, которые несли из-за каких-то окаянных болот... Тем не менее каждую поставленную нам боевую задачу мы выполняли честно.

И поныне в моем офицерском личном деле подшита благодарность Верховного Главнокомандующего за участие именно в этих боях.

Небезынтересно отметить, что бои на Синявинских высотах, происходившие в 1943 году, однажды напомнили о себе через 32 года, то есть в 1975 году. И вот при каких обстоятельствах.

Пребывая в Марокко в качестве Военного, Военно-воздушного и Военно-морского атташе при Посольстве СССР в этой стране, я вместе с супругой был приглашен на обед недавно

прибывшим в Марокко новым военным атташе Германии, неким подполковником бундесвера Фрицем Кохом. На этот обед были приглашены им все иностранные военные атташе. Так вот Кох после того, как гости перешли из-за обеденного стола в салон посидеть за чашечкой кофе с коньяком или ликером, отвечая на вопрос о его участии во второй мировой войне, сказал, что в отличие от своего предшественника, подполковника Бендера — летчика, он был пехотинцем и воевать ему пришлось в более тяжелых условиях. Тут же он принес альбом с фотографиями разных лет и отыскал среди них любительский снимок офицера фашистской армии в полевой форме в чине лейтенанта, запечатленного на фоне блиндажа. Это и был сам Кох. Тут он рассказал, что снимок этот был сделан во время боев под Ленинградом на Синявинских высотах.

Рассказав о том, какие там были тяжелые бои и невыносимые условия, не зная, что и я воевал в тех краях, он начал с жаром рассказывать присутствующим об одном эпизоде. Так он поведал о том, что будучи пехотным офицером, он укротил русский тяжелый танк. Благодаря де своей смекалке и отважным действиям подчиненных, ему удалось вовлечь русский танк в замаскированную глубокую воронку, а покинувший танк советский экипаж, якобы, был уничтожен в рукопашном бою.

Я как бы совершенно незаинтересованно, просто для поддержания беседы уточнял: где точно по местности и когда по времени это происходило. Кох охотно рассказал, что это происходило в ходе второго наступления русских в направлении станции Мга из района Синявинских высот. Я уточнил, что танковая атака происходила из района 5-го городка. Кох с жаром подтвердил. Увлечшись, он рассказал и о других подробностях, используя подаваемые мной реплики. Словом, к концу рассказа Коха всем, кроме самого Коха, стало ясно, что мы с ним говорили об одном и том же, только с разных сторон. Тогда я, в свою очередь, рассказал всем присутствующим подлинную историю, которую изложил в этих записках несколько выше.

При этом уточнил, что экипаж мой, ведя неравный бой до наступления темноты, отбил все атаки и, взяв пленного, ушел своим. А немецкие солдаты всю ночь освещали местность ракетами и периодически вели стрельбу трассирующими пулями. Да и танк, рассказал я, удалось вызволить. Заметно растерявшийся Кох почти все детали моего рассказа подтвердил, переведя, однако, разговор на сетования по поводу тяжелого характера местности: она, мол, слишком была открыта, болотиста... Кроме того, сказал он, что моему экипажу помогала авиация. Я согласился, что «авиация» действительно была, только в составе единственного самолета У-2, который с наступлением темноты, выключая двигатель, через громкоговоритель читал текст сбрасываемых на немецкие позиции листовок.

В завершение этого экскурса в историю я в шутку заметил, что к сожалению пленным, которого мы взяли в тот памятный нам обоим день, оказался не сам Кох. Вот когда бы еще мы познакомились.

Все рассмеялись, а Кох делано поднял руки. Вот ведь где война напомнила о себе конкретными фактами!

За бои на Синявинских высотах члены моего экипажа были награждены боевыми орденами. И лишь я, как новый в части человек, был удостоен медали «За отвагу». Это была моя первая боевая награда, от того-то она и дороже каждой из последовавших наград (за исключением, разумеется, ордена Ленина и медали «Золотая Звезда»).

Потеряв практически все боевые машины в ходе предыдущих боев, наша бригада была

выведена на формирование в Ленинград (на его окраину) на правый берег Невы. Единственный оставшийся в целости в батальоне мой танк «КВ» было приказано подготовить к передаче в другую часть. С танком должен был передаваться и экипаж. А наш батальон должен был укомплектовываться уже однородной техникой. Поговаривали даже, что это будут мои родные тридцатьчетверочки! В предвидении возможности получения такого танка и то обстоятельство, что я успел сродниться с коллективом батальона, мне страшно не хотелось расставаться со своей частью. Но и разлучиться с экипажем было жаль чисто по-человечески. Однако мое желание остаться в батальоне совпало с решением комбата. Он приказал фельдшеру батальона (впоследствии моему большому другу Хасану Фатыховичу Якубову, скончавшемуся в 1984 году) найти повод и уложить меня в лазарет. Тот указание исполнил и мы, мирно беседуя, спокойно пребывали в уютном помещении лазарета. И когда офицеры, прибывшие принимать танк и экипаж, пожелали поговорить с командиром танка, то есть со мной, им сказали, что я болен и нахожусь в лазарете. Однако те настоятельно потребовали свидания со мной. Тогда фельдшер догадался срочно обмазать меня (обильно) противочесоточной мазью и уложить в постель. Гости, пришедшие в лазарет и увидевшие меня, смазанного неприятно пахнущей мазью и услышавшие от фельдшера бойко доложенный по-латыни диагноз, посчитав к тому же, что мое пигментированное лицо результат загадочного заболевания, оставили меня в покое и с брезгливой поспешностью покинули лазарет. Так я остался в своем теперь уже родном батальоне, а экипаж мой: водитель — старший техник-лейтенант Шмелев, командир орудия Вася Королев и радист Вася Лоскутов убыли с танком в другую часть. Вскоре кто-то из наших общих друзей сказал, что они в недавнем бою погибли в горящем танке. Я до сих пор испытываю угрызения совести... Смягчается это чувство лишь тем, что получив взвод танков Т-34, а затем став командиром роты всего несколькими месяцами позже в составе именно 220-й бригады, я своими действиями выполнил очень важную задачу. Это было в ходе исторического сражения по окончательному снятию блокады с Ленинграда.

И тем не менее, мне часто с неизменной грустью вспоминаются два семнадцатилетних Васи и сорокалетний рассудительный Шмелев, казавшийся нам тогда пожилым человеком...

Уже после написания этих строк мой сын подарил мне второй том книги о Героях Советского Союза, в котором значится и моя фамилия.

Просматривая этот том, я в разделе на букву «Ш» с большим волнением прочел данные об удостоенном этого высокого звания Шмелеве!

Да, Шмелев жив! Жаль только, что сведения о гибели Васи Королева и Васи Лоскутова уже никто опровергнуть не в состоянии...

Но вернемся несколько назад. К осени 1943 года наш батальон получил на вооружение танки Т-34 и, передислоцировавшись с правого берега Невы в развалины завода «Трубо-сталь», обосновался в районе Бабушкинского сада (около Володарского моста).

Танки мы разместили в неглубоко выкопанных рвах, установили под ними железные печки и укрыли штатными брезентами. Печи топили поочередно все члены экипажа, установив дежурство.

Таким образом, мы поддерживали машины в постоянной готовности к незамедлительной заводке и выходу по тревоге в любой момент.

И вот ранним утром 14 января, еще затемно, мы были подняты по тревоге, покинули

мало-мальски обжитые места и выдвинулись в район мясокомбината.

На рассвете 15 января мощная артиллерийская подготовка заколебала землю под ногами... Наконец, прозвучала команда и мы тронулись в направлении Пулковских высот. Миновав их, мы через боевые порядки наших войск, прорвавших первую полосу обороны, были введены в бой.

Батальону было приказано стремительно овладеть деревней Кургелево. Вытянувшаяся на шоссе колонна батальона уже на подступах к Кургелево была встречена массированным огнем тяжелой артиллерии и прицельным огнем противотанковых средств противника.

Справа и слева от шоссе были болота и обширные противотанковые минные поля. Сходить с шоссе — значит подорваться на минах.

Вот горит головной танк, затем — замыкающий, затем — где-то в середине колонны. Свернувший все же с шоссе танк подорвался на mine. Маневра назад и вперед нет. Многие из остановившихся на шоссе танков, ставшие неподвижной мишенью, горят. Сходящие с шоссе танки рвутся на минах. Потери в людях (десант автоматчиков на танках) и технике растут с каждой минутой. Гибнут танкисты, покидающие горящие танки.

На моих глазах погиб выскочивший из горящего танка механик-водитель одного из танков моей роты некто Чуфистов.

Это был круглолицый, смуглый крепыш невысокого роста. Глядя на этого мальчика, нельзя было даже предположить, что он водитель такой грозной боевой машины. Однако физически он был развит хорошо, а танк водил виртуозно. Я всегда любовался его динамичностью и собранностью, хотя он не был разговорчивым и вел себя степенно, что контрастировало с его уж очень молодежью видом.

Тут я вспомнил именно его вот в какой связи. Когда я после войны учился в Академии Бронетанковых войск (в первые послевоенные месяцы), ко мне пришел пожилой человек и, отрекомендовавшись, стал расспрашивать: где и с кем я воевал на Ленинградском фронте и помню ли я Чуфистова. Убедившись, что я и есть тот человек, которого он искал, стал более подробно расспрашивать обо всем, что я знаю о его сыне. Я не мог не рассказать правды. Ведь сын его погиб действительно на моих глазах. Да и, судя по его рассказам, он повидал уже многих однополчан сына, которые не меньше меня знали о его судьбе. Узнав от них, что именно я был непосредственным начальником его сына, он решил разыскать и меня, надеясь услышать, что его сын каким-то чудом остался живым, а если нет то, может быть, я знаю точно место его захоронения.

Надо было видеть, какие нечеловеческие страдания отражало все его существо, когда последний человек, от которого он надеялся услышать желаемое, подтвердил самое страшное...

Я до сих пор с душевной болью вспоминаю этого несчастного отца. В конце встречи он убедительно просил меня приходить к ним в дом.

Однажды я побывал в этой семье. Но больше не смог. Не мог и дальше видеть так тяжело страдавших этих добрых и милых людей. Может это трусость или эгоизм молодости — не знаю. Но я и поныне не могу сколько-нибудь спокойно вспоминать эту историю, тем более, что несколько позже я слышал, что отец Чуфистова — известный тогда профессор — преодолел массу трудностей, добился разрешения на перезахоронение сына. Он даже выхлопотал вагон для перевозки останков. Но проведя массу (каждый раз с колоссальным трудом добывая разрешения) раскопок, останков сына так и не нашел... Вот несчастье.

Простите меня, люди, за этот беспощадный рассказ... Но это правда. Однако вернемся к боям. Видя бесплодность наступления на данном направлении, командование отвело уцелевшие танки на исходную позицию к Пулковским высотам. И все началось сначала, но уже в другом направлении.

Снова мощная, но более короткая артподготовка, стремительный бросок — и мы под Красным Селом. Дальше на Лугу продвигаться было невозможно. Противник взорвал плотину выше, у Дудергофа, и колоссальная масса воды хлынула в низину перед Красным Селом, по которой, к тому же, проходила линия железной дороги. А железнодорожные пути противник буквально забил товарными составами. Обстановка осложнялась. И если немцам удалось бы задержать продвижение наших войск на данном направлении, то задуманного высшим командованием окружения немецких войск под Ленинградом в согласованные сроки могло не состояться. Это я четко понял, когда мне, как командиру передового отряда ударной танковой группы, ставилась задача еще перед броском.

В состав моего отряда входили: уцелевшие танки Т-34 нашего батальона (4 машины), взвод легких танков Т-26 (3 танка) и по одному взводу (по 3 боевых машины) самоходных артиллерийских установок 85-ти, 100 и 122-х миллиметровых калибров. Всего 16 единиц.

Поступил приказ начать продвижение. Но в наступавшей темноте выполнить приказ удалось не сразу. Когда я по радиации передал команду «заводи» — ни одна из приданных мне машин, кроме тридцатьчетверок, не выполнила команду. Пришлось сойти со своего командирского танка и, подходя к каждой машине, продублировать команду каждому командиру в отдельности. То же, примерно, произошло и при команде «вперед».

Наконец, моя группа двинулась, но вода уже залила стоявшие на путях вагоны почти до крыш. А медлить нельзя. Решаю сам, как бывший железнодорожник, расцепить вагоны в удобном месте и создать проход для броска.

Приходится опускаться в студеную воду, коченеющими руками расцепить несколько вагонов, а затем — растащить их танками. Наконец, создать проход удалось, и незнакомые мне члены приданных экипажей теперь уж ловят (на лету) мои команды и беспрекословно их выполняют. Более того, именно они подали мне сухую одежду, дали возможность быстро переодеться в сухое, да еще угостили «согревающим». И вот мы двинулись уже в наступившей темноте.

Преодолев лощину и захватив пленного, который вывел нас на Лужское шоссе, мы без потерь двинулись в указанном нам направлении. За нами устремились части 220-й бригады.

При подходе к населенному пункту Телизи наша колонна была встречена мощным артиллерийским огнем. Гибли автоматчики, сидевшие десантом на броне. У одного из них на моем танке изуродовало автомат, не повредив, к счастью, пострадавшего. Пришлось дать ему автомат, принадлежавший экипажу. Немцы усилили огонь, добавив к пушечному минометный огонь. Созрело решение: включить фары!

Подействовало: на какое-то время немцы прекратили огонь. Не исключено, что приняли нас за свои отходящие войска. А мы решили стремительным броском сходу проскочить этот населенный пункт с тем, чтобы как можно быстрее выйти в район встречи с войсками 2-й Ударной армии, наступавшей из района Ораниенбаум.

Когда мы втянулись в Телизи, немцы опомнились, но было поздно. Мы развернули башни в разные стороны и, ведя непрерывный пулеметный и пушечный огонь, быстро миновали этот населенный пункт и продолжили стремительное движение по шоссе. Ну а в

Телизи стрелять было в кого: там замешкавшиеся артиллеристы пытаются развернуть орудие для стрельбы по нашей колонне, там суетятся у лошадей, пытаюсь впрячь их в передки орудий, там в панике толпой бегут из деревни в поле отчаявшиеся немцы.

Сейчас забавно вспомнить, как на крыльце одного из домов явно пьяный офицер распекает насмерть перепуганного солдата. Автоматная очередь успокоила и его.

Выбегавшие на заснеженное поле толпы обезумевших немцев были превосходной мишенью. Сгоняя их трассирующими пулеметными очередями в плотные скопления и освещая ракетами, добивали танкисты оккупантов осколочными без колпачка... По моей команде наши автоматчики-десантники с помощью толовых шашек подорвали линию проводной связи немцев. Словом, в Телизи мы поработали на славу!

Продвигаясь далее по шоссе, приближаемся к населенному пункту Русско-Высоцкое. Действовавший в голове колонны нерадиофицированный танк по неясной для меня причине вдруг остановился. Посылаю вперед своего командира орудия сержанта Серкова выяснить у командира того танка обстановку и дать команду «вперед». Движение возобновляется.

Втягиваемся в Русско-Высоцкое. Противник открывает по нашей колонне прицельный огонь. Оказалось, что здесь же в засаде находятся немецкие танки «тигр». Огневая дуэль с ними результатов не дает: тигры остаются неуязвимыми, а мы несем потери. Решаю продолжить движение вперед — выполнять главную задачу: как можно быстрее выйти на соединение с войсками 2-й Ударной армии и, как было условлено, доложить командованию открытым текстом о соединении с ней. Это будет означать завершение операции по окружению немцев под Ленинградом. Пусть и противник услышит об этом — это даже полезно для дела!

Приняв решение, докладываю главным силам бригады о нем и о наличии «тигров», находящихся в засаде в Русско-Высоцком.

Вновь командую: вперед, увеличить скорость, развернуть пушки в разные стороны и, ведя огонь сходу, продолжать стремительное продвижение.

Вновь остановился головной танк. Опять вынужден послать связного. Встав на сиденье, высовываюсь по пояс из башни и вижу, как мой посыльный (ныне здравствующий и проживающий в Вологде — бывший командир орудия моего танка Иван Серков), продвигаясь ползком по кювету, пряча голову, столкнулся с ползущим навстречу немцем, оттолкнул его в сторону и продолжает ползти дальше — выполнять задачу. Мне пришлось укротить немца выстрелом из пистолета. Запнувшись было, колонна продолжила продвижение и через некоторое время впереди возник горящий населенный пункт,

В ответах пламени различимы зловещие силуэты танков, колонны солдат, но не слышно грохота боя. Смотрю по карте — это населенный пункт Кипень. До Ропши, где намечена встреча с войсками 2-й Ударной армии, еще далеко... Возникает досада: придется вести далеко неравный бой, поскольку пламя продолжало высвечивать весьма превосходящие силы. Смогу ли в срок выполнить главную задачу? Откуда в этом районе такая масса противника? Найду ли возможность оторваться от противника, чтобы во что бы то ни стало выйти к Ропше? Эти мысли мгновенно и мучительно обжигают сознание.

Прежде всего надо остановить головной танк, пока его не заметил возможный противник. Но с ужасом вспоминаю, что на нем нет радиации, а пеший посыльный не сможет его настигнуть в нужный момент. А танк, как назло, заметно прибавил скорость, хотя раньше,

даже подталкиваемый колонной, шел крадучись, иногда даже останавливался и приходилось через крошечный огонь посылать посыльного, чтобы дать ему команду на дальнейшее продвижение. Все ведь происходило ночью.

Тем временем этот танк уже с какой-то отчаянной стремительностью буквально взлетел по крутому подъему шоссе и, не видя быстро движущегося на него с боковой окраинной улицы танка, почти уткнувшись в него, резко остановился и замер... Замер и вышедший к нему сбоку танк. В наступившей зловещей тишине всем в остановившейся колонне было слышно, как звякнул затвор танковой пушки после досланного снаряда. Но что это? Выстрелов не последовало...

А через мгновение открылся башенный люк, из него выскочил наш лейтенант Павел Кузьмичев, а навстречу к нему бегут какие-то люди. Затем — крики, стрельба в воздух, объятья... Загадочно...

Через какое-то время я послал вперед сержанта-десантника, чтобы выяснить обстановку. Он достиг образовавшейся там толпы и оттуда с группой людей, среди которых был и командир нашего головного танка Паша Кузьмичев, направился в нашу сторону степенно-торжественным шагом. Я спрыгнул с танка, пошел навстречу группе. Подойдя к ней, зрительно определил старшего из подошедших с той стороны и произнес пароль, получив тут же четкий ответ. И тогда с обеих сторон люди с криками «ура» бросились навстречу друг другу, стали обниматься, салютовать из личного оружия.

Успокоившись, я узнал в подошедшем с той стороны офицере командира роты 205-го танкового полка, с которым был знаком ранее.

Вернувшись в свой танк, я радировал о свершившемся командованию. Вскоре из переключенного на Москву приемника мы услышали голос Левитана. Он извещал о том, что историческая операция по снятию блокады с Ленинграда победоносно завершена. Далее шло перечисление особо отличившихся частей и соединений и благодарность Верховного Главнокомандующего в адрес соответствующих военачальников.

Велика была радость! Но радоваться не было сил... А командир, принявший мое главное донесение, поставил новую задачу, сообщив, однако, что я представлен к награждению орденом Красного Знамени.

А вновь поставленная нам задача была нелегкой. Дело в том, что немцы, разобравшись к утру, что дело идет к их окончательному окружению под Ленинградом, а, следовательно, к их полному уничтожению, предприняли самые отчаянные меры к прорыву из окружения во многих направлениях.

На одном из таких участков, где действовал я со своей группой, немцы выставили заслоны и под покровом ночи приступили к выводу своих войск из окружения, пользуясь тем, что сплошного фронта окружения наши войска в течение суток создать не смогли.

По характеру их действий было видно, что они панически боятся окружения и рвутся напролом, не считаясь ни с какими потерями, встречая даже малейшее препятствие их движению по дорогам.

Здесь следует вспомнить, что в условиях Ленинградского фронта заболоченная местность даже зимой вынуждала вести боевую технику практически только по дорогам. Это обстоятельство и стоило нам немалых трудностей и потерь.

Так вот, выполняя вновь поставленную задачу, я должен был вывести свою группу на указанную мне в приказе развилку дорог и до подхода главных сил не допустить выхода

двигавшихся в сторону шоссе, ведущего к избавлению, немецких частей, мечущихся по заснеженным второстепенным дорогам.

С наступлением темноты я выстроил свою заметно поредевшую колонну и повел ее по одной из второстепенных дорог, кратчайшим путем ведущей к заветной развилке, указанной в приказе.

До нее оставалось менее километра, как вдруг головной танк, следовавший непосредственно передо мной, вспыхнул. На фоне пламени я видел, как экипаж покидает горящий танк. Вскоре к моей машине подбежал командир горевшего танка, знакомый уже нам Павел Кузьмичев, вместе со своим водителем старшиной Лозовским. Они доложили, что впереди у моста через глубокий овраг стоит засада минимум из двух «тигров», и что именно один из них поджег их машину. Командир орудия и радист погибли.

В состав моего экипажа входили члены экипажа командира 2-го батальона, майора Гнедина, так как накануне рейда моя машина была подбита, и мне передали радиофицированный командирский танк.

Так вот, выслушав донесение лейтенанта Кузьмичева, я решил сам выдвинуться вперед и под прикрытием горящего танка выяснить обстановку с тем, чтобы продолжить выполнение поставленной задачи. На мою команду — «вперед» — механик-водитель Миша Буриков закричал: — «Ты — командир, куда суешься в заведомое пекло?» Возмущенный такой бесцеремонностью баловня комбата, я ответил: — «А ты коммунист! Выполняй приказ!» Буриков повиновался.

Вот он стал медленно приближаться к горящей машине Кузьмичева по этой узкой накатанной дороге. И тут я увидел, что и «тигр» движется навстречу нам с намерением обойти горящую машину. Вот он обходит ее и, увидев мою машину, берет ее на прицел. Я упредил его выстрелом, но и мне тут же попало, однако — срикошетило. «Тигр» тоже остался невредимым. И тут Буриков, несмотря на мои окрики, стал задом пятиться, мешая мне вести прицельный огонь. Более того, он начал разворачивать нашу машину для движения в обратном направлении, готовясь, по сути, к бегству.

Поскольку мои команды по переговорному устройству не действовали на обезумевшего водителя, я стал ногой искать его голову с тем, чтобы условным ударом сверху заставить Бурикова остановиться. Но он, низко опустив голову и, тем самым, оторвав глаза от триплекса (смотровой щели), выжал левый фрикцион и, давая полный газ, начал разворачиваться. На накатанной дороге танк развернулся больше, чем на 180 градусов, и когда я крикнул: — «Смотри!» — Буриков поднял голову, повернул машину, пустив ее вдоль дороги, и лишь тогда осознанно посмотрел вперед. Тут уж мы все увидели: «тигр», вышедший из засады, движется на нас. Тогда Суриков отчаянно затормозил. Однако танк, продолжая скользить, уткнулся в «тигра»... Вот Вам и непредвиденный таран...

Видимо, он и для «тигра» был неожиданным, но он стал наводить свое орудие на наш танк, сдавая, однако, назад, чтобы вывести орудие на нужную позицию и уничтожить нашу машину.

Тут уж свое безукоризненное мастерство и смекалку продемонстрировал Буриков. Как только «тигр» начинал отходить назад, Миша синхронно посылал наш танк вперед. Тогда «тигр» принимался движением вперед подцепить своей широкой гусеницей ходовую часть нашего танка, рассчитывая, очевидно, порвать нам гусеницу или опрокинуть нашу машину. Тогда Буриков четко успевал подать наш танк назад... Так продолжалось, однако, недолго, хотя нам показалось, что это длилось целую вечность...

Вышеописанное маневрирование закончилось тем, что «тигр» прочно сел на днище, попав одной гусеницей в углубленный им же кювет.

Теперь настал мой черед. Я, высунувшись из башенного люка, показал, как фокусник, связку гранат, а десанникам приказал продемонстрировать немцам ящик с патронами, похожий точно на ящик с толом.

Его, этот ящик, мы бросили под немецкий танк и жестами показали, что намерены подорвать это устройство. В более спокойной ситуации каждый бы сообразил, что может произойти от взрыва целого ящика тола с обеими танками. Нервы немцев, однако, не выдержали. Люк башни «тигра» открылся и, вытягивая вверх руки, немцы полезли наружу. Но что это? Сколько их там? Лезут и лезут... Как оказалось, в этом танке, кроме экипажа, находилось командование ранее разгромленного нами в районе Телизи немецкого пехотного полка со штабными документами.

В самый последний момент кто-то из немцев все же нажал на спуск пушки. Произошел орудейный выстрел, и я, потерявший бдительность, получил контузию и ожоги.

Находившийся в засаде второй «тигр» удачно подорвали саперы, приданные моей группе. Всех пленных с конвоем автоматчиков отправили по назначению.

А тем временем впереди у развилки продолжали организованное движение устремившиеся вон из окружения немецкие части.

Высланный в разведку танк установил, что по шоссе уже непрерывным потоком движутся многочисленные колонны противника с пушками, автомашинами с личным составом на борту, штабными фургонами и другая техника. Что делать?

Как теми незначительными силами, которыми располагаешь, прервать это массовое безнаказанное бегство врага?

Приходит догадка: а что, если использовать только что захваченный танк?!

С многоопытным старшиной Лозовским — водителем недавно сгоревшего танка — изучаем практическую возможность использования этой машины. Двигатель послушно запустился. Механизмы управления — послушны, вооружение — в порядке. Маловато было горючего и очень мало боеприпасов. (Наше дизельное топливо в данном случае не годилось). Не смогли добиться и использования рации.

Тем не менее принимаем решение: выдвинуться на трофейном танке к злополучному шоссе, на каком-нибудь участке, удобном для вклинения в колонну, слиться с ней, а затем — выбрать момент, учинить непреодолимую пробку, вызвать панику в рядах противника и, тем самым, задержать его до подхода главных сил бригады.

По рации из своего танка доложили замысел командованию бригады, указав примерный участок шоссе, на котором намерены действовать, и направились в сторону шоссе.

Наконец, с необходимыми предосторожностями вышли к шоссе, выбрав удобный момент вклинились в движущийся в полной темноте поток и на крутых поворотах, в узких проходах, перед мостами через овраги и речушки стали подминать отдельные машины, тягачи, штабные фургоны, сталкивать их в овраги и на обочины дорог.

Основной замысел удалось осуществить в дефиле на повороте круто поднимающегося в гору шоссе. При движении к этому участку дороги на пути оказался штабной фургон, из которого то и дело выскакивал офицер и отдавал какие-то распоряжения по колонне. Мы решили подмять его. При первом толчке офицер высунулся из кабины, начал жестиковать и, видимо, кричать что-то повелительное. Тут Лозовский дал газ и фургон с

офицером остался расплюснутым позади нас, а мы, выйдя на высшую точку шоссе, развернули пушку и стали в упор расстреливать подтягивавшиеся к повороту машины, которые спешили на скорости преодолеть скользкий подъем.

Так начала образовываться задуманная пробка, поскольку стремящихся обходить остановившиеся машины постигала та же участь. А внизу пытавшиеся двинуться в обход по полю машины немцев застревали в глубоком снегу. Многие сваливались в овраги, а люди, в панике рассыпавшиеся по полю, вязли по пояс в снегу, выбивались из сил и далеко уйти не могли. Пробовали мы «помочь» им, открывая пушечный огонь, но желаемых результатов это не давало, а количество снарядов катастрофически уменьшалось. Пришлось перенести огонь по технике. Тут дело пошло веселее.

Наконец, снаряды кончились, приближался рассвет, началась стрельба и в нашу сторону. Поэтому мы стали искать возможность выйти к своим.

Раздавив еще несколько машин, у которых возились люди, пытаюсь, очевидно, их исправить, мы, наконец, устремились прямо по целине в сторону своих войск параллельно основному шоссе уже в обратном направлении.

На каком-то рубеже нас стали встречать уже более прицельным огнем. Было почти ясно, что это, наконец, свои. Невольно пришла на память невеселая шутка: «Бей своих, чтобы чужие боялись».

Поняв, что можно и не дотянуть до своих, мы демонстративно развернули пушку «тигра» назад, выбросили бельевою рубашку, но это не помогло. Очередной снаряд лишил нас нормального наблюдения.

Несколько сблизившись со своими, я послал пешим порядком командира орудия Валентина Ефимова вперед, разъяснить ситуацию. А уже почти совсем рассвело. Еще чуть — и будет, пожалуй, поздно. Но, к счастью, Ефимов чудом добрался до своих. Чудом — потому, что он страдал куриной слепотой. Мне же он побоялся признаться в этом — не хотел, чтобы я заподозрил его в трусости... Может быть, он мне и говорил что-нибудь, да я из-за контузии не слышал.

Во всяком случае огонь вдруг прекратился и мы благополучно добрались до своих. Правда, отдельные выстрелы еще раздавались, но мы невредимыми вышли к одному из окраинных домов какого-то населенного пункта и остановили там злополучный «тигр».

Позже мне рассказывали, что я, прыгнув с танка, еще что-то мычал, пытаюсь, очевидно, доложить о выполнении задачи. Но понявшие, что из-за контузии я не в себе, отцы-командиры стали меня успокаивать, а я, почувствовал себя очень дурно, лишившись сил, постыдно упал на снег.

К концу дня перед отправкой в госпиталь меня навесил командир бригады полковник Проценко. Он по-отечески пытался подбодрить меня и нарисовал на снегу Звезду Героя Советского Союза...

Позже мне рассказали, что увидев днем все, что мы «наворочали», командование решило вместо ранее обещанного мне ордена Красного Знамени представить к присвоению звания Героя СССР.

Это было в январе 1944 года. А награду эту по воле случая я получил лишь накануне парада Победы, то есть в июне 1945 года...

В госпиталь я попал накануне салюта в честь окончательного снятия блокады с Ленинграда, произведенного 27 января 1944 года.

Из госпиталя я по сути дела сбежал. За мной приехали офицеры моей роты, привезли обмундирование и практически выкрали меня, причем — без продовольственного и вещевого аттестатов.

Так я вернулся в свою часть, долечился и в дальнейшем участвовал в ряде тяжелых боев, в том числе — за города Остров, Порхов, а затем — и на Псковском направлении. Кстати — тонул в Псковском озере.

Оказавшись с танком на льдине, образовавшейся в результате минометного обстрела противника, я боялся воды больше, чем снарядов. Дело в том, что я совершенно не умел плавать. Ведь я родился на берегах бурного Терека. Плавательных бассейнов и соответствующих спортивных сооружений в нынешнем понимании мы не знали, поэтому научиться плавать было нигде. В лучшем случае мы, мальчишки, соревнуясь в удали, очертя голову бросались в пенистые воды бурлящего Терека и выбирались на другом берегу, куда нас выносила неукротимая стихия. Немало ребят поплатились жизнью за такую «смелость».

Поэтому я там, на Псковском озере, дал себе зарок: если останусь жив, то не только сам научусь плавать, но научу этому и детей своих и внуков...

В связи с одним из тяжелых боев мне вспомнился запавший в душу эпизод. Накануне одной из очередных атак мы с танковым десантом сосредоточились на исходной позиции. До сигнала атаки оставались, судя по всему, считанные минуты. И вот один из десантников, обращаясь ко мне, сказал с надрывом: — «Эх, командир! Я ведь прикрываю тебя вот этим своим родным!» И несколько раз ударил при этом себя в грудь кулаком. В эту тяжкую минуту ожидания и я, естественно, был напряжен до предела. Но мне стало жаль этого уже не очень молодого человека, находившегося в критическом состоянии духа. Мне до боли в сердце захотелось поддержать его, сказать ему какие-то особенные слова. Но, скованный сложной гаммой чувств, я только и смог сказать ему. — «Не колотись, родной мой человек! Мы с тобой обязательно раскрошим этих гадов и останемся живы, обязательно!» Жаль не запомнил я имени этого человека, но он мне запомнился тем, что действительно остался в живых и потом в перерывах между последующими боями не смотря на часто многокилометровые расстояния между расположениями наших частей, неизменно приходил к месту дислокации нашего батальона ежедневно и обязательно старался не только увидеть меня, но и тепло поприветствовать! Какими чувствами этот солдат руководствовался — не знаю, но я был счастлив, оказавшись прорицателем! Оказалось, что из всех десантников, находившихся в тот памятный день на броне моего танка, в живых после тех тяжелых боев остался он один...

Считаю излишним останавливаться на описании других боев на Ленинградском фронте, так как о главных моментах важнейших, с моей точки зрения, боев, я рассказал выше. Другие бои были не менее тяжелыми, а действия мои настолько однообразными, что описывать их уже неинтересно.

Хочу теперь рассказать о том, как я попал на учебу в Академию Бронетанковых войск, как там проходил процесс подготовки из меня уже дипломированного командира-танкиста с высшим образованием.

Однажды меня вызвали в штаб бригады и сообщили, что я, как офицер технического направления, имеющий образование в объеме трех курсов инженерного института, отобран кандидатом для направления на учебу в Академию Бронетанковых войск Красной Армии. В связи с этим мне надлежит с группой офицеров-танкистов Ленинградского фронта убыть в Москву.

В академии мне сказали, что в результате собеседования, на котором установлен уровень моей предыдущей подготовки, решено зачислить меня на второй семестр 3-го курса инженерно-танкового факультета.

Собираясь после войны уйти из армии с тем, чтобы завершить образование по избранной до войны специальности, я намеревался отказаться. Однако когда я сказал об этом, мне объяснили, что полученный мною боевой опыт и затраченные ранее средства на мою подготовку диктуют необходимость приобретения мною именно военного образования. Это, как мне сказали, целесообразно как в моих личных интересах, так и в интересах общества. Пришлось с этими доводами согласиться.

Так началась моя учеба в Академии. И именно на втором семестре 3-го курса инженерно-танкового факультета. Однако при этом нам было предложено уже в ходе основной учебы заново вычерчивать все листы технического черчения, выполнять все курсовые работы по теории машин и механизмов и исполнять курсовые проекты по деталям машин с тем, чтобы освежить в памяти уже изрядно подзабытое.

Было невероятно трудно, выполняя уже курсовые работы по расчету и конструкции двигателей, выполнять задания еще и за первые два курса, стоя за чертежной доской по многу часов, скудно питаясь в академической столовой по талонам. Но это было необходимо.

И мы учились достаточно старательно и добросовестно.

Завершив вполне успешно 3-й курс инженерно-танкового факультета, я, поразмыслив, подал рапорт о переводе на командный факультет. Этим я усложнял свое положение, так как пришлось осваивать новую и достаточно трудную для меня дисциплину — тактику высших соединений. На инженерном факультете я ее не изучал. Так что пришлось догонять своих товарищей по новому факультету, много занимаясь самостоятельно.

Учился я на этом курсе с такими товарищами, как ставшим впоследствии Маршалом Советского Союза Сергеем Леонидовичем Соколовым, генерал-полковником Павлом Даниловичем Гудзем, генерал-лейтенантами Орловым, Резниченко и рядом других генералов.

За 1 год до окончания Академии, то есть в 1946 году, офицеры нашего курса разъезжались на стажировку. Мне выпало ехать в Германию. Побывав в историческом Потсдаме, где располагалось командование наших Бронетанковых войск в Германии, я (по моей просьбе) был направлен в 220-й Отдельный танкосамоходный полк (так теперь именовалась моя родная бывшая 220-я Отдельная танковая бригада).

За работу вместо ушедшего в отпуск командира второго батальона этого 220-го полка я получил, как стажер, хороший отзыв, особенно за действия на очередных плановых учениях. Затем вернулся в Академию для завершения учебы.

Хочу отметить, что находясь на стажировке, я к взаимной радости для всех повидался с оставшимися в живых боевыми друзьями: Цезарем Малиновским, Хасаном Якубовым, Женей Серпуниным (радиостом моего командирского танка), Петей Кондратьевым, Толей Вахляевым, командиром 1-го батальона 220-й бригады майором Кононовым, начальником штаба 84-го имени майора Ушакова танкового батальона майором Винниковым. С последним мы вспомнили, как в январе 1944 года подбитый моей группой немецкий «тигр» разбил штабную машину нашего батальона, из которой Винникову удалось спастись.

К великому сожалению все вышеперечисленные мои боевые друзья, кроме Малиновского

и Винникова, уже ушли из жизни...

В родном мне по войне Ленинграде бываю ежегодно. Там уже нет в живых моего бывшего зампотеха — легендарного Жоры Филатова. Нет и моего бывшего радиста Жени Серпунина. Уже похоронили мы и комбата — Героя Советского Союза Виктора Гнедина. Нет в живых и любимицы нашей роты — санинструктора времен войны Маши Цветковой (по мужу — Голубевой). Не могу не отметить насколько скромной была эта девушка, не то, что некоторые другие. Она вела себя так, что никто не смел позволить себе никакой вольности в отношении ее даже словом. Вся рота вставала за нее стеной, если кто-нибудь делал малейшую попытку ее обидеть.

К ней был неравнодушен (а как впоследствии оказалось — очень любил ее) мой друг — командир взвода моей роты лейтенант Шумило.

Но ей был люб другой — командир батальона автоматчиков бригады капитан Васильев, который, однако, не отвечал ей взаимностью. А может — и не догадывался о ее чувствах. А Ивану Шумило Маша не отвечала взаимностью даже после гибели Васильева.

Как-то на мою реплику по этому поводу она сказала: — «Если останусь живой — выйду замуж за калеку, но Ивану портить жизнь не буду. Я его глубоко уважаю, но...». И что вы думаете? Она таки вышла замуж за потерявшего ногу по тазобедренный сустав механика-водителя Голубева (вот и пойми этих женщин). Родила она Голубеву сына, назвала Сашей.

Когда я в очередном письме сообщил Ивану о кончине Маши, он ответил: — «Боже мой, и такой женщины уже нет на свете»...

Должен заметить, что Иван, с виду угрюмый человек, обладал тонким юмором и был весьма сентиментальным. Как оказалось, он даже писал стихи. Да, но почему «был», почему «писал»? Уже не так давно в одном из писем с поздравлениями по случаю дня Победы он мне прислал такие, например, стихи:

*Судьбе наверное уж так угодно было
Мы встретились танкистами уже,
Война нас вместе поселила
На грозном Ленинградском рубеже....*

*И как бы внуки нас ни обожали,
И как бы ни любили сыновья,
Как жили мы и как мы воевали
Об этом знаем только ты и я.*

Нам выпала судьбина много хуже...

Бывало так, что только, брат, держись!

И это не забыть нам, дружже

Во всю оставшуюся жизнь.

Должен заметить, что мы, друзья Маши, еще когда она была жива, установив, что она со своим мужем-инвалидом и малолетним сыном живет в семиметровой комнатке в общей квартире — подняли на ноги все инстанции и добились справедливости. Ей дали отдельную

квартиру. Квартира оказалась в доме, расположенном на улице «Стойкости», которая совпала с тем рубежом обороны Ленинграда, на котором во время войны стояла насмерть Маша...

В последний раз мы виделись с ней, когда был еще жив Женья Серпунин. Пообедали вместе в ресторане «Нева» в Ленинграде и вспомнили многих и многое...

Ранее я уже упоминал, что в Ленинграде бываю ежегодно. И вот однажды в очередной свой приезд я посетил мемориал, сооруженный на площади Победы в ознаменование 900-дневной обороны Ленинграда.

С радостью и гордостью я увидел свое имя на мраморной доске мемориала! Что я мог испытывать в тот момент? Это, очевидно, наблюдали мои друзья, сделавшие мне сюрприз, не сказав ничего заранее.

Но вернемся в Академию. Окончил я ее в сентябре 1947 года — в год 800-летия Москвы. Так что дата памятная.

Сразу после выпуска по моей просьбе я был направлен в Орджоникидзевское танковое училище (было такое). Хотелось пожить вблизи своих родителей, тем более, что отца я не видел еще с довоенных времен. Однако прослужить там пришлось недолго. Вскоре после моего прибытия это училище было расформировано и я остался служить в Отдельном танко-самоходном батальоне стрелковой дивизии на должности командира танковой роты. Это — с академическим дипломом!? (Вот ведь какой карьерист!). А в те годы офицеров с академическим образованием было очень мало. Вот ведь как «по-государственному» поступали некоторые горе-кадровики! А ведь использовать мое высшее образование, опиравшееся на боевой опыт, было где! Вскоре, однако, и отсюда "не пришлось убывать. Приказом Главнокомандующего Сухопутными войсками я был направлен в распоряжение командующего Закавказским военным округом для назначения в состав армянской дивизии, именовавшейся 89-й Таманской.

Ее было решено укомплектовать офицерами армянской национальности.

В то время в составе вооруженных сил страны имелось несколько национальных формирований: во всех трех закавказских и прибалтийских республиках были такие дивизии.

Кадровые органы Закавказского военного округа направили меня в распоряжение командира вышеупомянутой армянской дивизии. Долго думал командир этой дивизии: куда назначить такого молодого офицера, утверждающего, что он окончил Академию? И поскольку мое личное дело поступило из штаба округа гораздо позже моего прибытия в дивизию, ее командир все откладывал решение о моем назначении. Наконец, личное дело поступило в штаб дивизии и я был приглашен на беседу к командиру дивизии генералу Мартиросяну.

Беседа проходила в присутствии начальника штаба дивизии полковника Миансарова Сергея Аркадьевича. Она была весьма продолжительной и пространной. Начальникам, видимо, хотелось хоть таким образом определить: что же представляет собою этот уж очень молодой офицер с академическим образованием? К этому времени в дивизии было всего два офицера с академическим образованием. А офицерский состав армянской национальности продолжал поступать со всех вооруженных сил. Поэтому задача для командира дивизии действительно была нелегкой: как оптимальнее расставить эти кадры?

Наконец, я получил назначение на должность начальника штаба Отдельного мотоциклетного разведывательного батальона. Видно командир дивизии и начальник штаба весьма внимательно изучили мое личное дело, в котором, собственно, к тому времени

имелись лишь одни боевые характеристики и фронтовые реляции, да выпускные документы, подшитые в Академии. Да и обстоятельная беседа их, очевидно, навела на мысль о моей пригодности именно к разведывательной деятельности. Хотя я за собой особых способностей в этом отношении не замечал. Поэтому назначение я принял без особого энтузиазма.

Долго ли, коротко ли — я приступил к работе. Командиром моим оказался также офицер — выпускник Академии (Фрунзе) подполковник Акопянц. Так что, как говорили, нашему разведывательному батальону повезло... Не знаю — как батальону, а я особого восторга что-то пока не испытывал. Работать было нелегко, так как офицеры старше возрастом часто выказывали пренебрежение к «академикам» и по-псевдочапаевски изрекали: — «Мы академиев не кончали».

Так прослужил я в Таманской дивизии до 1951 года. Затем — был отобран кандидатом в дипломатическую академию.

Вот ведь как иногда складывается в жизни: совершенно новая специальность! Все надо начинать с нуля... Но об этой службе, которой я отдал более 35 лет жизни, разговор еще впереди.

Удивительный феномен — человеческая память! Все, что происходило много десятилетий назад, помнится с мельчайшими подробностями, а детали чуть ли не вчерашних событий вспоминаются с трудом!

Это либо потому, что согревают душу или болью отзываются в сердце воспоминания детства и молодости, или потому, что глубокие зарубки в памяти оставила война... А может — и возраст...

Все, что связано с детством, отрочеством и юностью (о чем я рассказал в начале своего повествования) и особенно — с Великой Отечественной войной память сохранила со щемящими сердце подробностями. И горечь утрат, и радость побед — больших и малых — и по сей день глубоко волнуют сердце.

На самом деле: разве можно забыть горючие мужские слезы при виде только что погибшего друга, либо истерзанных захватчиками женщин и детей на только что освобожденной земле?

С другой стороны — ни с чем невозможно сравнить радость мужчины, когда он после четырех лет кошмарной войны вдруг осознает: это Победа!

А как должен ощущать себя человек, когда чеканя шаг, он идет по главной площади страны победителем! Я имел счастье испытать это и полагаю, что более высокой радости для мужчины нет на свете! А ведь мне посчастливилось участвовать в параде Победы в 1945 году, а четыре десятилетия спустя — в параде, состоявшемся в ознаменование 40-летия со дня Победы в 1985 году!

После такого эмоционального отступления мне предстоит осветить самый большой и самый сложный отрезок своей жизни и службы протяженностью в 35 лет.

НОВАЯ СПЕЦИАЛЬНОСТЬ

Итак, со специальностью офицера-танкиста я расстался в 1951 году и стал обучаться военно-дипломатической службе. Учился я 4 года.

Наряду с изучением иностранных языков надо было осваивать основы дипломатической службы, международного права, страноведения, протокол и этикет и другие науки.

Надо сказать, что всякого рода церемонии, основанные на разного рода протоколах и этикетах (общегражданском, дворцовом и военном) я ранее считал атрибутами буржуазного общества. А грядущая работа, в процессе которой надо было представлять славную Советскую Армию, требовала, кроме твердого знания иностранного языка, умения вести светские и, разумеется, профессиональные беседы, знать тонкости дипломатического протокола, обладать должными манерами.

Наряду с этим необходимо было изучать историю, географию и культуру соответствующих государств.

Естественно, что недавно вытаскивая из-за голенища керзового сапога алюминиевую ложку, нелегко было научиться хотя бы свободно пользоваться столовыми приборами. Не говоря уже о манерах. Давал еще о себе знать фронтовой быт и привычки.

Словом, новая специальность доставалась с таким трудом, что теперь смешно даже вспоминать. На самом деле, теперь уже давно у всех нас есть столовые приборы, сервизы, серванты, различного рода и предназначения бокалы, салфетки и тому подобные вещи. У нас же, у большинства недавних фронтовых офицеров, еще не было сколько-нибудь сносного жилья, не говоря уже об отсутствии всякого рода столовых приборов, мало-мальски подходящей посуды и прочее.

Не обладало большинство из нас и навыками поведения за сервированными для званных обедов столами, тем более на дипломатических ланчах, обедах, ужинах, больших приемах и коктейлях. Не знакомо было и таинство рассадки гостей за обедом в соответствии с дипломатическими рангами по карте стола. Не сразу удалось разобраться и с различного рода визитными карточками, а также порядком их пользования. Вроде бы — мелочь. Это теперь, в наше время — мелочь. А тогда все это для нас являлось целой наукой. Причем, даже хорошо усвоенную теорию этой «науки» было ой как нелегко увязывать с практикой.

Читающий эти записки волен снисходительно улыбнуться, либо скептически отнестись к таким, по его мнению, наивным сентенциям. А нам, тогдашним слушателям этого специального учебного заведения, было не до смеха. Уже в процессе обучения мы стали понимать, что любая неловкость каждого из нас в этих «мелочах» могла вызвать нежелательные последствия. Не говоря уже о дипломатических казусах, которые могли нанести определенный ущерб престижу страны.

Особую трудность я испытывал в овладении иностранным языком. Дело в том, что вначале мне определили для изучения турецкий язык.

Я с удовлетворением воспринял такое решение, так как считал, что мои познания в разговорной речи на азербайджанском языке, особенно в бытовой лексике, помогут мне сравнительно легко выучить турецкий. Однако через несколько занятий начальство объявило, что мне в качестве основного языка определяется для изучения арабский язык... Я, разумеется, был очень огорчен. Я рассуждал примерно так: вот другим повезло, поскольку они будут изучать, скажем, английский, французский, итальянский, следовательно, им предстоит работать в США, европейских или в латиноамериканских странах. А вот мне —

мало того, что придется изучать такой трудный язык, как арабский, но я вынужден буду и работать в арабских странах. Это, конечно, наводило на невеселые раздумья. Там, мол, и климат сложный, и быт, обычаи и нравы мусульманских стран, ну очень непривычны и загадочны.

Утешало лишь то, что в качестве второго языка мне для изучения был назначен французский язык. А это (как можно было предположить) могло означать, что работать предстоит в тех арабских странах, где главенствует французский язык, то есть в Сирии или Ливане. Такая догадка впоследствии оправдалась.

Шли выпускные экзамены. Вдруг меня пригласили представители соответствующих кадровых органов и после обстоятельной беседы весьма прозрачно намекнули на скорый отъезд именно в Сирию!

Пожелав мне успешной сдачи государственных экзаменов, посоветовали начать подготовку к выезду за рубеж.

А проблем в связи с предстоящим отъездом возникало много. Надо было решить: куда девать хотя и скудные, но нажитые за время семейной жизни пожитки, поскольку занимаемую в служебной квартире комнату следовало освободить, как быть с достигшей школьного возраста дочерью, поскольку тогда в стране назначения советской школы при посольстве еще не было. В конце концов решили: вещи контейнером отправить к родителям во Владикавказ, а дочь с разрешения командования взять с собой с условием, что жена будет заниматься с ней по программе начальных классов сама.

Раздобыли программу, буквари, прописи, тетрадки, книги для чтения, различные школьные принадлежности. Остальные хлопоты — пустяк. Мне гражданскую экипировку удалось приобрести без особых трудностей, а вот одеться жене было потруднее. Платье сколько-нибудь подходящее, либо там кофту с юбкой еще можно было найти в своем гардеробе, а вот с легким пальто — было сложно.

После долгих поисков удалось случайно купить в ГУМе так называемый пыльник, то есть легкий плащик от пыли...

Словом, с горем пополам — собрались, прошли все оформления, получили дипломатические паспорта (тогда в корочках из черной кожи с золотым теснением) и в первых числах ноября 1955 года вылетели через Париж и Бейрут на Дамаск.

В паспорте было указано, что я являюсь помощником военного атташе при Посольстве СССР в Сирии и Дипломатической Миссии СССР в Ливане. (Дело в том, что в то время в Сирии у нас уже было Посольство, а в Ливане еще только Миссия). Таким образом наш аппарат Военного атташе учреждался одновременно на две страны.

Итак, 5 ноября 1955 года я с женой и дочерью прибыл в Дамаск — благословенную столицу Сирии, приступив к работе по определенной мне должности.

В октябре 1956 года было получено сообщение о присвоении мне очередного воинского звания «подполковник» (с большим опозданием) и одновременно сообщалось, что наша дипломатическая Миссия в Ливане преобразована в Посольство и там учреждается самостоятельный аппарат Военного атташе. Пребывающий в Бейруте полковник Плахин И. Ф. (старший помощник аккредитованного ранее аппарата на две страны) назначается Военным атташе уже при Посольстве СССР в Ливане, а я должен переехать в Бейрут в качестве его помощника. О дальнейших событиях в этой связи — позже.

Теперь же я хочу рассказать о некоторых (на мой взгляд) небезынтересных деталях самого

путешествия моей семьи из Москвы в Дамаск.

При отъезде кроме дипломатических паспортов мне вручили авиабилеты и 100 американских долларов. При этом строго предупредили, что доллары эти я могу расходовать только при крайней необходимости. Будучи строго предупрежденным, я и в мыслях не допускал касаться этих долларов, тем более того, что означает эта таинственная «крайняя необходимость» я не знал.

И когда в лайнере компании «Эр Франс» нам стали предлагать напитки — мы решительно отказывались от них, полагая, что за это придется платить. Более того, когда в Париже нас разместили в гостинице, представители этой компании и предложили поужинать, мы также твердо отказались.

Как ни парадоксально, но ни я не знал, что вышеперечисленные услуги входят в стоимость авиабилета, ни провожавшие нас из Москвы товарищи нам ничего о таких ситуациях не говорили. А мы и не спрашивали...

В последующем в течение многолетней работы за рубежом мы, естественно, уже знали, как следует поступать в подобных ситуациях, и было смешно вспоминать, как мы были наивны раньше. А в первый раз нам, измученным и голодным, было не до смеха в парижской гостинице. Да было, откровенно говоря, и не до ужина.

Дело в том, что уже при вылете из Праги на Париж мы обнаружили у дочери высокую температуру. Опасаясь, что эпидемиологическая служба может прервать наш полет и это осложнит наше положение с больным ребенком, мы тщательно скрывали факт его заболевания. Думалось, что будет надежнее приступить к лечению ребенка по прибытии к месту назначения. Беспокоила и полная неизвестность того, что с нами будет, если нас снимут с рейса. Поэтому-то мы с женой решили продолжить полет.

Нам удалось со спящей дочерью на руках благополучно усесться на самолет компании «Эр Франс» и мы прибыли в Париж в аэропорт Орли. В Париже нам предстояла пересадка на самолет компании «Мидл ист», который должен был доставить нас в Бейрут, откуда сухопутным, либо самолетом же мы могли добраться до Дамаска.

Так вот, прибыв в аэропорт Орли, мы должны были проследовать в гостиницу «Гар лез-анвалид», там переночевать, а утром продолжить полет.

Надо было обратиться в справочное бюро с тем, чтобы решить вопрос о порядке следования в вышеуказанную гостиницу, так как местной валюты у меня не было. Меня упредила молодая симпатичная служительница аэропорта в очень украшавшей ее униформе.

Подойдя ко мне, она спросила: «Парле ву франсе?» Я, переволновавшийся в связи с ухудшением состояния здоровья Дочери, сдуру ответил: «Но, мадмуазель». Тогда она терпели-^{Bo} поинтересовалась о моих познаниях в английском, испанском, итальянском и не помню уж в каких еще языках. Наконец, несколько придя в себя, я выдавил из себя: «Же парль рюс». Тогда она как-то обрадованно заметила по-русски: «Я почему-то так и подумала».

В ходе дальнейшего диалога, связанного с порядком наших последующих действий, у меня вдруг так пошел французский, что она воскликнула: «Вы же прекрасно говорите по-французски!» Я просиял... Вручив нам две двухсотфранковых монеты, она вывела нас на площадь и усадила в такси. Шофер привычным маршрутом доставил нас в гостиницу.

Здесь уж необходимо было принимать какие-то меры с тем, чтобы оказать помощь почувствовавшей себя хуже дочери, у которой температура поднялась очень высоко.

Я вышел из номера, в котором нас разместили, для того, чтобы выяснить конкретную возможность оказания медицинской помощи девочке. За чем-то вышедшая следом за мной жена нечаянно захлопнула дверь. Ключи остались внутри, а мечущаяся в жару девочка стала плакать и звать на помощь. Я в панике обежал почти всю гостиницу, но вначале никого не нашел. Затем я стал толкаться в каждую дверь и, наконец, нашел заспанную женщину, проснувшуюся, видимо, от моих громких призывов (было далеко за полночь).

Выслушав меня, она открыла дверь запасным ключом. Девочке становилось все хуже... Я ринулся за врачебной помощью, сообразив, что в такой поздний час надо искать ближайшую аптеку. Там пришлось долго стучать. Мне удалось объяснить открывшему, наконец, дверь человеку, что у девочки 7-ми лет очень высокая температура и ей надо бы чем-то помочь до вызова врача. И, представьте себе, я так бойко, свободно и грамотно говорил по-французски, что меня тут же поняли и пожилой человек (видимо — хозяин аптеки), взяв какие-то медикаменты, вызвался пойти со мной в гостиницу.

Через час—полтора после принятия принесенного аптекарем лекарства температура у дочери заметно снизилась и она, успокоившись, уснула. К утру температура нормализовалась и мы продолжили полет.

Наш благодетель вначале от вознаграждения отказывался. Он, видимо, понял, что мы русские, так как мы с женой обменивались репликами скорее всего по-русски. Вспоминая его адекватную реакцию на слова жены в ходе осмотра ребенка, я почти убежден, что это был русский по национальности человек.

В конечном итоге, несмотря на его отказ, я вручил ему 20-долларовую купюру (у меня их было 5 одинаковых штук). Осведомясь — не мало ли — я успокоился.

Для чего я рассказал эти банальные истории с перипетиями, связанными с затруднениями в пути следования? А для того, чтобы проиллюстрировать как мы, обучая своих людей порой глобальным проблемам, забывали тогда о так называемых мелочах, которые осложняли нам жизнь. Хорошо, если только нам самим...

Кстати, эти израсходованные мной 20 долларов финансисты вычли у меня из зарплаты в иностранной валюте в 12-ти с половиной кратном размере... Я, естественно, никаких возражений и не подумал высказать.

Таким же порядком наши финансисты обошлись со мной и несколько позже. А дело было так. Мы возвращались из очередного отпуска по маршруту Москва — Бухарест — София — Бейрут. Причем: до Бухареста самолетом родного аэрофлота, а затем — через Софию самолетом компании «КЛИМ». В Бухаресте и начались наши злоключения... Вылететь оттуда было невозможно: по метеоусловиям не принимала София. Другим маршрутом по имеющимся у нас билетам продолжать полет мы не могли. Как и полагалось в таких случаях, представитель Аэрофлота в Бухаресте разместил нас в гостинице. Он же обязан был обеспечить нам питание в ресторане гостиницы вплоть до дня нашего отлета из Бухареста.

Первые сутки нас в ресторане встретили приветливо и вкусно покормили. На вторые — потребовали личного распоряжения представителя Аэрофлота. С превеликим трудом нам обманным путем удалось связаться с этим человеком по телефону и потребовать его явки в гостиницу. Он явился, демонстрируя, однако, свое крайнее возмущение нашими действиями. Нас, хотя уже без прежнего энтузиазма, покормили в ресторане еще сутки. А погоды все нет. Теперь уже никакими ухищрениями нам не удавалось добиться прибытия представителя Аэрофлота в гостиницу. Даже консульский отдел нашего Посольства не смог этого сделать.

Пришлось обратиться к своему коллеге — военному атташе при Посольстве СССР в Румынии (ныне здравствующему генерал-майору в отставке Журавлеву). Кстати — по удивительному совпадению ныне мы с ним проживаем в одном подъезде нашего замечательного дома по Ленинградскому проспекту № 75.

По моей просьбе он предложил выдать мне некоторую сумму в местной валюте «на карманные расходы». Я с благодарностью принял его предложение. Теперь я заходил в Ресторан с женой и сыном гордый и независимый. Имея деньги, мы смогли даже сдать белье в стирку. Словом, зажили мы нормальной жизнью, прожив в Бухаресте еще целую неделю из-за нелетной погоды. Правда, вследствие этого удалось совершить множество интересных экскурсий по Бухаресту и встретить там Новый 1958-й год в кругу сотрудников нашего Посольства.

Наконец, настал день, когда уже сам представитель Аэрофлота разыскал нас и срочно отправил на Софию.

Но на этом наши злоключения не закончились. Теперь мы прочно засели в столице Болгарии. Причина та же: метеоусловия самой Софии. Огорчению моему не было конца, тем более, что, убывая из Москвы, я просил нижайше — не отправлять меня этим маршрутом, так как один товарищ, уже опробовавший этот маршрут в это время года, предупредил меня о возможных неприятностях. Но мою просьбу истолковали как желание лететь через Париж и отвергли ее.

Тут, в Софии, я уже не стал полагаться ни на чье попечительство и сам стал искать возможность улететь из этого гиблого места.

И я направился к начальнику болгарской авиакомпании. Им оказался брат торгового представителя Болгарии в Сирии Стефанов. В беседе выяснилось, что и я работаю в Сирии. Мало того, оказалось, что мы со Стефаном Стефановым (так звали болгарского торгпреда) вместе охотимся в Сирийской пустыне. Словом, состоялась довольно приятная и полезная беседа, в результате которой Стефанов решил отправить нас небольшим самолетом вместе с вылетающей на какие-то соревнования в Каир командой болгарских велосипедистов.

На сей раз нам повезло: долетев до Афин, нам удалось вылететь самолетом компании «Мидл Ист» прямо на Бейрут. Тем самым отпала необходимость продолжать полет с велосипедистами в Каир и искать возможность оттуда вылетать в Бейрут.

Но история в финансовом плане повторилась, как и в случае с долларами. За занятые в Бухаресте румынские деньги с меня опять в валюте удержали, на этот уже более крупную сумму, чем за доллары. Ясно, что это не бог весть какая важная информация, но она проливает свет на «сервис» нашего хваленного в те времена «Аэрофлота». Так что рекламный призыв «летайте самолетами Аэрофлота» для меня надолго потерял какую-либо заманчивость.

Теперь после этих «лирических» отступлений вернемся к первой зарубежной командировке.

Итак, первая должность помощника Военного атташе при Посольствах СССР в Сирии, а затем и в Ливане. Первые впечатления о «загранице» вообще и об арабском Востоке — в частности.

Дамаск, а затем и Бейрут встретили нас удивительными контрастами. Обилие различных ломящихся от товаров магазинов и лавчонок. Громкие крики продавцов различной мелочи. Ароматы многочисленных и разнообразных фруктов, овощей и восточных сладостей.

Аппетитные ароматы арабских блюд, готовящихся прямо в харчевенках торговых рядов, запах свежее испеченных лепешек, жареного кофе, различных специй, разложенных торговцами в специальные лоточки и блюда. Предупредительность и гостеприимство хозяев ювелирных магазинов и магазинчиков, в изобилии разбросанных как по рядам главного рынка Дамаска, знаменитого «Сук хамадийе», так и в районе «Пляс д'этуаль» (площади звезды) в Бейруте... И, конечно же, обязательная чашечка ароматного кофе по-турецки с неизменным бокалом (или даже — графином) воды со льдом в любой лавчонке. Жгучее, всюду проникающее солнце и прохлада в тени торговых рядов... Неизменные коктейли из бананов, морковного, апельсинового, яблочного, виноградного и ежевичного соков, вкус которых передать невозможно...

А на углах улиц — сандвичные с жарящимися на вертеле курами и каурмой. Своеобразный ритуал в ресторанах Дамаска и особенно — Бейрута, в том числе и в ресторане «Грот о пижон», расположенном прямо на набережной Средиземного моря.

Вначале до приема заказа на основные блюда, вам подвозят на специальных тележках многочисленные закуски, именуемые одним словом — «меzze». Тут и разнообразные соленья, и так называемые «кеббе» как обжаренные, так и в сыром виде (сырое мясо, растертое с пшеничной крупой и сдобренное оливковым маслом); «хомос» — паста из растертого особого сорта отваренного гороха с оливковым маслом и специями; смоченные в соленой воде и затем просушенные фисташки, семена тыквы, арбузов и другие; маслины и прочие закуски с добрый десяток других наименований и разновидностей. Ну и, конечно, чудеснейшее пиво — знаменитый «Аш-шарк».

Не менее своеобразны и основные блюда, например — куры на вертеле с чесночным соусом, взбитом на густом кислом молоке и оливковым масле; не менее богато разнообразие и блюд французской кухни, приготовленных, однако, с восхитительными восточными специями.

Поражало и обилие по вечерам освещенных газовыми фонарями повозочек с шербетами, зелеными фисташками, кокосовыми орехами, початками вареной молодой кукурузы и различными лакомствами для детей.

Большое впечатление производили и оригинальной архитектуры дома и, особенно, виллы в кварталах, где проживали имущие слои населения и иностранные дипломаты.

А наряду с этим — нищета в лагерях палестинских беженцев и небогатых сирийцев и ливанцев, в те годы проживавших на окраинах Дамаска и Бейрута.

Кстати, о палестинских детях того периода. Никогда я не видел их попрошайничающими, хотя многие из них жили в страшной нужде.

Подрабатывали они тем, что таскали, скажем, корзины с провизией или какими-нибудь иными покупками какой-либо щедрой хозяйке. Чаще всего они продавали жевательную резинку. Из большой упаковки, содержащей коробочки из двух подушечек жевательной резинки, они каждую коробочку продавали по 15 пиастров. Таким образом от продажи всей упаковки им оставалась какая-то сумма, конечно же — очень небольшая. Так вот эти гордые ребята в возрасте не старше 6—7 лет (а часто и четырех—пяти лет), которым ты из лучших побуждений давал, скажем, вместо 15 пиастров 20-ти пиастровую монету, догнав тебя, дергали за рукав и давали сдачи 5 пиастров.

Именно так было в те годы. Как сейчас — утверждать не берусь.

Об одном наблюдении, касающемся сирийских детей, их поведения и воспитания.

В непраздничные дни их никогда не одевали в праздничные наряды. В такие дни не действовали никакие карусели, либо аттракционы. Зато в праздники детей одевали в лучшие наряды и они, веселые и радостные, катались на различного рода каруселях, качелях и качалках, ели всякие лакомства, в том числе — мороженое. Словом — праздновали.

Однажды я был приглашен на обед к крупному и весьма состоятельному местному военачальнику. Перейдя из-за стола в салон, где нам подали кофе по-турецки и шоколадные конфеты, мы с хозяином продолжали беседу. Тут я заметил, что в приоткрытую дверь заглядывает мальчик лет трех—четырёх и завороченно смотрит на конфеты. Я поманил ребенка. Он вошел, почтительно по-восточному меня поприветствовал. Спросив согласие отца, я дал ему несколько конфет. Мальчик с радостью принял угощение, поблагодарил меня и вприпрыжку побежал вон из салона. А хозяин дома пояснил: мы убеждены, что нельзя детям устраивать ежедневный праздник, так как родители, поступающие так, лишают своих детей элементарных детских радостей в последующем. Ведь если ребенок привыкает к постоянному празднику, то его притязания будут расти с возрастом и дело может дойти до того, что юношу или девушку уже не смогут обрадовать даже очень дорогие подношения, не говоря уже о том, что у них не разовьется стремления добиться желаемого благополучия своими силами. А если они, в силу жизненных обстоятельств, не смогут иметь привычно повышенных благ, то всегда будут считать себя несчастными.

Однако, возвратимся к переезду из Дамаска в Бейрут.

Будучи аккредитованным на две страны, я в Бейрут ездил и ранее. Вначале — представляться по случаю назначения, затем — при проведении приема по случаю очередной годовщины Советской Армии и Военно-Морского Флота. Кроме того приходилось посещать приемы, организуемые посольствами и военными представительствами других государств, на которые нас неизменно приглашали. Теперь же предстояло окончательно обосноваться в Бейруте уже в качестве помощника Военного атташе при Посольстве СССР в Ливане.

Было грустно прощаться с Сирией, так полюбившейся каждому из нас, но манил и Бейрут.

При воспоминаниях о Бейруте в первую очередь возникают почему-то образы лихих ливанских шоферов-таксистов. Это были виртуозные водители, умевшие на невероятно узеньких улочках старого Бейрута с крутыми поворотами, а часто с крутыми обрывами, выделять такие виражи, причем на предельных скоростях, что дух захватывало... На узких улочках, где, казалось бы, не смогут разойтись два осла, они мчались навстречу друг другу так отчаянно, как будто бы и впрямь намеревались таранить друг друга. Казалось: вот-вот они столкнутся! Но визжали тормоза, водители проворно крутили баранки и машины благополучно разъезжались, едва не касаясь бортами.

Припоминаются также громкие споры между ливанцами как в случаях столкновения машин (правда — очень редких), так и по другому поводу, когда угрожающе жестикулируя, Два противника, казалось бы, готовы броситься друг на друга и в смертельной схватке уничтожить обидчика. Они прыгали, истошно кричали, но никогда и никто не вступал в драку. Тут же находились прохожие, которые держали за руки каждого из спорщиков в отдельности. А те, покричав вдоволь и попетушившись, мирно расходились. За 10 лет, проведенные в общей сложности в Сирии и Ливане, я ни разу не видел, чтобы кто-то ударил кого-то. Все ограничивалось истошными криками и далеко не похожими на наши

ругательствами, но драк — не было.

Здесь поневоле вспоминаешь марокканцев... Эти в случае возникновения конфликта молча набрасываются и жестоко избивают друг друга, в том числе и малолетние дети. Причем, их никто и никогда не разнимает пока драка не завершится, какой бы трагической ни была развязка.

Вот какая, на мой взгляд, основная разница между арабами Ближнего Востока и арабами Магриба в этом отношении.

Ныне Бейрут напоминает развалины Помпеи... А тогда — только перевалишь Анти-Ливан, как перед взором предстает огромный город, расположенный на далеко вдающемся в море полуострове. Проезжаешь Бхамдун — излюбленное место отдыха ливанской знати и толстосумов — нефтяных королей стран Персидского залива, затем — Алей и тут только постигаешь все своеобразие этой жемчужины арабского Востока.

Чистый, прохладный воздух горного Ливана наряду с непосредственной близостью лазурного и ласкового Средиземного моря, фешенебельные отели и пляжи — вот что привлекает сюда людей с деньгами.

А положение Бейрута на путях из Европы в Азию, Юго-Восточную Азию, Индию, Японию и Китай, а до того — в страны Персидского залива придавали особое значение как Бейрутскому морскому порту, так и его международному аэропорту. Поэтому здесь встречались как туристы, так и товары со всех концов мира. Чего тут только ни было! И английская шерсть, и немецкие кожаные изделия, и салоны по продаже современных марок автомашин практически со всех строящих автомобили стран. Здесь и американские «Шевроле», «Понтиаки», «Олдсмобили», «Плимуты», «Линкольны» и английские «Хильманы», и японские «Датсоны», «Тойоты», и итальянские «Альфа Ромео», и германские «Мерседесы», «Опели», «Фольксвагены» и прочие — вплоть до наших «Волг».

Вот и жил Ливан в основном на туризме, да маклерскими трудами по перевалке товаров из Европы в Азию и обратно. Немалый доход давали комиссионные за продажу товаров из различных регионов с использованием «Зон франш» (свободной зоны), то есть — беспошлинной торговли. Большие доходы поступали от богатых туристов из нефтедобывающих стран Персидского залива и от всякого рода людей загадочных и весьма сомнительных профессий из Америки и Европы.

Поражало обилие и великое разнообразие товаров, а также космополитизм ливанцев, которым коммерция и любой сравнительно легкий заработок позволял жить довольно безбедно, не считаясь не только с национальными интересами арабов вообще, но и своей страны в частности. К чему это привело — очевидно...

Отношения между ливанскими официальными органами и советскими представительствами носили, практически, сугубо протокольный характер. Активно нами интересовались только спецслужбы Ливана, да и то явно направляемые спецслужбами западных стран.

В те годы, как, впрочем и теперь, нередко возникали вооруженные конфликты между религиозными группировками христиан и мусульман. Но и они, как правило, провоцировались западниками.

Особенно горячим в этом отношении тогда оказался для Ливана 1958-й год. Как раз в том году была свергнута мо. нархия в Ираке, а вместе с ней и реакционный прозападный режим Нури Сайда.

По тайному сговору с американцами президент Ливана Камиль Шамун и его сторонники

спровоцировали кровавые столкновения между мусульманами и христианами в своей стране, а затем под предлогом невозможности справиться с создавшейся в стране ситуацией собственными силами, «попросили» высадки американских войск в Ливане. Те, в свою очередь, намеревались в случае нежелательного поворота событий в Ираке пойти на прямое вмешательство и там.

В этой обстановке для сотрудников наших учреждений в Ливане имела постоянная опасность стать объектом провокаций как со стороны американцев, так и со стороны послушных им ливанских спецслужб.

Я лично чувствовал, что ко мне зачастую демонстративно проявляют, мягко говоря, недружелюбие. Часто при выезде в город я наблюдал, что за мною следуют оборудованные спецантеннами машины, демонстративно пытаюсь создать аварийную ситуацию. Иногда останавливали и полицейские, либо военные посты и пытались силой вскрыть и досмотреть багажник, либо всю автомашину. При этом они делали вид, что по неграмотности не понимают, что я предъявил им документы дипломата. В ходе одного из таких инцидентов я добился вызова по телефону начальника отдела внешних сношений Министерства обороны Ливана капитана Женадри. Прибыв, он делано ругал остановивших меня солдат и даже продемонстрировал пощечину одному из них и, извинившись «за бестолковых солдат», разрешил мне следовать дальше.

И еще. Однажды утром мы с женой проснулись с тяжелой головной болью и установили, что в квартире ночью были посторонние. Об этом свидетельствовала валявшаяся на полу раздавленная в марлевом тампоне ампула, вывернутые карманы брюк, раскрытый бумажник и извлеченные из него купюры, разложенные по серванту. На запыленных перилах балкона — отпечатки обуви ночных гостей. Все было сделано так, чтобы было ясно: это были не грабители или мелкие воришки, а квалифицированные в определенной области люди.

На официальное заявление начальник соответствующей службы с ядовитой усмешкой, даже не извинившись, заявил: «Трудно стало работать. Нет хороших кадров, которые раньше готовились в Америке. А нынешние болваны обязательно сделают что-нибудь не так».

Вскоре после этого, возвратясь из Посольства на обед, я был обстрелян из крупнокалиберного пулемета уже войдя в квартиру.

Стреляли с балкона расположенной напротив виллы, увитой виноградом. Пули 11-ти миллиметрового калибра пробили стекла балконных дверей. Одна из них, срикошетя от кафельного пола, попала в подушку полуторагодовалого сына, к счастью не причинив ему вреда. Эта пуля и поныне носится мною на брелке вместе с ключами от машины.

Следующей ночью ко мне во входную дверь настойчиво постучали. На вопрос: — «Кто там?» — множество возбужденных голосов потребовали открыть дверь. Один голос принадлежал нашему соседу по дому некоему Аднану.

Когда я открыл дверь, передо мной оказалась группа вооруженных и предельно возбужденных людей. На полу перед ними я увидел нечто шевелящееся в большом мешке. Этим «нечто» оказался человек, которого я узнал, как только его извлекли из мешка. Это был знакомый мне палестинец, подрабатывавший на стоянке автомашин посещаемого нами регулярно пляжа «Сен-Симон». Он мыл клиентам машины, либо только протирал стекла, а главное — парковал автомобили на освобождавшиеся на стоянке места автомашины, оставляемые клиентами на проезжей части ее. Мою машину он обслуживал постоянно, за что я ему хорошо платил. Выбравшись из мешка, увидев и опознав меня, этот человек

(назовем его Махмуд) стал канючить, что де он подлец, продажная дрянь и прочее. Но при этом он клялся, что не знал, на кого покушался. Он бился в истерике и просил пристрелить его «как собаку». Мне показалось, что он искренен, поэтому я упросил притащивших его парней отпустить его. Однако сгоряча сказал, чтобы он передал подрядившим его на преступление людям, что я, как кавказец, в долгу не останусь. Конечно же, это была необдуманная и неуместная бравада и неумная при этом. И она, как показали дальнейшие события, имела определенные последствия.

Дело в том, что Махмуд, по всей видимости, передал мои слова непосредственно подрядившему его человеку, а тот, в свою очередь, своему «шефу». А кто мог быть этим «шефом» можно предположить по нижеследующим соображениям.

Свою автомашину на профилактику и мелкий ремонт я постоянно ставил в небольшой гараж-мастерскую, рекомендованную мне прогрессивными армянами. Хозяин этого гаража-мастерской сравнительно молодой человек с уважением относился к СССР и, тем более, к Армении. Однако старший его брат, считавший себя дашнаком, враждебно относился к СССР и Армении.

Так вот этот брат работал механиком ремонтной мастерской в гараже американского посольства в Ливане.

Как-то в пылу очередной полемики с младшим братом он сказал, что зря, мол, он общается с советским армянином. Он-де, чекист, и его не любят военные из американского посольства, которые при определенных обстоятельствах могут его и проучить. Об этом разговоре с братом однажды рассказал мне доверительно хозяин мастерской.

Уже после истории с Махмудом (о которой среди армянской колонии Бейрута знали хорошо) старший брат в разговоре с младшим высказал ему доверительное предположение о том, что вполне вероятно, что в деле с Махмудом замешаны американцы. А предположил он это вот почему.

Американский военный атташе, собираясь в отпуск, приобретя авиабилеты на самолет компании «Пан Америкен», поручил механику (брату моего знакомого) поставить его автомашину в дальний угол посольского гаража и до его возвращения никому ее не давать.

Однако вскоре после случая с Махмудом американец вдруг приказал срочно подготовить машину к дальней поездке. Позже стало известно, что авиабилет американец сдал, выехал на машине в Ирак, а уже оттуда вылетел в штаты самолетом. Поэтому-то механик и предположил, что американец, чтобы не рисковать, решил изменить маршрут поездки в отпуск. А предположил он это еще и потому, что накануне отъезда американец в разговоре с ним интересовался обычаями кавказцев в том числе и о мести.

Предположения механика представляются правдоподобными вот в связи с чем.

Вскоре после инцидента с Махмудом в Посольстве Чехословакии состоялся прием по случаю национального праздника. Так вот на этом приеме обычно степенный военный атташе США вел себя не совсем обычно. Он много пил, без умолку говорил, был крайне возбужден.

Подойдя ко мне, он стал нудно твердить, что я — чекист. Я старался уйти от принимающей скандальный характер беседы, но американец вновь отыскивал меня и, стараясь привлечь внимание окружающих, продолжал пытаться вызвать меня на скандал. Поэтому я, выбрав удобный момент, убыл из Чехословацкого посольства.

Слово «чекист», которое употребил в свое время армянини-механик в разговоре со своим братом, связанным с моим именем, и это же слово, повторяемое американцем в его пьяной болтовне, а также вырвавшееся у меня «изречение» о кавказских обычаях в случае с

инцидентом с Махмудом — с одной стороны и выяснение американцем подробностей о кавказских обычаях у механика-армянина — с другой и наводят на мысль о связи всех вышеперечисленных инцидентов, событий и разговоров.

Позже американцы еще неоднократно пытались учинить против меня какую-нибудь провокацию. И однажды чуть не добились возможности нанести мне чувствительный удар. И вот как это ими подготавливалось.

В связи с окончательным отъездом из страны пребывания военного атташе Ирана — генерала по званию, мне, как секретарю ассоциации военных атташе, предстояло обойти всех иностранных военных представителей, аккредитованных в Ливане, собрать у них установленную сумму денег и образцы подписей с тем, чтобы в соответствии со сложившейся традицией заказать серебряную сигаретницу с выгравированными на ней образцами подписей, которую и предстояло вручить убывающему иранскому генералу.

Когда я прибыл с этой целью в посольство США, то увидел, что в одном из холлов сидящий за столом человек раздает составившим небольшую очередь юношам какие-то пачки бумаг (как оказалось — листовки) и по одному ливанскому фунту денег. Позже выяснилось, что эти листовки за указанное вознаграждение эти парни — студенты американского университета в Бейруте — должны были распространить в указанных им районах города.

Когда я подошел к столу, намереваясь спросить, как пройти в кабинет военного атташе, мне, похожему на араба, тоже была протянута пачка листовок и один ливанский фунт, который я не взял к удивлению распорядителя. Взяв пачку листовок, я направился в указанный мне кабинет.

Направляясь в сторону кабинета, я узнал (пробежав листовку глазами), что, оказывается, я являюсь ни мало, ни

68

много — «резидентом советской военной разведки на весь Ближний и Средний Восток» и что моей задачей является «организация убийств королей в странах этого региона и свержение монархических режимов в них». В качестве доказательства приводился факт недавнего убийства короля Ирака и свержение там режима Нури Сайда.

Войдя в кабинет военного атташе, я положил листовки на стол хозяина, объяснил цель прихода, получил у него полагающуюся сумму, образец подписи и, кивнув в сторону листовки, которую просматривал американец, сказал, что я на подарок внесу на 1 фунт меньше, так как в приемной я его не взял, а листовки считаю уже распространенными. Без тени смущения американец делано улыбнулся и, ничего не сказав по поводу содержания листовки, поднялся и проводил меня до дверей.

Я наивно полагал, что мое-то командование знает, что никакой я не резидент «на все Востоки». Поэтому, хотя и неприятна была эта история, я вскоре о ней забыл.

Но, как оказалось позже, я зря был таким легкомысленным. Когда несколько лет спустя меня начали оформлять в зарубежную командировку в Сирию, чье-то недремное око решило, что меня в этот регион посылать нельзя, поскольку я «проходил по прессе».

И загремел я, сердешный, вскоре военным атташе в... Лаос... (это с арабским языком-то?!). Так что американцы все-таки как-то меня «достали»... Вот так...

Кроме всех перечисленных злоключений мне в Ливане пришлось пережить еще не одну

серьезную неприятность. То под дом, в котором мы жили (сооруженный на бетонных столбах) была подброшена взрывчатка. К счастью, взрыв не достиг большой разрушительной силы, так как при броске Две толстые палки отделились от той, что осталась со взрывателем (детонатором). Говорили, что это было покушение на первого секретаря посольства Пакистана, проживавшего этажом ниже нас. Но от этого не становилось легче...

То в районе морского порта неизвестный обстрелял нашу машину из автомата с балкона второго этажа дома, мимо которого мы проезжали. И только резко затормозивший водитель Иван Захарчук, принявший свешивающегося через перила балкона стрелка за падающий сверху мешок, спас меня от гибели. Пуля попала в приборную доску напротив моей груди...

То в другой раз — нашу машину тоже в районе порта остановила группа разъяренных женщин, пытавшихся толстыми палками выбить стекла и расправиться с нами, приняв нас не за тех, кого они подстерегали. Только решительный бросок вперед заставил нападавших посторониться, и мы благополучно выбрались из опасной зоны.

Был также интересный случай, когда меня спасли от беды мои армянские друзья, хотя совсем мне не знакомые.

Однажды вечером я должен был поехать в один из небольших ресторанов, где хотел угостить приглашенного мною иностранца хорошо готовящимся там армянским национальным блюдом.

Накануне днем, находясь в центре города по делам, я припарковал машину в районе кинотеатра «Гомон Палас» и пошел по назначению. Возвращаясь к машине, я заметил, что два молодых человека уже очень внимательно разглядывают мою машину. А в эти дни и именно в этом районе в машины часто подкладывали взрывчатку враждующие группировки. Я подошел к своей машине и стал осматривать места, наиболее подходящие для установки взрывчатки. Заметив меня, эти два молодых человека (уже прошедшие мимо машины) быстро вернулись и, поравнявшись со мной и не поворачивая головы в мою сторону, на армянском языке сказали: — «Сегодня в ресторан, где Вы заказали обед, не ходите, пожалуйста, это очень опасно». И удалились.

Пришлось срочно переносить свидание в другой ресторан. А в том — произошел взрыв. Погибло 9 человек... Приглашенный долго удивлялся моей «прозорливости». Не заподозрил ли он меня в чем-нибудь — не знаю. Думаю, что нет, поскольку впоследствии мы с ним стали очень большими друзьями.

Вспоминается еще один примечательный случай. В 1956 году в связи с национализацией Суэцкого канала, как известно, была развязана англо-франко-израильская агрессия против Египта. События развивались настолько стремительно и опасно, что нам пришлось серьезно предупредить агрессоров. Так вот в ходе этих событий я по взаимной договоренности ежедневно посещал исполнявшего обязанности военного атташе Египта, который знакомил меня со сводкой боевых действий и уточнял по карте позиции войск агрессоров. Чувствовалась серьезная обеспокоенность египетского офицера, так как израильские танки уже находились в 13-ти километрах от Суэцкого канала. Поэтому он четко докладывал обстановку и обстоятельно отвечал на поставленные вопросы, тем более, что беседы велись на арабском языке. Он налаживал оперативное получение нужной информации и грамотно вел карту.

И вот однажды, выйдя из его резиденции на заднее крыльцо, где мы обычно прощались, я

заметил вышедшего из-за противоположного угла человека с корзиной, наполненной зеленью. Через мгновение из-за того же угла вывернулась легковая автомашина. Тут человек с корзиной быстро извлек из-под зелени автомат и в упор расстрелял сидевшего за рулем человека. Машина, пройдя по инерции совсем немного, уперлась в каменный забор и замерла. Стрелявший пробежал с десятков метров вдоль улицы, пока не раздался свисток полицейского и вбежал в трехэтажный дом. Вскоре вслед за ним в этот же подъезд вбежал полицейский и беглец, отстреливаясь, убил его.

Тут же в этот подъезд старческой походкой вошел одетый по-деревенски человек и с истерическими воплями о том, что убили его родственника, открыл огонь по беглецу и, убедившись, что тот убит, скрылся еще до появления группы полицейских, направлявшихся к этому роковому дому.

Как выяснилось позже, убитым в машине оказался некий Гасан Джедид, являвшийся в то время лидером реакционной сирийской партии ППС («Парти популер сириен»), скрывавшийся в Ливане.

Ливанская пресса высказала предположение, что убийцу Джедид застрелил человек, посланный инспирировавшими этот террористический акт людьми для того, чтобы в случае опасности захвата убийцы полицией, пристрелить его, отрубив тем самым путь возможного разоблачения.

Сирийцы же об этом случае писали весьма сдержанно, подчеркнув только, что в Ливане, мол, видимо, своими сторонниками убит лидер реакционной партии «ППС».

Для меня же в обстановке, когда были сирены полицейских машин и у всех прохожих проверяли документы, было благоразумным переждать некоторое время у египетского коллеги.

Небезынтересно отметить, что младший брат убитого лидера партии «ППС», о чем говорилось выше (некто Салах Дже-Дид), спустя примерно десять лет оказался в составе руководства сирийской партии «БААС». (Это и поныне — правящая партия в Сирии). Однако через непродолжительное время пребывания на посту секретаря этой партии он был смещен и арестован. Многие утверждали, что Салах, маскируясь и Двурушничая, всячески вредил делу этой партии, мстя за Убитого брата, возможно даже разделяя его взгляды.

Самые трагические события в Ливане в 1958 году развернулись в ходе и сразу после высадки американских войск в этой стране.

Накануне высадки умышленно спровоцированные вооруженные столкновения между мусульманским и христианским населением страны привели к многочисленным жертвам. Зачастую погибали ни в чем не повинные люди.

У моей семьи на глазах, например, группа вооруженных мусульман, проживавших по соседству с нами, остановила автомашину, потребовала документы и, убедившись, что хозяин машины христианин, вытащила его из машины, застрелила, а автомобиль отогнала в свое расположение. Как нам объяснили позже — это была месть христианам, которые в своих кварталах, якобы, изнасиловали и убили девочку-мусульманку 12-ти лет.

Однажды и нас (меня, жену и сына 2-х лет), следовавших из Посольства, уже вблизи нашего дома остановили разъяренные, ничего не способные и не желавшие слушать люди и стали требовать выйти из машины. Только благодаря тому, что моего крохотного сына увидел и узнал знавший и любивший его сосед Аднан, нам разрешили въехать в гараж дома.

Припоминается и рассказанный мне лично (недавно убитым) премьер-министром Ливана Рашидом Караме случай, когда в Триполи (ливанском), откуда он родом и где его неизменно

избирали депутатом парламента, один мусульманин-отец послал четырехлетнего сына, обязанного взрывчаткой, через улицу в полицейский участок, чтобы взорвать его...

Не было недостатка и в бесчинствах пьяных американцев, грабивших магазины, лавки со спиртным и насилующих ливанских девушек.

Особой жестокостью отличались пьяные чернокожие американцы-солдаты. Получив еженедельную «порцию» долларов, они напивались допьяна или принимали наркотики, а затем вели себя разнузданно и преступно.

Справедливости ради следует отметить, что именно чернокожие солдаты проявляли свою жестокость и необузданность. Нередко они, будучи в нетрезвом состоянии, избивали своих офицеров, пытавшихся удержать их от скандалов. Я был очевидцем, как два дюжих негра-солдата сбили с ног пытавшегося их остановить офицера. Правда, через какое-то время тот уже с подросшей группой белых солдат изрядно помял бока чернокожим и, побросав их в кузов грузовика, увез из района, где они бесчинствовали.

Случались и курьезы. Однажды вооруженный пулеметом американский солдат, охранявший перекресток у здания ЮНЕСКО в Бейруте, видимо, изрядно зарядившись очередной порцией виски, собрался отправить естественную надобность. Пристроив рядом с собой свой пулемет, он приступил к делу.

Тут следивший за ним ливанский мальчик отвлек его внимание брошенным в другую сторону камнем, а сам, схватив пулемет, пустился наутек. Пока американец, обескураженный таким поворотом дела, приводил в порядок свои штаны, мальчика и след простыл...

Были и другие не менее забавные случаи: то у пьяных американцев угнали «джип», оснащенный базуккой, то забредшего далеко за город в оливковую рощу американского солдата раздели донага (конечно же, не с целью грабежа, но насмешки ради) местные жители.

Словом, фешенебельный Бейрут и в целом Ливан остались в памяти с известной долей сожаления о том, что такой чудесный уголок земли, населенный хорошим народом, переживал (да и до сих пор переживает) трудные времена отнюдь не по своей вине...

Пришло время прощаться с Бейрутом. В январе 1960 года, погрузившись на теплоход «Победа» со всем своим семейством и скарбом в порту Бейрут, я отбыл из Ливана.

В пути следования мы пережили 10-ти балльный шторм в течение трех суток... Чувствовали себя, естественно, отвратительно. Но — все проходит... И мы пришли в себя и остальное время наслаждались отдыхом, купаясь в бассейне теплохода, совершали интересные экскурсии в Египте, сирийских, греческих, турецких, болгарских и румынских портах.

За десять суток путешествия впечатлений разных и встреч с интересными людьми было предостаточно и рассказать о них в этом повествовании просто некогда, да и неуместно.

Правда, в Москве ничто определенное нас не ожидало. Жилья не было. Разместили нас в какой-то похожей на барак ведомственной гостинице. Куда и кем буду назначен — неизвестно. Утешало лишь то, что впереди был отпуск сроком в 90 суток, встреча с дочерью, родными и близкими, да еще — в отчем доме! Дочь мы оставили здесь еще во время первого отпуска, чтобы она имела возможность ходить в школу, так как с рождением сына жена уже не могла заниматься с ней с необходимой регулярностью.

Отпуск мы провели на славу! Да и по возвращении в Москву нас ждала хоть какая-то радость: мы получили комнатку в 16 квадратных метров (в общей, разумеется, квартире).

Это было наше первое жилье вообще и в столице — в частности, а главное — с постоянной пропиской! А это — ох как много значило!

Наконец-то мы воссоединились, дочь будет учиться у нас на глазах и мы сможем хоть как-то участвовать в ее воспитании. Да и жена теперь имела право устроиться на работу.

Вот со службой — была пока полная неизвестность. Но, наконец, и эта, прямо скажем, немаловажная проблема была решена. В дни ожидания я особых беспокойств не испытывал. Знал, что служу честно. Значит, как говаривали в офицерской среде тогда — «Дальше Кушки не пошлют, меньше роты не дадут». Однако был рад, когда все определилось. Более того: мне что-то подозрительно вдруг стало везти! Прошло немного времени и я получил отдельную двухкомнатную квартиру в Измайлово! Правда, на пятом этаже, без лифта, с высотой потолков в два с половиной метра. Но радость была безмерной.

И не успели мы как следует обустроиться и обжиться, как снова пришлось готовиться к отъезду за рубеж. Вроде бы в Сирию...

Однако, как я отмечал выше, при окончательном решении вопроса кто-то-таки обнаружил, что я «проходил по прессе» в Ливане. (Помните — американскую листовку?). Отсюда делался вывод: что в Сирию меня посылать нельзя... Вот так...

Но заботливое начальство нашло выход. Оно решило направить меня военным атташе в Лаос!? Именно с арабским языком!? Но делать нечего.

Оказалось, что только что было достигнуто согласие об учреждении аппарата военного атташе при Посольстве СССР в Лаосе. Таким образом мне предстояло организовывать его там.

Итак, Лаос. Я не имел никакого представления не только о стране, но сколько-нибудь достаточного для предстоящей работы знания о регионе в целом. Знал я, разумеется, что это одна из стран, расположенных на Индокитайском полуострове, да мог найти ее на географической карте. Пришлось опять стать студентом. Перелопатил немало различного рода справочных материалов в библиотеках различной принадлежности. Проработал в МИДе. Но, казалось, ничего в голову не лезет — настолько я был обескуражен таким назначением.

Пришлось вспомнить фронтовое: «Надо!» Я же — солдат! Да и готовили меня для зарубежной работы, поэтому надо «обогащаться» необходимыми хотя бы «на первый случай» знаниями.

В конце концов я твердо усвоил, что там идет война... Сами лаотяне называют Лаос страной миллиона слонов. Может быть там когда-то и было много слонов, но я думаю, что конечно же — не миллион. За все время пребывания в Лаосе в ходе многочисленных поездок по стране, даже по самым глухим джунглям, я ни одного взрослого слона так и не видел. Лишь однажды удалось увидеть малыша, да и то в вольере

поместья командующего южной группировкой войск Фуми Носавана.

Вот с тиграми в джунглях северного Лаоса встретиться пришлось! Но об этом рассказ впереди.

Были когда-то слоны в Лаосе и, говорят, действительно много. Но их постепенно истребили любители слоновых бивней, ценящихся весьма дорого на мировом рынке.

Теперь — об основных проблемах Лаоса того времени. В январе 1962 года, когда я прибыл в страну, там шла война между группировкой правых сил во главе с Фуми Носаваном (под эгидой принца Бун Ума) — с одной стороны — и объединившимися накануне войсками

нейтралистов и боевыми отрядами Патет Лао — с другой.

Правительство нейтралистов возглавлял принц Сувана Фума. Он же был министром обороны этого правительства, с которым мне приходилось постоянно общаться при решении вопросов, связанных с военным сотрудничеством между нашими странами.

Войска нейтралистов возглавлял тогда легендарный в то время генерал Конг Ле.

Силы Патет Лао возглавлял принц Суфанувонг, а их боевыми отрядами командовал генерал Синкапо.

Формально объединившиеся войска нейтралистов и Патет Лао в то время дислоцировались в районе известной тогда Долины кувшинов провинции Фонг Сали и Сам Нёа.

Король Лаоса Шри Суванг Ватхана находился в королевской столице Лаоса — Лаунгпрабанге.

Административной же столицей страны, как и ныне, являлся город Вьентьян. Вот такая мудреная расстановка сил и дислокация...

Следует отметить, что в тот период лаосская проблема находилась в стадии решения при посредничестве международного Женевского совещания по Лаосу, одним из сопредседателей которого являлся представитель СССР.

Образованная этим совещанием Международная Контрольная Комиссия имела при себе военные делегации от Польши, Канады, Индии и Австралии. Эти делегации обязаны были наблюдать за тем, чтобы три лаосские группировки, находящиеся в состоянии прекращения огня, оставались на занятых ими позициях, на которые они вышли к моменту прекращения огня.

Шли непрерывные заседания международных органов по поиску путей окончательного урегулирования в Лаосе, а под их эгидой постоянно проводились встречи и переговоры представителей лаосских группировок.

Вот в такую коктейль-ситуацию и надлежало мне окунуться в новом и недостаточно знакомом мне регионе.

Сложность заключалась еще и в том, чтобы никоим образом не дать повода к новым обострениям обстановки, которые могли привести к возобновлению боевых действий в условиях, когда вьетнамские друзья действовали не всегда безукоризненно, а китайские товарищи в тот период относились с пристальным вниманием и подозрением к любым акциям вьетнамцев, поддерживаемых нами.

Если учесть, что французы, накануне потерпевшие сокрушительное поражение под Дьен Бьен ФУ (Вьетнам), уж очень были недовольны усилением позиций прогрессивных сил Лаоса, а американцы, спешившие занять бывшие французские базы в Лаосе, старались по возможности скомпрометировать нас, то станет ясно, с какой осмотрительностью и, тем не менее, активно следовало работать в этой сложной обстановке.

Практически наспех уяснив обстановку надо было без промедления выезжать к месту назначения и там уже разбираться в сложностях и хитросплетениях военно-политической обстановки как в стране назначения, так и в регионе в целом.

Так в начале января 1962 года с женой и шестилетним сыном вместе с переводчиком и шофером мы вылетели из Москвы, через Иркутск, на Пекин. Из Пекина — в Ханой, а оттуда самолетом ИЛ-18 в Долину кувшинов Лаоса.

Правительство Сувана Фумы и наше посольство находились в Кхан Кхае, что примерно в

20-ти километрах от аэродрома Плен-де-жар.

Наш полет из Ханоя в Лаос не обошелся без приключений. Как только наш ИЛ-18-й пересек вьетнамско-лаосскую границу (воздушное пространство, разумеется), два американских истребителя АТ-6 стали сопровождать его, периодически демонстрируя боевые развороты в непосредственной близости от нашего самолета и имитируя атаки. Мне как старшему в группе (переводчика Шишкина и шофера Воронова Николая Егоровича, моей жены и 6-ти летнего сына) необходимо было принять хотя бы видимые меры безопасности, чтобы отвлечь и как-то успокоить заволновавшихся людей. Самому мне было ясно, что против истребителей ничего реального в нашем положении предпринять невозможно. Тем не менее я приказал пододвинуть к бортам самолета ящики с грузом из представительских продуктов, а сам спросил у командира экипажа: «Есть ли какое-нибудь оружие?».

Памятуя, что одному лишь ему известные инструкции запрещают иметь на борту оружие, вначале он ответил отрицательно. Но потом показал наше родное противотанковое сухопутное ружье! Трудно передать, как я был рад этому средству! И когда один из членов экипажа, по моей команде, вынув плексигласовую заглушку из иллюминатора, высунул наружу ствол этого ружья с удивившим, наверное, американцев огромным надульником, чрезмерно резвившийся американский летчик вдруг бросил свою машину на крыло и ушел вправо на почтительное расстояние от нас. Второй американец, манипулировавший периодически у другого борта нашего самолета, последовал его примеру, отвалив влево. Так мы благополучно прилетели в Лаос и совершили благополучную посадку на полевом аэродроме «Плен-де-жар» (Долины кувшинов). На этом, с позволения сказать, аэродроме существовала единственная взлетно-посадочная полоса, сооруженная среди обширной саванны. Полоса эта была покрыта широкими металлическими полосами с круглыми отверстиями, видимо, для стока дождевых вод в период сезона дождей.

Район, где располагался аэродром, назывался Долиной кувшинов не потому, что, как я наивно полагал, там в изобилии росли кувшинки, а потому, что эта долина была буквально усеяна множеством выдолбленных из цельного камня громадных кувшинов с человеческий рост (и более) каждый.

Как поведали мне лаотяне, в далекие времена в них ссыпался пепел умерших, сжигавшихся в расположенном неподалеку гроте.

До Кхан Кхая, где располагалось наше посольство, было километров 20. Почти посередине между ними находился поселок Фонг Саван, где мне и надлежало обосноваться. Здесь размещалась группа наших летчиков Аэрофлота, осуществлявших сброс продовольствия нейтралистским войскам, дислоцировавшимся в труднодоступных для наземных транспортных средств районах. Небольшая взлетно-посадочная полоса длиной около 400 метров, имевшаяся на окраине этого поселка, позволяла совершать посадку лишь самолетам типа наших АН-2, ЛИ-2 и вертолетам.

На расположенных окрест высотах, покрытых густыми лесами, расположились антиправительственные племена «Мео». Эти племена периодически совершали налеты на окрестные селения и машины следовавшие от Кхан Кхая и Фонг Савана на аэродром Долины кувшинов и обратно. Так что нам приходилось быть в постоянной готовности к отражению возможных в любой момент нападений как на отдельные автомашины, так и на базировавшиеся на данный аэродром самолеты и вертолеты, а также на проживавших здесь летчиков. Так вот переезды из Кхан Кхая и Фонг Савана в Долину кувшинов

были далеко небезопасными. А этот аэродром давал единственную возможность поддерживать связь хотя бы с Ханоем (Вьетнам) и столицей самого Лаоса — Вьентьяном.

Не однажды при поездках из Фонг Савана в Посольство (Кхан Кхай) на работу и с работы мы попадали под обстрелы. Поэтому при выезде на службу одному приходилось сидеть за рулем, а другому — с автоматом в готовности к отражению возможного нападения.

Небезопасно было оставлять и членов семьи в Фонг Саване (то есть, на месте жительства), когда большинство летчиков улетало на задание.

Кроме того, хотелось в установленные дни поехать с сотрудниками аппарата и членами семьи в распоряжение Посольства для просмотра наших фильмов и общения с советскими людьми.

Небезопасно было в нашем поселке Фонг Саван ночью. Ведь проживали мы в легких дощатых бунгало, которые могли насквозь простреливаться из любого вида огнестрельного оружия. Словом, жили «весело» и «беззаботно». Вырыли под полом известные с времен войны щели, вооружились с женой автоматами, спать ложились на пол.

Но работали! Часто было голодно, так как есть всяческих жучков, лягушек, змей и прочие «лакомства», как это изящно делали местные жители, мы не могли, да так и не научились. А ведь с нами был шестилетний сын... На местных базарчиках ничего для нас съедобного, кроме риса, не продавалось. Молока лаотяне не едят и не имеют. Изредка удавалось купить крохотную курочку размером с перепелку. Приходилось покупать не портящиеся в жару продукты впрок, либо в столице Вьетнама — Ханое, либо просить польских делегатов в Международной контрольной комиссии купить что-нибудь в Камбодже или в столице Лаоса Вьентьяне, куда нам путь был заказан пока.

Электроэнергии в этом забытом богом уголке земли не было, следовательно, даже если бы у нас и были холодильники, то они были бы ни к чему. Поэтому если выкраивалась возможность купить живую птицу, то покупали их впрок, чтобы растянуть удовольствие на возможно большее время. Правда, кормление этих крохотных птичек-курочек доставляло удовольствие нашему сыну.

Иногда, правда, удавалось купить что-нибудь в кантине французской военной миссии.

Со временем удалось добиться разрешения посылать наш самолет в опасное путешествие в Камбоджу, где закупался провиант для летчиков. Периодически продукты для летчиков поступали с Иркутской базы. Они доставлялись оттуда нашими транспортными самолетами до Ханоя, а оттуда летчики забирали грузы и доставляли их в Лаос своими самолетами. Однако по непонятным причинам продукты с Иркутска поступали уж очень нерегулярно. Чаще всего приходилось посылать самолет в рискованный рейс в Камбоджу.

Так однажды возвращавшийся оттуда самолет группы наших летчиков (ЛИ-2) стали преследовать американские истребители уже в непосредственной близости от аэродрома городка Фонг Савана.

Пилоты самолета ЛИ-2 решили выключить двигатели, уйти под облака, выйти поближе к посадочной полосе и совершить посадку.

Когда летчик увидел, что самолет вышел не к началу полосы и оставшегося расстояния для благополучной посадки не хватит, он решил зайти еще на один круг. Но тут переохлажденный правый двигатель не запустился и, оказавшись на предельно малой высоте самолет, свалившись на крыло, врезался в землю... Командир экипажа летчик Гасив остался живым, но был сильно изувечен. Два других члена экипажа погибли. Погибли и

многие пассажиры — буддийские монахи, взятые на борт в Ханое.

Так что хлеб наш насущный давался нам в Лаосе ох как не просто... Случилось это чрезвычайное происшествие 22 февраля 1962 года, то есть за один день до устраиваемого мною первого приема в честь 44-й годовщины Советской Армии и Военно-Морского Флота.

Несмотря на это трагическое происшествие прием состоялся. Все приглашенные, в том числе принц Сувана Фума и все командование нейтралистских войск во главе с генералом Конг Ле, а также руководители партии Нео Лао Хаксат во главе с принцем Суфанувонгом и командование войск Патет Лао, прибыли на прием. Все прибывшие на прием лаотяне и иностранные гости выражали сочувствие по поводу катастрофы, а руководители лаосских группировок нейтралистов и Патет Лао — искреннее соболезнование и благодарность за оказываемую им помощь в борьбе за независимый Лаос.

В последующем изредка удавалось кому-нибудь из дипломатов побывать во Вьентьяне, где чаще всего находился наш посол как сопредседатель Женевского Совещания по Лаосу. Он и старался выполнить поручения по закупке кое-каких продуктов. Однако один человек выполнить просьбы всех желающих не мог. Так что трудности в обеспечении продовольствием всей советской колонии в Кхан Кхае оставались вплоть до переезда Посольства во Вьентьян. Но это случилось гораздо позже.

Наконец, настал день, когда соглашение между враждующими группировками было достигнуто и коалиционное «общенациональное» правительство было сформировано.

Теперь и мы получили возможность переехать в столицу Лаоса, то есть во Вьентьян, и зажить «цивилизованной» жизнью.

Здесь я хочу вернуться немного назад и описать свои первые официальные визиты сразу же по прибытии в Кхан Кхай. В тот период именно здесь размещалось законное правительство Лаоса.

Мне сообщили, что по протоколу я должен нанести визиты: министру обороны, командующему войсками нейтралистских сил и его начальнику штаба.

Отдела внешних сношений министерства обороны в тот момент у лаотян еще не было, поэтому я направился прямо в резиденцию Сувана Фумы.

Здание, являвшееся резиденцией премьер-министра (он же — министр обороны) представляло собой каменное здание барачного типа высотой в один этаж, которое в свое время являлось казармой французских колониальных войск. Оно находилось метрах в 50-ти от нашего посольства, располагавшегося в таком же помещении.

Кабинет, в котором меня принял министр обороны, и его убранство были более чем скромны. Здесь стояло несколько кресел, диван, журнальный столик, а также наш родной советский холодильник «ЗИЛ».

Сам Сувана Фума — человек среднего роста, по-восточному довольно красивый, элегантно одетый (что резко контрастировало с почти полевыми условиями проживания) встретил меня с приветливой улыбкой и хорошими манерами. Беседу вел на превосходном французском языке, проявив широкую эрудицию и знание нашей страны.

Никакой позы, признаков чванливости либо жестов, характерных для высокопоставленных восточных деятелей, тем более — принадлежащих к королевской семье, он не продемонстрировал. Разговор вел как равный с равным. Отметил, что он рад видеть, впервые, обладателя высшей награды СССР, человека молодого, имеющего опыт второй мировой войны. Заметил при этом, что это, несомненно, поможет, как он выразился,

совместно решать сложные вопросы установления мира на древней лаосской земле.

В краткой протокольной беседе он показал образец ведения и светской беседы, которую по-восточному тонко пересыпал весьма лестными, но уместными и умеренными комплиментами.

В деловой части беседы он немногословно, но глубоко и обстоятельно осветил реально сложившуюся в стране обстановку, задачи возглавляемого им правительства и вооруженных сил страны и выразил уверенность, что я способен оказать местному командованию помощь в укреплении обороноспособности армии нейтралистов. Как я понял, он умышленно подчеркнул мысль о нейтралистах, чтобы его пожелания я не отнес и к войскам сил Патет Лао.

Из беседы я понял также, что принц, вынужденно, в целях установления мира в стране пошел на временный союз с силами Патет Лао, возглавляемыми его братом по отцу принцем Суфанувонгом. Что же касается окончательного решения лаосской проблемы, то он настойчиво проводил мысль о том, что это окончательное урегулирование должно произойти в интересах именно его сословия. Таким образом, он настоятельно внушал мне, что я, аккредитованный при его правительстве, должен действовать только в интересах нейтралистских сил.

Да, это был умный политический деятель того времени, способный пойти на разумные компромиссы, но, повторяю, твердо отстаивавший интересы своего клана.

Подталкиваемые сопредседателями Женевского Совещания по Лаосу главы трех лаосских группировок собирались периодически на переговоры, то в Долине кувшинов, то в Женеве, то во Вьентьяне. В этих условиях наш посол (тогда — Абрамов) разрешил мне побывать во Вьентьяне.

Из Долины кувшинов во Вьентьян летал по мере надобности небольшой самолет французского производства, пилотируемый летчиком-французом. Самолет базировался на аэродроме Вьентьяна, откуда в долину Кувшинов он прилетал, когда это требовалось кому-нибудь из членов правительства.

Итак, разрешение посла получено. Не возражали и лаосские официальные лица. К назначенному времени я прибыл на аэродром, но тут пошел проливной дождь и о взлете не могло быть и речи. Ждали долго, но никто не разезжался. Оказалось, что этим рейсом во Вьентьян на очередные переговоры летела и делегация нейтралистов во главе с принцем Сувана Фумой.

Дождь, наконец, прекратился. Все отлетающие уселись в самолет. Тот вырулил на полосу и начал разбег. Однако перегруженная машина (в нее кроме правительственной делегации набилось множество корреспондентов и лиц из числа охраны принца) нужную для взлета скорость набрала с превеликим трудом, так как взлетная полоса была обильно залита водой после только что прошедшего проливного дождя.

Наконец, с превеликим трудом самолет уже почти в самом конце полосы набрал нужную скорость, но очередная лужа притормозила самолет и он, уже оторвавшись от земли, просел. Благо, что сразу за полосой имелся широкий овраг и на мгновение просевший самолет не столкнулся с землей, а с натугой пошел на набор высоты. Ясно, что если бы не овраг, то самолет столкнулся бы с землей. В этом случае предсказать последствия было бы трудно.

Когда самолет все же набрал высоту, все вздохнули с облегчением. К счастью, этот, с трудом состоявшийся, полет закончился благополучным завершением переговоров, хотя они шли трудно и не раз могли быть прерваны. Какая-нибудь из сторон вдруг резко отказывалась

от уже достигнутых по тому или иному пункту договоренностей и все начиналось сначала. Казалось, что и на этот раз все закончится безрезультатно. Но к радости многих соглашение было подписано, портфели коалиционного правительства компромиссно распределены.

В результате этого, как я указывал выше, оканчивалась эпопея Долины кувшинов и мы могли передислоцироваться во Вьентьян. А это по сравнению с дикими местами Кхан Кхая и Фонг Савана — столица, город, цивилизация... Хотя не будем голодать, есть однообразную пищу (в основном — рис) и, как было в тех местах, наблюдать изо дня в день как прокаженный мужчина тащит на спине прокаженную женщину...

Правда, принц Сувана Фума утверждал, что эта болезнь-де не заразная, так как инкубационный период ее — 20 лет и более. А мы-де с вами 20 лет не проживем, так что, мол, не надо беспокоиться. Слабое, мягко говоря, утешение... Да и живу я после этого уже более 30-ти лет! И, как говорят, слава Богу обхожусь и без проказы.

Но все пока еще — Долина кувшинов... Продолжим разговор о делах тамошних.

После визита, нанесенного принцу Сувана Фуме, предстояла встреча с генералом Конг Ле. Правда, встречу пришлось перенести, поскольку накануне пришлось участвовать в похоронах министра почт, которого убило грозой.

Впервые в жизни я видел очень непривычную для нас церемонию. Гроб с телом усопшего был вынесен на вырубленную в джунглях поляну и установлен на сложенное классическим костром сооружение, состоящее из примерно двухметровой длины поленьев. Затем это сооружение подожгли. И что удивительно: костер, сложенный из очень толстых бревен, вспыхнул, как облитый бензином. В мощном пламени этого костра стал сгорать сделанный из чего-то легкого гроб.

Когда гроб сравнительно быстро сгорел, труп начал двигаться в каком-то бесовском танце. Мне пояснили, что костер разгорелся без всяких горючих добавок, так как сложенные для него деревья настолько смолисты, что достаточно небольшого количества щепок и мелких дров, чтобы все это, воспламенившись, быстро и полностью сгорело.

Вспоминаю, как вскоре после этого горели подожженные молнией джунгли. В одно мгновение загорелся лес на колоссальной площади, а звук был подобен артиллерийской коно-наде во время артиллерийской подготовки перед большим сражением.

Итак, еще о нескольких примечательных встречах и событиях, происшедших до переезда во Вьентьян.

Будучи в Кхан Кхае, я после визита к принцу Сувана Фуме готовился к посещению генерала Конг Ле.

Судя по тем официальным и неофициальным данным, с которыми я ознакомился ранее, этот человек, уже тогда знаменитый капитан Конг Ле, о котором публиковались легенды в мировой прессе, представлялся мне эдаким бравым крепышом, шустрим, вертким и внешне достаточно представительным военным человеком в роскошном по-восточному мундире. Я уже стал было облачаться в свой полковничий скромный мундир, как дежурный по Посольству мне сообщил, что именно меня спрашивает какой-то посетитель. Я удивился, так как тут меня еще никто, кроме принца Сувана Фумы, не знал. Однако пошел в приемную.

Ко мне, широко улыбаясь, как давнему знакомому, осторожно приближался шуплый, очень уж маленького роста человек в гражданском платье с явным намерением дружески обняться. Не знаю какой у меня был вид, но тут подоспевший первый секретарь Посольства Виктор Терехов подсказал мне, что это и есть генерал Конг Ле.

Я пригласил гостя в комнату для приема посетителей, где и состоялась первая непродолжительная беседа с этим знаменитым тогда человеком.

Конг Ле вел себя просто, но показал, что это не просто «солдат» - парашютист, а умеющий вести протокольную беседу и непринужденно держаться в соответствии со своим положением и званием генерал. Это было приятно отметить, так как правая пресса, в том числе и западная, рисовали

КонгЛе полудикарем, капитаном-парашютистом, умеющим только стрелять и прыгать с парашютом.

Я выразил радость знакомству с таким популярным человеком и боевым генералом. Конг Ле, в свою очередь, сказал, что он рад знакомству с человеком, который так отличился в войне с фашизмом, что удостоился высшей награды великой страны в молодые годы. Этот протокольный визит завершился тем, что генерал пригласил меня посетить его штаб в удобное для меня время, где он желал бы объективно ознакомить с военно-политической обстановкой в стране, состоянием нейтралистских войск и нуждами, которые испытывают руководимые им войска.

Все это генерал сказал в ответ на просьбу назначить мне время для официального визита к нему, подчеркнув характером своего приглашения, что он намерен в общении со мной придерживаться не сугубо протокольных, а дружественных отношений.

Позднее я понял, что генерал упреждал меня с визитом с тем, чтобы предварительно ознакомившись с впечатлениями Сувана Фумы обо мне, подготовиться к моему визиту уже после того, как лично побеседует со мной и решит для себя вопрос о характере последующих контактов.

В дальнейшем я убедился в волевых качествах Конг Ле, его решительности и огромном авторитете в войсках. Поэтому-то с ним так считались не только Сувана Фума и руководители правой группировки, но и представители западных государств.

Небезынтересная и предыстория капитана (а теперь — генерала) Конг Ле. В свое время капитан Конг Ле командовал парашютно-десантным батальоном, участвовавшим в регулярно проводимых карательных операциях против прогрессивных сил Лаоса (войск Патет Лао). И этим батальоном лаосских парашютистов руководили американские инструкторы.

Однажды капитану стало известно, что в столичную тюрьму доставили арестованного охранкой некоего Синкапо. Как оказалось — это был в свое время любимый преподаватель Конг Ле, когда тот учился в училище. Теперь же Синкапо являлся генералом войск Патет Лао. Конг Ле глубоко уважал и ценил своего любимого преподавателя и теперь был весьма обеспокоен его судьбой. У него созрело решение — негласно посетить своего учителя в тюрьме и обстоятельно поговорить с ним, а при необходимости — принять меры к его освобождению из тюрьмы. Синкапо при свидании гневно отчитал капитана, обозвал его палачом своего народа, прислужником американских империалистов, от дальнейшей беседы отказался категорически и не пожелал выслушать Конг Ле о намерении освободить генерала из тюрьмы и обсудить с ним план действий в этом направлении.

Потрясенный и удрученный капитан Конг Ле долго и мучительно думал и однажды все же организовал побег генерала Синкапо из тюрьмы, сохранив в тайне свое участие в подготовке и осуществлении этой операции.

Вскоре, выступая перед выстроенным на аэродроме своим парашютным батальоном для

отдачи приказа о вылете на очередную карательную операцию, капитан Конг Ле застрелил американского инструктора и находившегося здесь военного атташе США, а батальону отдал приказ о захвате ключевых объектов столицы.

Все тогдашнее руководство страны находилось в королевской столице — Луангпрананге, присутствуя на какой-то обязательной церемонии в королевском дворце.

Таким образом был совершен государственный переворот. Вскоре после этого в страну вернулся ранее свергнутый и находившийся в Камбодже принц Сувана Фума и вновь возглавил законное правительство Лаоса, теперь уже опираясь на войска Конг Ле, которому присвоил звание генерала.

Свергнутая же капитаном Конг Ле правая группировка войск обосновалась на юге страны. Командовал ею свергнутый министр обороны генерал Фуми Носаван. Руководителем же всех реакционных сил юга страны стал принц Бун Ум.

Вскоре южная группировка предприняла наступление на столицу. Теснимые правыми, войска Конг Ле отступали, имея с тыла войска Патет Лао.

Правая группировка, занявшая столицу, все дальше теснила войска Конг Ле. Поэтому он встретился с командовавшим войсками Патет Лао генералом Синкапо и по предложению последнего согласился на объединение военных усилий нейтралистских войск и войск Патет Лао для совместной борьбы с наступающей правой группировкой.

Это позволило остановить продвижение правых, нанести им ряд ощутимых ударов и вынудить их пойти на переговоры.

Именно поэтому такие переговоры были начаты, а затем продолжены под эгидой Женевского Совещания по Лаосу, которые, как известно, и привели к формированию коалиционного правительства.

Считаю своим долгом остановиться на том, какое впечатление оставил в моей памяти принц Суфанувонг.

Об этом человеке рассказывали легенды. Он действительно являлся сыном правившего накануне короля. Но в отличие от брата — Сувана Фумы — родился он от другой матери — простолюдинки.

Другие принцы знатных родов игнорировали Суфанувонга, хотя отец — король, ожидая такое, сделал его одним из основных имущественных наследников. В завещании король указал, что остальные члены королевской семьи могут пользоваться банковскими вкладами короля только после того, как ежегодно переведут определенную им сумму принцу Суфанувонгу, который должен обучаться в Париже и именно архитектуре.

В расчете на то, что Суфанувонг не сможет продолжать успешно учиться, если ему переводить деньги нерегулярно, они так и поступали. Умышленно деньги переводились ему с большим опозданием и с перерывами, нерегулярно.

Это вынуждало целеустремленного и очень любознательного Суфанувонга зарабатывать деньги не боясь и физической работы, вплоть до работы в портах грузчиком, но учебу продолжать.

Это в конечном счете привело к тому, что принц Суфанувонг в общении с трудовыми слоями французского народа превратился в убежденного сторонника социальной справедливости и по возвращении в Лаос подключился к борьбе за независимый и демократический строй в родной стране. Так он и стал членом руководства прогрессивной в то время партии Нео Лао Хаксат.

Известно, что многолетняя борьба лаосского народа с участием сил Патет Лао завершилась созданием Лаосской Народно-Демократической Республики, первым президентом которой и стал принц Суфанувонг. В 1988 году эта республика отметила свое десятилетие.

Общение с этим, хотя и немногословным, человеком было всегда интересным. Это разносторонне развитый, волевой, целеустремленный и очень добрый человек. Он пользуется в народе колоссальной популярностью. Многие лаотяне считали, что Суфанувонг это человек, в котором воплощен будда.

Генерал Синкапо рассказывал мне, что однажды Суфанувонг бежал из тюрьмы благодаря тому, что охранник (один из тех, кто считал Суфанувонга буддой во плоти) отдал заключенному свое оружие и помог ему благополучно выйти из тюрьмы. Словом — это был человек-легенда, подлинный борец за интересы своего народа, с которым вынуждены были считаться любые лидеры любых существовавших тогда в Лаосе политических группировок, ведших борьбу за власть в стране.

Его никак не могли игнорировать и представители западных держав. Однако, чтобы скомпрометировать его перед общественным мнением своих стран, они часто называли его коммунистом. Но с возглавляемыми им силами всем приходилось считаться, потому что он был одним из законных принцев Лаоса, которого чтит народ.

Этот скромный человек-борец, будучи больным, жил вместе с рядовыми бойцами, участвовал с ними в боях, ел то, что ели они и спал вместе с ними в землянках и шалашах.

Он неоднократно арестовывался, но ему удавалось бежать и снова продолжать борьбу до полной победы!

И еще об одном интересном человеке. Во время пребывания в Долине кувшинов мне приходилось встречаться с уже упоминавшимся выше — генералом Синкапо. Это был убежденный и беззаветный борец за интересы своего народа, храбрый и решительный воин, надежный помощник руководства силами Патет Лао. Многое он рассказал мне со знанием дела. Его информация отличалась глубоким анализом и актуальностью. Он отлично знал обстановку в каждый отдельный момент как в стране, так и в регионе в целом, исключительно правильно делал прогнозы о возможных действиях западных держав в этом регионе.

Итак, настал день нашего переезда из Долины кувшинов в столицу Лаоса.

Арендовав накануне переезда виллу во Вьентьяне и получив разрешение лаосских властей на перелет туда нашим самолетом, мы начали свои недолгие сборы. Недолгие потому, что пожитки наши были более чем скромными, а представительская утварь, приобретенная незадолго до данного переезда в Ханое (Вьетнам), тоже была донельзя простой и малочисленной.

Генерал Конг Ле выделил мне грузовик и несколько солдат.

Наконец, мы погрузились и двинулись из Фонг Савана в сторону аэродрома Долины кувшинов на своем вездесущем газике, а грузовик с поклажей — за нами. От непрерывных дождей дорога раскисла, в глубоких колдобинах стояла сплошная вода. Грузовику дали команду двигаться на повышенной скорости, чтобы не застревать. Груз от такой тряски швыряло из стороны в сторону и уже почти на середине пути к аэродрому из грузовика выпали шкаф и какие-то узлы. А дождь все усиливался. Делать нечего: пришлось остановить грузовик и с помощью обоих шоферов вновь громоздить тяжелый шкаф на грузовик:

имущество-то казенное. Там, при погрузке в Фонг Саване, помогали солдаты Конг Ле. Здесь же пришлось трудновато.

Дело в том, что мебель в этом регионе изготавливается из какого-то уж очень тяжелого дерева, которое тут называли железным. Грязь по колено, дождь проливной, неизменно тяжелый шкаф, вымазанные в грязи узлы... А тут шестилетний ребенок — сын, о переживаниях которого я и не подозревал, вдруг в отчаянии разрыдался. Боялся, видимо, надвигавшейся грозы, да очевидно мельком слышал наш разговор с шофером о необходимости поспешить, так как мы, убывшие последними из всего состава Посольства, остались практически беззащитными, поскольку выделенная Посольству охрана уже убыла. Мы же следовали последними... Мы, конечно же, успокаивали мальчонку, как могли, но он продолжал плакать и вопрошать: «Что же с нами будет?». Тягостно было на душе и жаль ребенка... Но мы, естественно, продолжали заверять ребенка что хоть ползком, но доберемся до самолета, а там и до Вьентьяна. Однако мальчик не скоро утешился.

Словом, с большим трудом мы добрались все же до аэродрома, под проливным дождем погрузились в свой родной ИЛ-18-й (а не в какой-то там французский самолетишко!) и вскоре легли на «заданный курс».

Пребывая в Долине кувшинов, я часто думал, что зря взял с собой в эти глухие места за 13 тысяч километров от родного дома жену и маленького сына. Ведь тут «в случае чего» и ворон костей не сыщется...

Во Вьентьяне мы разместились просто комфортно! Ажурная вилла выигрышно выделялась на фоне низеньких одноэтажных домишек лаотян-соседей и рядом со стройными и высокими кокосовыми пальмами, усеянными плодами! Особенно хороша была представительская часть виллы, где можно было достойно принимать гостей: представителей местных военных властей, руководителей иностранных военных аппаратов, которые, видимо, из любопытства зачастили с визитами.

Но, как стало ясно позднее, многими руководило не только любопытство.

После подписания соглашения о прекращении междоусобной войны и формирования коалиционного правительства жизнь в столице вроде бы стала налаживаться.

Собрался с визитом в СССР король Лаоса Шри Суванг Ватхана. Для доставки его в Москву во Вьентьян прибыл советский лайнер ИЛ-18. Необходимо было организовать его охрану с тем, чтобы визит короля в СССР прошел благополучно.

При подготовке к отлету оказалось, что ни один трап лаосской авиакомпании не может быть использован для посадки, поскольку они были слишком низкими. Пришлось позаимствовать более подходящий трап у американцев, чьи самолеты продолжали базироваться на вьентьянский аэродром. Правда, и к нему пришлось подставлять прикрытый ковриком деревянный ящик.

В страну прибыл новый посол — Сергей Алексеевич Афанасьев. Он сменил посла Абрамова. Не могу не отметить, что Сергей Алексеевич являл собою эталон советского карьерного дипломата: внешне представительный русский человек, широко эрудированный, умный, волевой, исключительно выдержанный и тактичный, аккуратный во всем, безукоризненно знавший и владевший французским языком, хорошо знавший историю и культуру Франции.

Однажды французский посол в Лаосе Жорж Фалез — потомственный дипломат — пригласил на обед нашего посла с супругой. Были приглашены также с супругами военный

атташе Франции и я.

В ходе обеда посол Франции стал произносить тост. Говорил он долго, называл различные имена, исторические события, даты, литературные произведения и их авторов, выдержки из их биографий и упоминал многое другое. Было очевидно, что он, ожидая ответный тост, по-моему совсем неделикатно, намеревался выяснить уровень знания французского языка, истории и культуры Франции нашим послом.

И вот поднялся наш посол. В своем ответном слове Сергей Алексеевич на безукоризненном французском языке деликатно указал на все «ошибки», допущенные французским послом в его тосте, особенно на те, которые касались исторических событий, их участников, дат рождения французских писателей и другие. Становилось ясным, что посол Фалез намеренно допустил указанные выше ошибки.

Когда Афанасьев закончил выступление, Фалез делано поднял руки вверх и сказал по-русски: «сдаюсь».

Хочу отметить, что уже в бытность мою военным атташе при Посольстве СССР в Сирии мне вновь довелось встретиться с послом Фалезом, являвшимся уже послом Франции в Ливане. Встреча была теплой и весьма дружественной. Многие вспомнили из лаосской эпопеи. Да и просто по-человечески было приятно вспомнить добрые и прежде отношения.

Но вернемся в Лаос. В тот период там имел место и ряд печальных событий. Был убит министр иностранных дел Лаоса Киним Фолсена, так много сделавший для установления мира в стране. Сведения о мотивах убийства варьировались невероятно. По моему же мнению это было безусловно политическое убийство не без участия в этом лидеров правой группировки, да и западников.

Пришли к тому времени печальные вести и из Долины кувшинов. Там был убит командовавший группой нейтралистских войск, дислоцировавшихся в этом районе, полковник Кетсана. Это был на редкость для лаотян общительный, жизнерадостный и грамотный человек, побывавший в свое время на фестивале молодежи и студентов в Москве.

Произошло также нападение носавановцев на резиденцию руководства силами Патет Лао в самом Вьентьяне, что чуть не привело к срыву всех только что достигнутых договоренностей между враждовавшими группировками. Но на сей раз все обошлось.

Были и иные события. Весь дипломатический состав нашего посольства и посольств других государств были приглашены на свадьбу наследного принца Лаоса.

Дело в том, что по существовавшим тогда традициям наследный принц, не женившийся ко дню своего 30-летия, терял право наследования престола. Эта свадьба как раз и происходила в критические сроки.

Для нас это была непривычная, но довольно пышная и красочная церемония, продемонстрировавшая все лаосские национальные обычаи и традиции от обрядовых танцев и песен до концерта диковинных народных инструментов.

Немало интересного удалось повидать и в поездке на север Лаоса, куда меня пригласил генерал, соблюдавший с подчиненными ему войсками нейтралитет в происходившей накануне междоусобной войне.

К великому сожалению, я не запомнил имени этого грамотного, воспитанного человека, очень молодого генерала, близкого родственника короля. Находясь после нашей совместной поездки в северные провинции страны в гостях у его родителей в королевской столице Луанг

Прабанге, я почувствовал, что нахожусь в доме очень близких к королю людей. Дни пребывания в Луанг Прабанге остались в памяти, пожалуй, навсегда.

Я с радостью принял приглашение генерала посетить группировку его войск, дислоцирующихся в приграничных с Китаем районах, поскольку было заманчиво совершить путешествие по северным провинциям Лаоса и посетить королевскую столицу Луанг Прабанг.

Эта поездка была настолько интересной, что на ее освещении считаю необходимым остановиться поподробнее.

Из Вьентьяна мы с упомянутым генералом вылетели на легком самолете типа нашего АН-2. На нем мы преодолели, возможно, большее расстояние до самого северного пункта, где имелаась возможность совершить посадку на данного типа самолете. Самолет пилотировал француз, бывший легионер, женившийся на лаотянке и оставшийся на жительство в Лаосе после своих легионерских походов. Самолет был его собственностью, весьма потрепанной. Но другой возможности добраться подальше на север страны не было. Пришлось рисковать.

Должен заметить, что в своем желании побыстрее заработать средства на покупку нового самолета, с помощью которого он мог бы и далее содержать семью, уже не рискуя в дальнейшем, этот человек, видимо, стал недостаточно требовательным к техническому состоянию эксплуатируемого самолета, и через один рейс после нашего он разбился где-то в горах центрального Лаоса, покрытых непроходимыми лесами. Останки его отыскать было некому. Безутешная вдова, оставшись с шестью детьми и, видимо, без достаточных средств, долго оплакивала мужа.

Итак, прибыв в один из северных населенных пунктов с помощью самолета, мы должны были продолжить свой путь к месту назначения пешим порядком. Город, где размещался штаб этой северной группировки войск, находился у самой границы с Китаем. Расстояние до него от места посадки самолета было довольно приличное. Для его покрытия требовалось осуществить несколько переходов. Поэтому по маршруту следования были запланированы ночевки, посещение подразделений войск племен в ряде населенных пунктов и визиты представителям местных властей.

Надо заметить, что маршрут нашего следования пролегал через районы, по которым китайские военные строительные подразделения прокладывали стратегическую дорогу по территории Лаоса к южной границе Китая. С тем, чтобы строительству дороги не мешали путники, следовавшие на север, вдоль отдельных обновляющихся участков дороги китайские военные строители устроили обходные тропы выше основной дороги в горах, покрытых джунглями. Эти тропы на приличных расстояниях были узки и так топкие, что продвигаться пешком было невозможно. Приходилось пользоваться местными, уж очень низкорослыми, лошадьми, напоминающими пони. Это было очень неудобно, так как приходилось в топких местах приподнимать ноги, причем на долгие отрезки времени, отчего ноги затекали, да и лошади под непривычной тяжестью человека весом более 80-ти килограммов быстро выбивались из сил. Приходилось часто останавливаться, давая отдых ногам и, с позволения сказать, лошадям.

Перед преодолением одного из таких участков нас предупредили, что впереди недавно прошел китайский караван, состоящий из мулов и ослов, нагруженных провиантом и другими припасами, доставляемыми китайским дорожным строителям. Причем

предупредили, что поскольку новые тропы потревожили обитающих в этой зоне тигров, последние иногда нападают на караваны. При этом приспособившиеся к этой ситуации китайцы, чтобы обезопасить весь караван и людей, оставляют в арьергарде обреченного осла или даже мула, которыми и довольствовались нападавшие тигры и далее уже караван не преследовали. Поэтому нам советовали повременить с отъездом, чтобы не догнать китайский караван в момент возможной атаки на него со стороны тигров.

Честно говоря, я не все, видимо, понял (или неточно понял) и настоял на продолжении марша, причем именно за китайским караваном, рассчитывая вместе с ним преодолеть опасный участок. Генерал, не желая, видимо, мне перечить, согласился и мы начали движение.

Я постоянно просил двигаться быстрее. Это и обернулось весьма неприятными последствиями, чуть не окончившимися трагически для нас.

Уже был виден хвост каравана, когда справа сверху по крутому склону из джунглей ринулось несколько тигров, направлявшихся к осевшему на землю последнему ослу каравана, предвкушавших привычно даровую трапезу. Один из тигров, неловко сорвавшись с крутого обрыва, столкнулся с моей лошадкой, в результате чего я вылетел из седла и повис над кручей слева от дороги как в гамаке в сплетшихся сеткой лианах. К счастью, тигр ринулся за своими собратьями, уже начавшими рвать настигнутого ими осла. Подоспевший генерал и два проводника освободили меня из невольного плена и мы отошли назад, давая тиграм возможность завершить свое пиршество. Открывать стрельбу никто не стал. Наши проводники, видимо, по опыту знали, что разделившись с добычей, тигры мирно уйдут восвояси.

Откровенно говоря — все так мгновенно произошло, что я и испугаться толком не успел. Только присмотревшись к кровавой трапезе тигров, освобожденный спутниками из невольного плена, я почувствовал неприятную дрожь в ногах.

Таким образом, мы, как говорится, отделались легким испугом. Кроме царапин на руках (правда, достаточно глубоких и долго не заживавших) и на левой щеке, полученных от колючего растения, да надорванного рукава куртки, никаких повреждений я не получил, а один из проводников, неловко оступившись, растянул ногу.

Через некоторое время мы вновь тронулись в путь. Задержавшись из-за встречи с тиграми, мы на сей раз запланированного расстояния не прошли. Заночевать пришлось в одной из ближайших деревень.

Деревня состояла из нескольких ажурных строений, поднятых над землей бамбуковыми столбами на высоту около двух метров. Пол такого жилища состоял из расщепленных пополам стволов бамбука толщиной около 20 сантиметров. В центре жилища прямо на пол был уложен лист железа. На нем и разводился огонь — очаг. Само жилище, покрытое рисовой соломой, поделено циновками, сплетенными из рисовой же соломы, на отдельные (спальные) «помещения» площадью не более 4-х квадратных метров.

Легкие по весу лаотяне ходили по такому полу так непринужденно, как мы ходим в своих домах по паркету. Любой другой человек весом более, скажем, 60 килограммов, как я, вынужден продвигаться с превеликой осторожностью, так как с каждым шагом пол непривычно прогибался, а весь дом казался зыбким, готовым вот-вот рассыпаться. Способ, которым я передвигался по этому дому, видимо, забавлял хозяев.

Добравшись почти на четвереньках в отведенный мне угол, уставший за день нелегким

переходом, разнообразными треволнениями и впечатлениями, я сразу уснул, не дождавшись ужина.

Проснулся я от громкого лая множества собак, почувствовал голод.

В жилище никого не было. Надо было умыться. Я стал тем же осторожным способом (почти на четвереньках) выбираться из жилища. Во дворе мне встретились хозяева дома и мой спутник-генерал. В состоявшейся беседе они мне рассказали, почему здесь дома подняты над землей. Во-первых — в период сезона дождей все вокруг заливается водой. Это, конечно, полезно для рисовых полей, поэтому отводить воду вокруг жилищ нецелесообразно. Но жить на уровне земли, разумеется, невозможно. А во-вторых — людям здесь досаждают различные пресмыкающиеся и звери, которым здесь несть числа, причем многие из них небезопасны для людей. Они и поведали, что собаки обеспокоены бродящим по близости тигром. Не исключено, что это тот самый тигр, который объявился в округе недавно. Он накануне задрал старую женщину, попытавшуюся отогнать его от своей коровы. Встречи с этим тигром следует остерегаться, поскольку этот зверь, однажды почуявший кровь человека, может опять напасть на него.

Откровенно говоря, от последнего сообщения как-то и голод пропал... Однако, позавтракали (а я — с особым аппетитом) и тронулись в путь.

Проводники у нас сменились. Очередной пункт был достигнут без каких-либо приключений.

Здесь генерал должен был проинспектировать один из отрядов войск племен. На его предложение посмотреть на одно из подразделений я охотно согласился. Уж очень было интересно понять, наконец, что это за «войска племен». А с другой стороны — и «себя показать» как говорится и, может быть, выяснить: что же знают эти люди о нашей стране и знают ли? Ну а если удастся — и побеседовать попредметнее.

И вот мы выходим на небольшой плац, где выстроено человек тридцать бойцов в матерчатых набедренных повязках, похожих на клетчатые махровые полотенца. Вооружение этого войска было настолько разнообразным и устарелым, что можно было подумать: а не взято ли оно из музея, а люди эти с таким допотопным оружием не выстроены ли для съемок какого-либо фильма об уж очень далеких временах? Среди находящегося на вооружении этого войска были: и диковинные длинноствольные типа кремневых ружья, и немыслимой формы обрезы, и клинки и прочее... Словом — средневековое войско, и только! Приняв рапорт командира подразделения, генерал стал произносить речь. Как потом выяснилось, он говорил на диалекте именно этого племени. Поскольку генерал просил меня одеться в военную форму, я одел повседневную форму полковника-танкиста. Стоял я перед строем левее и позади произносившего речь генерала.

В это время ко мне подошла простоволосая молодая женщина с оголенной грудью и стала с забавным любопытством осматривать меня, особенно — пуговицы на мундире. Увлечшись осмотром, она сделала даже попытку потрогать эти золотистого цвета пуговицы. Тут раздался дружный смех стоящих в строю мужчин и она отошла за строй и стала за спину (как оказалось) своего мужа, предварительно улыбнувшись мне довольно приветливо и доверительно.

Здесь уместно отметить, что лаосские девушки до замужества, обертываясь широкой тканью (типа Сари), грудь закрывают. Но выйдя замуж, это одеяние они опускают на бедра. Следует отметить также, что лаосские женщины стройны, смуглы, аккуратны и

довольно красивы.

Наконец, мы добрались до Фонг Сали — города в приграничье Китая, где и располагался штаб вышеупомянутой северной группировки войск.

Там я был приятно удивлен состоянием войск гарнизона, дисциплиной солдат и офицеров, их подготовкой и компетентностью, состоянием вооружения, строевой и полевой выучкой войск.

В этом я убедился, поприбывав на учениях и полевых занятиях. Особенно мне понравился начальник штаба этой группы войск.

Это был грамотный, подтянутый, исполнительный и воспитанный офицер — под стать своему генералу. В ходе посещения частей на местах их дислокации было приятно видеть как содержался хотя и весьма скромный казарменный фонд, боевая техника и учебные поля. Если бы я не знал, что генерал сознательно не сообщал своему начальнику штаба заранее о своем прибытии, то мог бы допустить мысль о показухе. Я высказал свое впечатление генералу о состоянии войск и похвалу в адрес начальника штаба, который командовал группой в отсутствие генерала. Было видно, что генералу была лестна моя похвала в адрес его любимца — молодого майора.

И было больно узнать, что вскоре после нашего отъезда этот замечательный офицер был убит. Узнать что-либо достоверное об обстоятельствах и причинах этой трагедии так и не удалось.

Вскоре состоялась наша поездка вместе с послом Афанасьевым на юг Лаоса в вотчину небезызвестного генерала Фуми Носавана.

Поразила роскошь, в которой жил этот человек.

Во-первых — для приема гостей у него имелся целый городок фешенебельных, с большим вкусом обставленных вилл в самом центре города Саваннакет — центре этой южной провинции. Сам этот небольшой городок-парк, наполненный образцами восточной парковой архитектуры, имел даже небольшой зверинец. Здесь особенно забавным был крохотный (если так дозволено будет сказать о слоне) слоненок, который несмотря на уж очень малый возраст, съедал в день 50 банок сгущенного молока!

Сервиз дорогого фарфора, которым пользовались за обедом, был снабжен инициалами Носавана, как королевский.

На богато инкрустированных столиках стояли слоновые бивни в тяжелых многокилограммовых золотых оправках. Мебель на гостевых и хозяйских виллах была самая изысканная. Словом, все дышало роскошью и непомерным излишеством на фоне нищеты жителей города и провинции.

Памятно также пребывание в Лаосе группы советских артистов, в составе которой были Сергей Давидян, Тамара Миансарова, Игорь Гранов и другие. Приятным сюрпризом было то, что в составе этой группы оказался не значившийся в списках мой земляк и друг детства Сережа Давидян, которого я не видел много лет!

Всех слушателей прошедших концертов покорила тогда песня «Пусть всегда будет солнце» в замечательном исполнении Тамары Миансаровой.

И до сих пор, уже спустя 30 лет, мы, встречаясь, постоянно вспоминаем ту нашу встречу в далеком Лаосе.

Вспоминается также, как реагировали лаотяне на наш замечательный фильм «Пес барбос и необычайный кросс». Понятный всем и без единого слова фильм в любой аудитории вызывал гомерический хохот — от солдата до короля!

Кстати, король, прослышавший о необычной занятости фильма, попросил его на неделю. Продержал же он его целый месяц!

Говоря о короле, я вспомнил ритуал производства в офицеры выпускников королевского военного училища.

Из строя курсантов вызывался очередной выпускник. Начальник училища накладывал на плечо выпускника офицерский погон. Затем выпускник подходил к королю, который саблей касался его погона. Выпускник становился офицером.

Здесь я описал лишь завершающую стадию церемонии торжественного выпуска офицеров из лаосского военного училища.

Надо сказать, что вся эта церемония, длящаяся, практически, целый день, очень торжественна, красочна и волнующа.

Мне, офицеру армии с богатыми традициями, было приятно наблюдать целый каскад торжественных ритуалов этой запоминающейся на всю жизнь каждому выпускнику церемонии.

Видно было, что и представители армий других стран с интересом наблюдали за описанной церемонией.

Что ни говори, а торжественность момента производства в офицеры волнующа во всех отношениях. Становящийся офицером человек при хорошо поставленной церемонии испытывает такую гамму чувств, что потом всю жизнь знает цену офицерской чести, долгу и священной обязанности служить Отечеству! Жаль, что у нас ныне многое попрано...

Вот такие разные впечатления остались от нашего пребывания в Лаосе. Интересное перемежалось с опасным, долг, дело — с кратковременным отдыхом, экзотика с полуголодом...

Было немало интересных и неожиданных встреч. Так начальник французской военной миссии в Лаосе генерал Ланкренон удивил меня тем, что много и со знанием дела рассказывал о России. Оказалось, что его отец в свое время объехал многие регионы России на лошади и написал хорошую книгу о нашей стране. Он-то и привил сыну (будущему генералу) интерес к нашей стране. Это обстоятельство способствовало весьма плодотворному сотрудничеству с ним при выполнении моей миссии.

Ланкренон, как старожил в Лаосе, много знал для меня полезного, рассказывал мне много важного, когда это было крайне необходимо для ориентировки и давал весьма полезные советы. Я убеждался, что все это делалось им искренне и со своевременной достоверностью.

Основательно войдя в курс сложной обстановки в Лаосе, я готов был и далее выполнять свои функции.

Но внезапно свалившаяся на меня болезнь вынудила вернуться домой. Причиной заболевания был в основном лаосский климат и, конечно же, условия работы. Большая влажность при высокой температуре, погодные условия вынуждали зачастую в качестве транспорта использовать самолеты и вертолеты. А это — подъем из жаркой и влажной атмосферы на земле до весьма прохладной в воздухе. Поэтому постоянно преследовало ощущение простуды и повышенной температуры тела.

И вот — непривычное и грозное слово—инфаркт (миокарда)... И это — в сорок лет!?

Надо отметить, что высокую влажность при высокой температуре воздуха с резким перепадом суточных температур ощущали сами лаотяне и щадили себя. Так, если велорикша или пешеход-лаотянин прекращали движение и ложились в тени деревьев на обочинах дорог

и улиц, значит, температура и влажность воздуха достигли критического для человеческого организма предела. Тут уже не нужны никакие научные замеры.

Так или иначе, болезнь вынудила меня покинуть сказочный Лаос. На небольшом специальном самолете меня доставили в Бангкок (Таиланд), а оттуда — на оборудованном кислородной аппаратурой самолете — в Дели. К сожалению, из-за болезни не удалось осмотреть даже достопримечательности, тем более — совершить экскурсии ни в Таиланде, ни в Индии. Но все, что удалось увидеть по пути следования из аэропортов в гостиницы, в самих гостиницах и на территориях наших посольств в Таиланде и Индии, оставило яркие впечатления. Но об этом — отдельно.

После тщательного обследования был разрешен беспосадочный полет по маршруту Дели—Москва. В аэропорту Шереметьево ожидала санитарная машина, доставившая меня прямо в госпиталь. К счастью, молодой организм позволил сравнительно быстро и без осложнений справиться с болезнью и уже в феврале 1966 года я вновь был командирован на зарубежную работу в качестве Военного атташе при Посольстве СССР в Сирии. Таким образом, на восстановление здоровья потребовалось только два года.

Итак, снова Сирия. Здесь с ноября 1955 года по октябрь 1957 года я уже работал в качестве помощника Военного атташе, а затем — до 1960 года в той же должности работал в Ливане, часто наезжая в Дамаск. Но основательно Сирию я познал именно в этот раз, проработав здесь с февраля 1966 года по июль 1970 года, то есть более четырех с половиной лет.

Более чем за десять лет Дамаск (да и вся Сирия) сильно изменились. Появились многоэтажные дома, сам город разросся вширь.

Но это — внешние перемены, хотя и весьма заметные и существенные. Город стал современнее, красивее, удвоилась численность населения. Увеличилось количество автомобилей новых современных марок, фешенебельных отелей, ресторанов, парков, богатых современных магазинов с обилием разнообразных товаров и прочее.

Неизменными остались только главный рынок Дамаска — древний «Сук Хамадийе», да территория международной Дамасской ярмарки, расположенной вдоль знаменитой реки Барады. Остались, правда, практически неизменными и некоторые центральные улицы города: Парламентская, Салхийе и некоторые другие, да и курдский район города. Они-то и давали возможность узнать древний Дамаск, так запечатлевшийся с первой встречи с ним в 1955-м году. И это узнавание будило в душе и в памяти те незабываемые дни, когда колорит этого древнего воосточного города с его укладом и своеобразным ритмом жизни сразу покорили нас при первой встрече.

На этот раз Дамаск встретил нас несколько иначе, чем первый раз в 1955 году. Прибыли мы сюда с женой и 10-летним сыном, кстати — уроженцем Дамаска, 10-го февраля 1966 года и разместились в отеле напротив Хиджазского вокзала. Оставшиеся до 23-го февраля дни использовались для приема дел и должности и подготовки к проведению приема в честь 48-й годовщины Советской Армии и Военно-Морского Флота.

Пригласительные билеты уже были разосланы. Наступило утро 22-го февраля — канун большого приема. Разбудила нас стрельба из танковых пушек и пулеметов. Пули свистели и в районе нашего отеля. В какой-то момент оказался раненым один из жильцов отеля, размещавшийся напротив нашего номера. Жену и сына пришлось вывести в коридор, чтобы за двумя стенами хоть как-то укрыть их, а самому попытаться путем наблюдения с балкона

своего номера определить, где стреляют и по возможности выяснить причины такого необычного начала предпраздничного для нас дня.

Никто из obsługi отеля ничего не мог объяснить. Телефонная связь не действовала, так что связаться с Посольством оказалось невозможным.

Путем визуального наблюдения удалось установить, что орудийному обстрелу из танковых пушек подвергается вилла президента Амина Хафеза. Далее оставаться в неведении становилось нестерпимым, и я решил любым способом добраться до своего Посольства.

Оставив жену и сына в отеле, я выбежал из него и стал по безопасным сторонам улиц и переулков продвигаться в направлении Посольства. Улицы, по которым удалось пройти до первого задержания, были пустыни. Остановивший меня сержант-патрульный приказывал не двигаться, дрожащей рукой направляя на меня наш родной автомат Калашникова, но объяснить, что происходит, не мог. Вскоре подошел капитан, такой из себя весь важный и строгий и стал меня отчитывать за ходьбу по улицам в неурочное время. Когда же я на родном ему арабском языке и именно на сирийском диалекте объяснил кто я, предъявив свой дипломатический паспорт, он страшно растерялся, не веря своим ушам. Наконец, он уяснил, что мне необходимо добраться до советского посольства. Посоветовавшись с патрульными, он сказал, что я зря подвергаю себя риску.

Он советовал переждать стрельбу в полицейском участке, обращая ко мне весьма почтительно, как полагалось говорить капитану с полковником. Но поскольку я настаивал на своем и заверил, что никому не скажу о встрече с ним, он разрешил мне следовать дальше, посоветовав, каким маршрутом мне безопаснее добраться до Посольства. И я, передвигаясь по безлюдным переулкам, почти вышел к Посольству. Но тут меня остановил патрульный уже во второй раз. Он истошно кричал что-то не очень понятное. Тогда я уже по-офицерски скомандовал ему проводить меня к Посольству. Окончательно растерявшийся солдат повиновался. Так я невредимый добрался, наконец, до посольства.

Спустя некоторое время в сопровождении заведующего консульским отделом Посольства я возвратился в отель и вызволил оттуда жену и сына, которые изрядно переволновались.

Во второй половине дня мы с моим предшественником полковником Плахиным И. Ф. были приглашены во второе (разведывательное) бюро Генштаба. Там уже находились все военные представители иностранных государств, аккредитованные в Сирии.

Начальник упомянутого выше бюро полковник Сувейдани, отрекомендовавшись уже начальником Генерального штаба, официально уведомил присутствовавших о совершившемся государственном перевороте. При этом он то и дело поправлял сползавшую на глаза явно великую для него генеральскую фуражку, важно оттопыривал губы и старался подчеркнуть важность момента и значительность собственной персоны. Однако, важничать ему пришлось не долго. Вскоре он был выдворен из страны. О причинах никто и никогда не говорил.

Так в одночасье в результате переворота полковник стал генералом и начальником Генерального штаба... Но — очень не на долго.

Жизнь после переворота стала входить в нормальное русло. Поскольку прием 23-го февраля не состоялся, приступил к нанесению официальных визитов как к местным, так и иностранным военным представителям.

Шло время. Летом 1966 года в Сирии побывали наши космонавты Беляев и Леонов,

которых пришлось сопровождать в очень интересной и полезной поездке по стране..

Была начата и подготовка визита (в то время министра обороны) генерала Хафеза Асада в Советский Союз. Я должен был сопровождать его в этой поездке. Наконец, подготовительная работа была завершена, все было готово к отъезду. Все отъезжающие прибыли в аэропорт. Уже была завершена сдача багажа делегации. Но тут... арабо-израильская война 1967 года. Визит, естественно, был отменен. Поезка не состоялась.

Как известно, война длилась всего шесть дней. Но последствия ее были весьма тяжелыми. Они сказываются и до сих пор и не только на судьбе Сирии, но и на ближневосточной проблеме в целом.

После этой войны в отношениях между Сирией и нашей страной возникли новые, более сложные аспекты. Многими проблемами пришлось заниматься и мне, работая в постоянном контакте с послом.

Дело в том, что в развивающихся странах того периода именно армии, являвшиеся самой организованной силой, в конечном счете определяли как внутреннюю, так и внешнюю политику государства. Поэтому и руководители Сирии зачастую (и особенно в период кризисных ситуаций) поддерживая официальные контакты с послом, дублировали их напрямую с военным атташе.

Так и мне пришлось приобщиться к сложным политическим проблемам этого издавна беспокойного, мягко говоря, региона.

В этих записках я сознательно не касаюсь этих проблем, поскольку целью данного повествования является рассказ о сугубо личных впечатлениях, относящихся к тем или иным событиям, отдельным политическим и военным деятелям, а также о сугубо личном осмыслении сложных политических проблем, возникавших в одной из горячих точек планеты. Поэтому говорить о конкретной и весьма сложной, ответственной работе, которой мне приходилось заниматься, в этих записках нет смысла.

Отрадно сознавать при этом, что оценка событий, явлений, действий и целей отдельных политических группировок, отдельных политических деятелей и военных руководителей, прогнозы о возможных действиях других государств в отношении стран региона, а также осмысление необходимых масштабных акций со стороны нашего государства в период тех или иных кризисных ситуаций мне удавались и оценивались руководством. Мои выводы и предложения положительно принимались командованием и, как правило, преломлялись в эффективные практические действия с нашей стороны, встречая положительные реакции руководства страны пребывания. Это способствовало дальнейшему положительному развитию отношений между нашей страной и страной пребывания в вопросах военного и политического сотрудничества. И об этом я говорю отнюдь не из бахвальства. Моим успешным действиям способствовали опыт войны, уровень образования и профессиональной подготовки, опыт предыдущей зарубежной работы, знание и учет тонкостей Востока вообще и ближневосточных проблем в частности, учет личностных качеств отдельных руководителей и политической направленности тех или иных политических группировок. Немаловажную роль играли личные контакты с теми или иными деятелями и складывавшиеся доверительные отношения с ними, в том числе на основе личных симпатий. Весьма заметнее значение при этом имело хорошее знание очень сложного со множеством диалектов арабского языка, а также учет быта, нравов, обычаев и традиций населения страны пребывания, искреннее уважение к ним. Эти обстоятельства вызвали в ответ доверие, должное уважение и необходимую откровенность.

Внешность, разговор без акцента, в том числе на местных диалектах, иногда даже приводили к курьезам.

Так на одном из приемов губернатор провинции и командующий войсками округа в ходе беседы, мягко говоря, не очень лестно отзывались, скажем, о новом руководстве страны. Один из них в ходе дальнейшей беседы спросил меня, кем я являюсь. Получив ответ о том, что я не местный гражданин, а советский военный атташе, он заметно смутился. Я на местном жаргоне заметил, что содержание беседы останется между нами. В дальнейшем губернатор неоднократно приглашал меня на обед на свою загородную виллу, когда я приезжал в столицу провинции, а другой собеседник — на охоту. Беседы при этом были весьма откровенными и доверительными, а главное — полезными для обеих сторон во всех отношениях.

Неоценимую пользу в работе приносило личное знакомство с рядом лиц, которые пришли к руководству армией, а затем и страной.

Так, мой знакомый еще со времен первой командировки, ставший после переворота 1966 года во главе Комитета Национальной безопасности страны, Абдель Керим Джунди лично выписал мне пропуск для беспрепятственных поездок по городу после комендантского часа. Это позволяло беспрепятственно, даже в ночное время, связываться с высшим руководством армии и страны в целях оперативного решения вопросов по заданию командования и нашего посла. Так по очень важным и срочным вопросам мне приходилось в ночное время посещать и тогдашнего президента Нуреддина Атаси, и премьер-министра Юсефа Зуэйна, и являвшегося в то время министром обороны генерала Хафеза Асада (нынешнего президента Сирии), а также других высших чинов армии.

Все беседы велись на арабском языке, как правило — на диалекте и без переводчиков, что ускоряло процесс решения важных и срочных вопросов советско-сирийского военного

102

сотрудничества, особенно в тяжелый период после арабо-израильской войны 1967 года.

В целом, думается, что сделанное за четыре с половиной года в Сирии принесло не только большое удовлетворение мне лично, как военному представителю и человеку (ведь именно в Сирии я получил генеральское звание), но и оставило определенный положительный след в последующем развитии сотрудничества между нашими странами и армиями.

Безусловно, на всю жизнь запомнились обстоятельства, при которых я узнал, что мне присвоено звание «генерал-майор».

А было так. Мы с послом Барковским были приглашены командованием группы наших военных советников в Сирии на торжественное собрание, посвященное 50-й годовщине Советской Армии и Военно-Морского Флота. В ходе торжественной части посол огласил Постановление Совета Министров СССР о присвоении генеральских званий ряду военных советников. Главному военному советнику было присвоено звание «генерал-полковник», а двум полковникам — звание «генерал-майора».

После этого оглашения многие офицеры-советники стали спрашивать меня: почему не была названа моя фамилия? Меня их вопросы удивили, так как я и не ожидал присвоения мне генеральского звания и никому не говорил, что возможно такое. Однако люди говорили и вели себя так, как будто бы я чуть ли не обманул их. Я, безусловно, испытывал неловкость и мое праздничное настроение было испорчено.

Но вечер продолжался. Завершился концерт художественной самодеятельности,

состоявшейся после торжественного заседания. Все стали подниматься на второй этаж к накрытым для торжественного ужина столам. Посол уехал, а меня стали приглашать с супругой к праздничному столу. Я себя плохо чувствовал, имея повышенную температуру, и хотел уйти. Но жена посоветовала остаться на некоторое время, чтобы наш уход не расценили неправильно. Делать нечего. Мы с женой поднялись на второй этаж, заняли отведенные нам гостевые места и стали ждать удобного случая с тем, чтобы отправиться домой. Вроде бы настал подходящий момент: все уже «разогрелись», начались шумные тосты и беседы. Мы с женой уже намеревались выбираться из-за стола. И тут вошел дежурный по штабу советников и громко объявил, что меня просят к телефону от имени дежурного по посольству. Пошел я к телефону. Представляюсь и интересуюсь: кто меня спрашивает. Дежурный отвечает, что тот кто спрашивает требует, чтобы я срочно прибыл в Посольство. Я все же настоятельно прошу передать трубку тому, кто меня вызывает. Ведь при вызовах в такой поздний час ожидаешь скорее всего неприятных вестей, и я спрашиваю уже у взявшего трубку: «Что-нибудь случилось?», надеясь хоть намеком понять — что же? В ответ слышу: «Хорошее». Ну, слава богу, думаю, хоть не неприятность. И все же как-то по инерции спрашиваю: «Что?», хотя знаю, что мне все равно ничего не скажут. Он отвечает: «ГМ». Тут я смею: «Что, звание что ли присвоили мне?». Он весело отвечает: «Да!». Снова автоматически спрашиваю: «Ты не шутишь?». Он отвечает: «Такими вещами не шутят». Обиделся, видимо.

Возвращаюсь к жене за стол. И тут в притихшем было зале раздается хором в добрую сотню человек: «Ну?». Я коротко бросаю: «Да!». И тут зал взрывается аплодисментами... Конечно — это были счастливые минуты! Во-первых потому, что получил такое высокое и, что говорить — долгожданное звание, да в юбилейный год! А во-вторых — неподдельная радость людей, которые, как выясняется, тебя уважают, оказывается! Есть от чего взволноваться до слез!

Неизгладимое впечатление в личном плане оставили быт и нравы сирийского народа, обычаи отдельных его слоев, а также особенности флоры, фауны и климата этой благословенной страны. Ну и, конечно, удивительная арабская кухня... Мне она по душе очевидно потому, что она сродни нашей, армянской кухне все же...

Кстати, неоднократные поездки по сирийской пустыне убедили меня в том, что пустыня-то эта не является безжизненной! Там обитают и газели, и лисы, и дрофы, и шакалы, и гиены, и орлы и прочие пернатые, в том числе и водоплавающие! (?). Так, наполняемые сезонно дождевой водой отдельные впадины образуют водоемы, на которые садятся перелетные утки, гуси, лысухи, нырки и другие птицы. Не редкость здесь и степная куропатка.

Так что мои сомнения в связи с приглашением на охоту рассеялись, как только состоялся первый же выезд в пустыню с этой целью.

Правда, особенно лисы, там уж больно мелки и невзрачны по сравнению с нашими представлениями об этом нарядном зверьке. Не «представительны» также и зайцы, но охотиться на них можно.

Зато как очаровывают там быстроногие газели! Не сложна там охота на непуганную степную куропатку.

Зато удручает малочисленность колодцев с питьевой водой, их большая удаленность друг от друга и великая по нашим меркам глубина! Так, встречались колодцы с обозначенной глубиной в 108 и более метров, которые были сухими!

Небезынтересен и способ пользования некоторыми колодцами для организации водопоя скота.

Зачастую десяти — двенадцатилетние мальчуган и девочка с одним верблюдом и бадьей на длинной, свитой из шерсти, веревке находятся при колодце длительное время в период водопоя овечьих отар, пасущихся в не такой уж близости от колодца.

Эти «дежурные» дети обеспечиваются сухими лепешками и необходимыми запасами овечьего сыра, которыми они пользуются с удивительной для детей рачительностью.

Так вот — один из дежурных находится у колодца, а другой гонит верблюда от колодца на добрую сотню метров и более. Привязанная к веревке бадья с водой вытягивается из колодца и, ударяясь о его закраину, выливает воду в сбитые из дерева длинные колоды. Эти колоды наполняются дежурными водой накануне подгона сюда очередной отары овец, а с подходом отары наполнение колод водой продолжается более интенсивно.

Удивило и потрясло то, что овцы подошедшей к колодцу отары не бросались опрометью к колодам с водой, а остановленные пастухом на определенном расстоянии, нетерпеливо перебирая ногами, изнывая от жажды, с места не трогаются, пока пастух не коснется посохом нескольких овец. Те стремглав бросаются к колоде, жадно пьют, а остальные с удивительной дисциплинированностью ждут своей очереди!

Потрясающе! Овца ведет себя как разумное существо, а человек иногда готов раздавить другого в более терпимых обстоятельствах...

Особо хочется рассказать о том, как завораживающе подействовал на меня и моего спутника впервые наблюдаемый нами мираж.

Я вел машину, сменив уставшего товарища. Вдруг он предлагает мне свернуть к показавшемуся невдалеке водоему. Было даже такое ощущение, что от него повеяло легкой прохладой, а вода еле слышно плещется. Я повиновался и свернул в сторону водоема. Но, проехав изрядное расстояние, мы убедились, что водоема нет и не было...

Легкое разочарование и изумление овладели нами обоими. Но особого беспокойства это обстоятельство у нас не вызвало и мы продолжили движение. Жара становилась нестерпимой, томила жажда и мы вынуждены были остановиться, чтобы попить минеральной воды, находившейся в стеклянных бутылках, установленных в ящик, погруженный в багажник. Но каково было наше разочарование, когда мы убедились, что большинство бутылок оказалось разорванными содержащейся в них перегревшейся газированной водой, а уцелевшая была горячее кипятка.

Не утолив жажды, мы поехали дальше в надежде поскорее добраться до какого-нибудь жилища с источником воды.

Наконец, мы отчетливо увидели недалеко на взгорке деревню, на окраине которой виднелся колодец с журавлем! Это обстоятельство подняло нам настроение. В предвкушении утоления жажды холодной водой, мы прибавили скорость. Но чем дальше мы ехали, тем деревня все больше удалялась и в какой-то момент исчезла совсем.

Здесь уже мы испытали и достаточно серьезное беспокойство. Конечно же я слышал о существовании такого явления как мираж. Но я полагал, что это результат субъективного восприятия отдельного человека при соответствующих обстоятельствах. Оказалось же, что это явление воспринимается всеми его наблюдающими как реальность.

От этого не становилось менее тревожно на душе. А если учесть, что ранее на пути следования нам попадались полузанесенные песком остовы автомашин, а иногда и кости неизвестного происхождения, то становилось не по себе...

И когда наша машина при переезде через сухое русло исчезнувшей в пустыне небольшой речушки начала зарываться задней частью в песок, а недалеко показался караван верблюдов с группой людей, нами овладел безотчетный страх. Казалось, что это все тот же мираж...

Машина погружалась в песок с такой быстротой, что вскоре была засыпана по крышку багажника. Пришлось сделать робкую попытку прибегнуть к помощи уже казавшемуся миражом каравану.

К счастью караван оказался реальным и группа бедуинов помогла нам выбраться из песчаной западни с помощью двух верблюдов.

Уже в сумерках мы продолжили путь и глубокой ночью прибыли на одну из насосных станций на трассе нефтепровода компании «Ирак петролеум компани».

Так я воочию убедился в том, что мираж — это совсем «не смешно»... Есть от чего прийти в отчаяние при соответствующих обстоятельствах. И до сих пор, несмотря на то, что прочел немало популярных книг, объясняющих это явление, сам с должной достоверностью и доказательностью объяснить его не могу, хотя лично испытал его воздействие на себе.

В одной из поездок через пустыню в дни мусульманского месяца «Рамадан» мы, уже имея довольно приличный запас воды (конечно — теперь уже не газированной) в надежных термосах, нагнали бредущего (как видно не первый день) по пустыне путника. Это был араб-бедуин, который направлялся в один из населенных пунктов, расположенный на пути нашего следования в более полутора сотнях километров от места, где мы его встретили. Как выяснилось, шел он на похороны своей сестры, вышедшей в свое время за оседлого араба замуж.

Садиться в машину он отказывался, но в конце концов — сел. Губы его, потрескавшиеся от жары и жажды, слипались. Но когда мы предложили ему воды, он с мучительным стоном категорически отказался выпить хотя бы глоток или смочить губы.

Да, многого я тогда еще не знал: ни того, что в пустынных районах Сирии не бывает колодцев с журавлем, ни того, что в месяц «Рамадан» кощунственно в дневное время предлагать мусульманину воду и пищу даже из самых гуманных побуждений.

Словом, Сирия, которой были отданы лучшие годы жизни и зарубежной работы, оставила в моем сердце самые теплые и добрые воспоминания. И не только ее исторические памятники как то: мечеть Омеядов, легендарная Пальмира, древний Алеппо, различные старинные крепости и участки дорог, построенных еще римлянами — сам гордый и свободолюбивый народ, гостеприимный и гуманный, давший приют спасшимся от истребления многочисленным армянам и палестинцам-беженцам вызывает глубокое уважение, восхищение и поклонение. История и народ этого края вызывают беспредельное уважение и глубокие раздумья.

Если же учесть, что мой младший сын Александр, ныне — кадровый офицер, полковник, подаривший мне единственного внука (для продолжения рода) родился в столице Сирии — Дамаске, то, по-моему, можно понять мое особое отношение к этой стране. Да и далась, как говорят, мне Сирия «не дешево» во всех отношениях.

Хочу привести еще один факт, который, на мой взгляд, не представляет никакой тайны, но показывает, кстати, как мне досталась Сирия.

Сразу после израильской агрессии 1967 года ряд реакционных газет стали публиковать заметки о том, что поставленные Советским Союзом танки Т-34, отвоёвывавшие-де в Отечественной войне, практически не годны. У пушек, мол, уже отсутствуют нарезки, а

прицельные приспособления вообще устарели, да и негодны. А посему, мол, мы и проиграли войну. Это нас с послом крайне возмутило. И вот в очередной раз по приглашению сирийцев выехав в части, находящиеся на линии обороны, я установил, что поставленные в оборону танки зарыты по крышу башни. Это значит, что и пушка, и прицелы, находящиеся внутри окопа, не только не могут быть использованы для ведения огня, но из них невозможно даже вести элементарное наблюдение. Я с разрешения местного командира части попросил командира одного из танков выкатить танк из окопа, подзасыпать его до необходимой глубины, вернуть танк в окоп, а затем — показал ему: как надо назначать сектора наблюдения и огня поставленным в оборону танкам. Это было принято с готовностью. Затем, открыв затвор пушки, я убедился, что нарезов в стволе в их нормальном понимании не видно. А это потому, что огонь в свое время велся из неосвобожденного от консервационной смазки ствола. Предложил экипажу помыть, пропыжевать пушку установленным порядком. И заблестевший нормальным блеском ствол родной тридцатьчетвертки, показал свои почти девственные нарезы. Затем я вычертил выверочную мишень и, убедившись, что прицелы, пушка и пулеметы «смотрят в разные стороны», предложил вывести танк в удобное для этого место и произвел необходимые операции. После этого стрельбой убедил в правильности выверки и, таким образом, в «годности» наших танков. Тут же спросил: минированы ли подступы к линии обороны и ее фланги. Мне ответили, что нет, поскольку де местность танконедоступна. Действительно, заваленная природой огромными камнями туфового происхождения долина выглядела недоступной. Ни один грузовик, либо трактор или бульдозер конечно же не могли преодолеть это сплошное нагромождение огромных камней. Но танк, моя родная тридцатьчетверка?!

Сел я за рычаги, вывел танк в тыл, где было такое же нагромождение и направил его по этой «недоступности»! Она, машина, шла у всех на виду, только с хрустом покачиваясь по этим камешкам!

Вскоре газетенки перестали писать о нас пасквили. Конечно, я понимал, что за такие действия при желании меня можно было объявить «персоной нон грата» и выслать из страны. Этого, однако, не случилось. Ну и слава богу, как говорят! Известно ведь, что чем больше тратишь душевных сил из-за чего-то, то это «чего-то» становится тебе дороже. Такова для меня Сирия.

Из Сирии я часто выезжал в Ливан. Удалось побывать и в Иордании.

Поездки в Ливан осуществлялись, главным образом, по делам: покупка автомашины для аппарата военного атташе, приобретение различного оборудования, которого не было на сирийском рынке и т. п.

Поездки были не из легких. Во-первых — езда через горный перевал Анти Ливана по серпантинной узкой дороге навстречу лихим ливанским шоферам уж очень большого удовольствия не доставляла. Правда, ливанские горы — это не кавказские, а перевал — далеко не Крестовый на Военно-Грузинской дороге. Но особенно в зимнее время поездки были небезопасны. Даже уж очень многоопытные ливанские шоферы нередко срывались с обрывов на крутых поворотах, а при езде по долине Бекаа на бешенных скоростях они часто совершали страшные аварии.

Тем не менее поездки совершались. Бейрут был как бы окном в Европу и в страны других континентов. На его рынке можно было беспрошленно приобрести любой товар любой страны мира, чем и пользовались иностранные дипломаты, в том числе и мы. Это обеспечивалось наличием так называемой «Зон франш» (свободной зоны).

Но поездки в Бейрут доставляли и удовольствие: покупаться в ласковом Средиземном море, пообщаться со знакомыми и коллегами из нашего посольства, пообедать, наконец, в ресторанах ливанских городов Штора и Захле в долине Бекаа. Так что выезды в Бейрут и Ливан вообще становились небольшим праздником. Они давали возможность отдохнуть от напряженной работы да и что немаловажно — приобрести довольно приличные обновы, особенно для наших жен: меха, модную одежду, украшения, шубы и прочее.

Однако в Бейруте никто долго не задерживался. Уж очень влажен там климат. Зато прохлада в городах Алей и Бхамдун, расположенных в горной части Ливана, привлекала многих. В фешенебельных отелях этих городов постоянно отдыхали (особенно в жаркие месяцы) богатеи из нефтедобывающих арабских стран, да и довольно большое число западных туристов-толстосумов. Это давало немалую прибавку ливанскому бюджету в добавление к доходам от Бейрутского морского порта и международного аэропорта Бейрута— Хальде.

Особенно запомнилась поездка в Иорданию, где я оказался по служебным делам. Я имел поручение встретиться с королем Иордании Хусейном. От этой встречи осталось глубокое впечатление. Приятно удивило то обстоятельство, что шефом протокола Двора был черкес по национальности. Это был довольно молодой человек (лет сорока) светловолосый, довольно статный.

Во время ожидания аудиенции у короля в ходе беседы с шефом протокола было выяснено, что мы оба происхождением с Северного Кавказа. После разговоров о прелестях горного края Черкесии собеседник предложил представить мне своего отца. Я с удовольствием согласился. И когда в сопровождении сына в комнату протокольного отдела вошел довольно пожилой человек, я узнал в нем того стройного, подтянутого и отличающегося выправкой, завидной для человека такого возраста, который во главе группы одетых в знакомые с детства кавказские черкески людей, отдавал нам с послом почести при входе во дворец. Одевание этого человека сугубо кавказское от сафьяновых сапог, черкески, хозырей, кинжала, пояса с серебряным набором до сугубо кавказской папахи было как-то неожиданно для места встречи, то есть для дворца короля одной из арабских стран и вместе с тем — непередаваемо приятно... Отец с сыном, видимо, заметили, что я растроган такой приятной неожиданностью и в свою очередь тепло, именно по-кавказски приветствовали меня знакомыми с детства жестами и словами. Было очевидно, что и они в свою очередь были довольны свиданием с земляком в чине советского генерала, обладателя такой высокой награды. Расстались мы тепло, как подобает кавказцам.

Теперь — о самой встрече с королем.

Вот нас приглашают войти к королю. Войдя, мы увидели короля сидящим на троне в военной форме с традиционным клетчатым платком на голове. После того, как все вошли в тронный зал, король встал со своего места, подошел для взаимного рукопожатия и приветствия по предписанию протокола и, взяв меня за предплечье, усадил рядом с собой на стоящий в стороне диван.

После взаимных протокольных приветствий и моего доклада о цели визита король заметно успокоился. В начале беседы чувствовалась некоторая напряженность, так как советский военный представитель впервые посещал короля Иордании. Хусейну, видимо, трудно было предположить, о чем поведет речь советский генерал — военный атташе в соседней Сирии. Постепенно беседа вошла в деловое спокойное

русло и только тут король заметил, что я весьма грамотно веду разговор на литературном арабском языке. Это изрядно удивило короля, но теперь и он продолжал разговор со мной на арабском языке, тщательно выговаривая слова, как это делал я. Затем постепенно и незаметно мы перешли на диалект и благополучно с успехом завершили беседу.

Одним из решенных вопросов была договоренность об учреждении аппарата советского военного атташе в Иордании.

Впоследствии назначенного на эту должность полковника Манохина, прибывшего в Дамаск самолетом из Москвы, я доставил на своей автомашине на сирийско-иорданский пограничный пункт и, как говорится, благословил его на успешную работу в качестве первого в истории советского военного атташе в Иордании.

Пришел день отъезда и из Сирии. В офицерском клубе Дамасского гарнизона Министр обороны устроил прием, на котором вручил мне ценный подарок. После приема в саду-ресторане этого клуба состоялся обед от имени начальника Генерального штаба, на котором присутствовали все руководящие офицеры Министерства обороны и Генерального штаба. Со многими из них в ходе работы приходилось часто встречаться, иногда и «полемизировать», поэтому, откровенно говоря, я ожидал нормальных протокольных проводов, но такого теплого, затянувшегося «обеда» я, конечно, не ожидал. Безусловно было приятно: значит трудился нормально!

Отбыл я из Дамаска с семьей в конце июля 1970 года. Не прошло и два с половиной года после возвращения из Сирии, как вновь пришлось отбыть в очередную зарубежную командировку. На этот раз в неведомую и загадочную для меня страну — в Марокко.

В отличие от Лаоса и Сирии, где я занимал должность Военного атташе, в Марокко я именовался уже Военным, Военно-Морским и Военно-Воздушным атташе при Посольстве СССР в Королевстве Марокко.

Откровенно говоря, знакомясь с материалами по этой стране и по региону в целом, я полагал, что работать там будет поспокойнее, чем на Ближнем Востоке. Там нет войн, не случается частых государственных переворотов, как, скажем, в Сирии или Ираке.

Я в шутку даже говорил начальству, что оно рискует, направляя меня в благословенную страну. Ведь опыт всех предыдущих моих командировок показывал, что там, где я появлялся — везде дело оборачивалось войной. Вспомним: Сирия, Лаос, Ливан... Я объяснил это тем, что родился 23-го февраля, то есть — в день армии. Как бы, говорил я, и в Марокко не случилось чего... В душе, однако, был доволен тем, что, наконец-то (так думал я) смогу поработать в полную силу без выстрелов, переворотов, без боевых действий и военных сводок... Ведь регион в послевоенное время обходился без войн, вооруженных конфликтов и иных серьезных потрясений.

Но жизнь распорядилась несколько иначе. Падение салазаровского режима в Португалии, агония и конец франкистского режима в Испании и последовавшие за этим события в Западной Сахаре, в которые активно втянулись и марокканцы, стоили мне многих беспокойных дней, а порой — и бессонных ночей... Были и сводки с указанием людских потерь. Так что поневоле можно стать суеверным.

Немало было хлопот и в связи с решением короля Хасана II-го направить свой контингент в Сирию в связи с очередной арабо-израильской войной 1973 года. Постоянно возникали неприятные проблемы в связи с заходами наших военных кораблей (как деловыми, так и официальными) в марокканские порты. То — несвоевременное уведомление с нашей стороны по вине Главного Штаба ВМС, что не соответствовало марокканским законам и

международным правилам, то подчеркнутое нежелание пополняться пресной водой, либо тем или иным видом продовольствия (ясно, что в целях экономии валюты), то неприятности, связанные со сходом личного состава на берег... Только вроде бы разделался с одной проблемой, как возникает другая.

Иногда имели место и неприятности (причем — немалые), связанные с опрометчивыми действиями и некомпетентностью капитанов наших гражданских судов, работавших в Атлантике. (Я не имел к ним отношения, но иногда...)

Так однажды одно из наших крупных рыболовецких судов (завод по сути) было задержано в территориальных водах Марокко военными катерами этой страны и доставлено в один из ее южных портов.

Выдвигалось официальное обвинение в контрабандном лове какого-то ценного вида рыбы в территориальных водах Марокко.

В качестве санкций предстояло: изъятие в пользу Марокко всей находящейся на борту уже выловленной рыбы, орудий лова (тралы), и уплата штрафа в сумме не менее 50 тысяч долларов. Таков международный порядок.

Конечно, инцидент можно было разрешить и таким именно порядком, хотя сам факт и неприятен для улучшавшихся отношений между нашими странами. Однако дело значительно осложнялось тем, что в недружественной нам прессе было опубликовано сообщение о том, что на борту судна, якобы, находятся переодетые советские офицеры и большая партия оружия, которые, будто бы направлялись в Анголу. В связи с этим марокканские власти кроме вышеуказанных санкций требовали тщательного досмотра судна.

К делу было подключено наше Генеральное Консульство в Касабланке, а меня попросили предметно проконсультировать консульских работников с тем, чтобы избежать возможных осложнений и провокаций в ходе разрешения данного инцидента.

Капитан нашего судна доложил, что ловом рыбы в территориальных водах Марокко судно не занималось, но что на борту находится довольно большое количество уже выловленной в открытом океане ценнейшей рыбы, которая стоит больших денег в валюте. В территориальные же воды Марокко он зашел, якобы, вынужденно, так как имевший место накануне сильный шторм нанес значительные повреждения орудиям лова и для их ремонта, было необходимо подойти поближе к берегу. После ремонта было необходимо опробовать трал. И, как только трал был опущен за борт, неожиданно появились марокканские военные катера береговой обороны и потребовали следовать за ними в ближайший порт Сафи.

При этом капитан категорически отрицал наличие на борту какого-либо оружия и тем более — переодетых офицеров. Тем не менее марокканские власти, видя крайнюю растерянность нашего молодого капитана и учитывая его недавнюю попытку откупиться, настоятельно требовали досмотра судна.

Положение было исключительно сложным потому, что в ходе досмотра можно было ожидать любой провокации, вплоть, скажем, до подброски оружия, либо других компроматов, тем более, что капитан накануне успел отдать марокканцам две коробки со злополучной рыбой, надеясь договориться с задержавшими его лицами. А ведь в эти освобожденные из-под рыбы коробки можно было заложить минимум по десятку, скажем, автоматов любого образца, подбросить которые не составляло особого труда.

Начались тяжелые переговоры, затянувшиеся более, чем на двое суток. В конечном счете удалось достичь такого решения. Весь груз из трюмов на палубу выносятся силами

нашей команды и здесь досматривается соответствующим числом марокканцев в присутствии нашего генерального консула. Затем таким же порядком досматривается освобожденный трюм. А после этих операций можно будет продолжить переговоры.

Никак не проходила тревога в связи с отданными ранее марокканцам двумя коробками с рыбой. С тем, чтобы избежать возможных провокаций, было установлено круглосуточное дежурство наших дипломатов на корабле.

Начался вынос груза из трюмов на палубу. С наступлением темноты на борт корабля поднялся губернатор провинции. Шла дружеская беседа с ним, как вдруг дежуривший у кормы корабля дипломат доложил, что с подошедшей к кораблю лодки что-то сброшено в непосредственной близости от кормы судна.

По просьбе нашей стороны губернатор отдал необходимые распоряжения и двое в лодке были задержаны. А вскоре из воды был извлечен подброшенный ими злополучный короб, набитый автоматами.

В результате последовавших за этим переговоров с губернатором штрафные санкции были сведены только к штрафу в 46 тысяч долларов.

Так удалось сохранить для нас как ценный груз, так и весьма дорогостоящие тралы. Кроме того, давшая ранее клеветническую информацию газета опубликовала опровержение. Наше доброе имя было сохранено.

Как отмечалось выше, нередко возникали осложнения, связанные с заходом в марокканские порты наших кораблей. Необходимость же в таких заходах была практически постоянной. Достаточно отметить, что в порты Марокко регулярно заходили крупнотоннажные учебные корабли типа «Гангут» с курсантами выпускных курсов военно-морских училищ на борту. Эти заходы целесообразно было использовать не только для пополнения запасов пресной воды и продовольствия вплоть до фруктов и овощей. Поэтому нами на месте по согласованию с местными компетентными властями организовывались концерты, как самодеятельных курсантских коллективов, так и штатных флотских ансамблей песни и пляски, различного рода спортивные соревнования с местными военными моряками, а иногда даже концерты в городских и профсоюзных концертных залах. Это способствовало пропаганде нашей культуры и укреплению дружественных отношений между нашими странами.

Для организации таких мероприятий требовалось, естественно, необходимое время. Да и по марокканским инструкциям требовалось, чтобы запрос на заход того или иного корабля, тем более военного, был подан не позднее, чем за месяц до захода. Вот тут и начиналась чехарда. Смею отметить, что наши соответствующие инстанции с завидным постоянством не соблюдали этот порядок. Как правило, запросы ко мне поступали за несколько дней, в течение которых если и удавалось договориться о разрешении на заход, то уж организовать какие-нибудь полезные мероприятия, тем более в оптимальном объеме, не представлялось возможным. Но это полбеды. Хуже, когда такое отношение к вопросу о своевременных запросах касалось боевых кораблей. Это приводило к немалым сложностям в службе наших кораблей в Средиземном море да и в Атлантике.

Правда, нередко возникали особые обстоятельства, требующие срочного решения вопроса о заходе при крайней необходимости. Но это как раз и говорит о том, что в обычных случаях следует соблюдать должный порядок с тем, чтобы в срочных случаях не было бы отказа.

Вот и приходилось всеми правдами и неправдами, используя сугубо личные отношения и визиты в соответствующие инстанции, добиваться разрешения на заход одного, либо целой

группы военных кораблей.

Марокко — это не только природная экзотика и климатические чудеса, связанные с наличием трех Атласских хребтов, о чем постараюсь рассказать ниже. Само государственное устройство — королевство — заметно отличалось даже от знакомых мне ближневосточных королевств.

Я не говорю уже о нравах и обычаях, своеобразии населения Марокко, хотя это тоже арабская страна.

На первых порах меня удивляла специфическая церемония как на официальных мероприятиях, так и в повседневном общении короля со своими соотечественниками, будь то министры, религиозные деятели или высшие военные чины.

Каждый из них, удостоившийся чести подойти к королю, обязательно целовал протянутую ему руку суверена. При этом, по моим наблюдениям, резкое отдергивание руки короля от уст пытавшегося поцеловать ее означало (как мне показалось) нечто вроде проявления недовольства или пренебрежения суверена в отношении данного лица. Этот жест часто и весьма подчеркнуто в отношении определенных лиц повторял наследный принц. Человек же, которому удавалось благополучно и до конца завершить поцелуй, отходил от короля и наследного принца со счастливой улыбкой на устах. Тому же, кому не удавалось до конца исполнить этот пресловутый поцелуй, отходил от властелина явно удрученным. Так мне показалось. А спрашивать я считал не деликатным.

Я думаю, что поскольку король Марокко является одновременно главой и светской и религиозной власти («повелитель правоверных»), то верующие марокканцы любых рангов и сословий с упоением исполняют обряд целования руки. Двойной властью короля объясняется своеобразие быта и нравов марокканцев. А если учесть, что страну населяют как арабы, так и берберы, то это своеобразие становится понятным до конца.

До моего приезда в страну на короля было совершено два покушения. Дат их я точно не помню, да и не в них дело. Важны сами обстоятельства и последствия этих покушений. Первое покушение было совершено на севере Марокко в его воздушном пространстве. Два истребителя атаковали самолет короля, возвращавшегося из зарубежной поездки. Самолет короля был атакован, обстрелян и изрешечен, но окончательно не сбит, поскольку в последний момент с самолета была передана радиogramма, в которой говорилось, что король убит и от имени летчика высказывалась просьба дать возможность посадить самолет, терпящий бедствие, на ближайший аэродром. Посчитав задачу выполненной, истребители ушли на свою базу. Самолет же короля благополучно совершил посадку. Далее король уже сухопутным благополучно возвратился в столицу невредимым.

Оказалось, что обращение по радио выполнил сам король! Позавидуешь самообладанию этого человека!

Действительно, самолет был изрешечен так, что трудно поверить, как на его борту могло остаться живым что-либо... Этот самолет впоследствии был выставлен на всеобщее обозрение, а религиозные деятели в своих проповедях утверждали, что Его величество остался живым по воле аллаха как повелитель правоверных (Амируль муаминин). Не верить, видя в каком состоянии был данный самолет, было невозможно... Говорили, что этот королевский самолет, пилотировал летчик, который впоследствии был назначен командующим военно-воздушными силами страны. Я общался с этим человеком в официальной обстановке, когда он уже был командующим ВВС в звании полковника.

Фамилия его — Каббаж. Это был обаятельный, общительный, воспитанный во всех отношениях человек. Общение с ним было всегда приятным.

Второе покушение на короля состоялось во время дипломатического приема, состоявшегося в летней резиденции короля в пригороде столицы — в Скирате.

Ворвавшаяся на прием группа солдат открыла беспорядочный огонь по многочисленным гостям. Были убитые, среди которых оказались послы некоторых государств.

Все приглашенные предпочли незамедлительно разъехаться. Ушла и основная группа стрелявших.

Укрывшийся в третьестепенном подсобном помещении король, почувствовав, что беготня и стрельба стихли, осторожно вышел из своего убежища. Стоявший на охране двери солдат, увидев короля, упал на колени и пытался поцеловать ему руку. Король строго спросил, что солдат здесь делает. Он ответил, что его поставил командир охранять именно эту дверь. Тогда король приказал солдату немедленно разыскать командира и передать ему приказ прибыть к королю. Сам же после того, как солдат бросился выполнять приказ, через окно первого этажа вышел на шоссе Рабат — Касабланка, остановил невзрачную машину какого-то обывателя и вернулся в столицу.

Организатора покушения генерала Медбуха, прибывшего во дворец в Рабате (несколько ранее короля), полагавшего, что покушение увенчалось успехом, застрелил начальник канцелярии короля полковник Длими.

Как выяснилось, солдатам подразделения, направляемым в Скират, было сказано, что король в опасности, что его намереваются убить и его надо немедленно спасать. Потому-то солдат, увидевший короля в Скирате, был обрадован, что он жив, и с готовностью бросился выполнять его приказ.

Поистине — в рубашке родился король! Но скорее всего как и в ходе первого покушения решающее значение имели: удивительная находчивость, ум и волевые качества короля. В этих его качествах я убеждался не однажды на протяжении всех лет пребывания в Марокко.

И еще один случай, происшедший уже на моих глазах, многими был расценен как очередное покушение на короля.

До того, как начать рассказ об этом трагическом событии, я хочу отметить, что торжества по случаю национального праздника, в том числе и военные парады, уже по сложившейся традиции в Марокко проводятся поочередно: то в Рабате, то в Касабланке, то в Фесе, то в Маракеше.

На этот раз празднества проводились в Маракеше. Все официальные лица — марокканцы и иностранные дипломаты были приглашены именно туда.

Трибуна короля и гостевые трибуны для местной знати и дипломатического корпуса были расположены у основания многоэтажного здания городской почты и телеграфа, построенного в виде огромной параболической антенны радара.

С началом парада в ходе прохождения сухопутных войск над ними на малых высотах пролетали звенья реактивных истребителей.

И случилось следующее.

В летящей клином очередной тройке истребителей два ведомых самолета столкнулись (к счастью многих и многих — не долетев до трибуны). Летчик одного из самолетов катапультировался, его самолет упал в районе городской гостиницы, а другой летчик вместе с самолетом рухнул в районе городского рынка и, конечно, погиб. Оба самолета взорвались и

сгорели.

Так вот среди иностранных дипломатов, особенно военных, в том числе — военно-воздушных атташе, это происшествие комментировалось следующим образом. Во-первых — оно считалось ими очередной попыткой покушения на короля. А по существу происшествия приводились следующие рассуждения.

При довороте самолетов, взлетающих со взлетной полосы под углом к улице, по которой двигались войска парадного расчета, правый ведомый должен был (по замыслу заговорщиков) в точно рассчитанный момент катапультироваться, предварительно направив свою машину на левый ведомый самолет. Столкновение двух самолетов с полной заправкой должно было произойти как раз над гостевыми и королевской трибунами. Это должно было неизбежно привести к удару двух машин в здание параболической почты, мощному взрыву, растеканию горючего и пожару как раз, главным образом, над трибуной короля. Конечно же, и гостевые трибуны оказались бы практически в эпицентре катастрофы. Спасти смогли бы немногие. Так это или нет — сказать трудно. Я, лично, считаю такую версию правдоподобной.

Король категорически отверг версию о покушении. Он немедленно поощрил командующего ВВС за оперативно принятые меры по спасению жителей в месте падения самолетов. Катапультировавшийся летчик (кстати — возможно главный кроме организаторов происшествия виновник трагедии) был награжден боевым орденом, а семье погибшего летчика была определена пожизненная пенсия. Сын погибшего — ровесник наследного принца — был зачислен в дворцовую школу на полный пансион.

В целом следует сказать, что король Хасан II-й, которому в 1989 году исполнилось 60 лет, в семидесятых годах проявил себя мудрым государственным деятелем, гибким политиком, равно как и умным дипломатом, свободно владеющим арабским, французским, английским и испанским языками. Это разносторонне развитый, превосходно знающий не только арабскую, но и европейскую историю, культуру и музыку. Как оказалось, он любил и русскую музыку, особенно русские романсы, фольклор.

Артисты ансамбля «ОРЭРО» мне рассказывали (после организованного по инициативе короля концерта в королевском дворце для членов королевской семьи), что при исполнении ими песни «Дорогой дальнею» король даже подпевал им. Очевидно в молодости, находясь в изгнании в Париже, посещая понравившиеся ему русские варьетэ и рестораны, он определенным образом воспринял и сохранил в какой-то степени память о русской музыке и культуре.

Держался король всегда с достоинством, никогда не позволял себе бестактности, в общении с иностранными дипломатами был всегда корректен. Правда, в определенных случаях он был крут и даже беспощаден к своим подданным любого ранга, если они этого «заслуживали».

Словом — это незаурядный глава государства. Знает что и, главное, как делать. А ведь дается все это ему ой как нелегко.

Я часто шутил, что королей на земле осталось мало, их беречь надо, но что при всем при том я бы не хотел быть королем.

Для того, чтобы говорить об особенностях флоры и фауны, а также о климате Марокко, необходимо, прежде всего, отметить, что всю страну практически с запада на восток пересекают три гряды Атласский гор. Ввиду этого в зоне между средиземноморским побережьем и северным Атласом климат средиземноморский. Отсюда — все прелести

ландшафта, обилие ласковых пляжей и зон отдыха, куда привычно приезжают на отдых иностранцы, особенно — французы и испанцы — бывшие хозяева в так называемых французском и испанском Марокко.

Примечателен в этой зоне, безусловно, Танжер. Нет резона описывать этот издавна всему миру известный город у Гибралтарского пролива и его разностороннее значение. Отмечу лишь, что мне часто приходилось выезжать туда из столицы в связи с заходами наших кораблей в этот город-порт.

Отсюда же я на постоянно действующем пароме (довольно комфортабельном судне) однажды отправлялся в Гибралтар. Но об этом — позже.

Примечательны в этой зоне также города Тетуан, Эль-Хосейма, фешенебельный пляж Кабо-Негро, а также анклавы Суэта и Мелилья.

Что касается Танжера, то там, кроме богатых и уютных гостиниц, а также превосходных пляжей и бассейнов много различного рода магазинов и небольших лавчонок с разнообразными товарами со всего света. Тут и японские радиотовары, и китайский фарфор, и венецианское стекло, и индийская галантерея — словом товары на любой вкус, а вернее — на любой карман.

Я любил бывать в этом тихом и уютном городе. Запомнился ресторан со специфической кухней, владельцем которого был итальянец. Примечателен здесь и один из испанских ресторанчиков, который содержала семья бывшего испанского республиканца.

Хозяева этого ресторана всегда тепло встречали нас — советских людей, а меня активно учили испанскому языку, считая, что я — «вылитый испанец!» И когда я, входя в ресторан, приветствовал их бодро и весело по-испански: «Буэнос диас, кабальерос», они хором одобрительно приветствовали меня и настоятельно требовали, чтобы я запомнил еще несколько слов и старательно учили правильному произношению уже новых слов, забывая, что я голоден и пришел главным образом поесть!

Надо отметить, что танжерцы умеют отдыхать. В городе повсеместно встречается масса различных кафе и ресторанов. А в вечерние часы главная улица закрывается (не допускается движение автотранспорта) и превращается в проспект, по которому гуляют горожане и гости города, а на тротуарах устанавливаются столики из многочисленных кафе, за которыми можно посидеть, вкусно и недорого поесть, попить кофе или чай, разнообразные фруктовые коктейли и прохладительные напитки.

В воскресенье и в праздничные дни по этой улице проходил духовой оркестр, прилично исполняя бравурные марши к удовольствию публики.

Очень небольшой этот город был всегда с большим вкусом иллюминирован, а вывески различных магазинов, отелей, ресторанов, пляжей и кафе приятно зрелищными.

Конечно же как и во всех портовых городах там имеется изрядное количество ночных заведений к удовольствию иностранных моряков. Словом — это типичный средиземноморский город-порт.

Характерным для этого города, так же как и для Гибралтара, является то, что владельцами магазинов по продаже ювелирных изделий из золота были индусы.

Теперь несколько слов о моей поездке в Гибралтар.

Необходимость поездки возникла в связи с покупкой автомашины для служебных целей. Именно там можно было купить беспрошленно автомашину иностранной марки нужного класса и по сравнительно

сходной цене.

Получив визу в Британском посольстве, я прибыл в Танжер, приобрел билет на отходящий в Гибралтар паром и в назначенный час отбыл из Танжера.

Несмотря на то, что на мне было гражданское платье, я почувствовал, что меня в Гибралтаре ждали. Отыскав меня в толпе пассажиров, выстроившихся к погранконтролю, ко мне подошла улыбающаяся довольно красивая женщина лет 25—30-ти в униформе таможенной службы и жестом пригласила следовать за ней. Я повиновался.

Так мы выбрались с ней на припортовую площадь. Тут она подозвала такси и назвала отель, куда следовало меня отвезти. Делать нечего, я поехал, несколько не удивляясь такому «гостеприимству», понимая, что «забота» обо мне уже с первых шагов по гибралтарской земле начала осуществляться, причем — очень четко. Это «воодушевляло». Можно, конечно, было предположить, что это результат заботы британского посольства в Марокко, любезно пожелавшего помочь мне, не знающему английского языка, справиться со своими делами в незнакомой обстановке. Однако, когда я вечером спустился в ресторан поужинать, увидел уже знакомую мне «таможенницу» в роли официантки. Она улыбалась мне как старому знакомому.

На другой день, выйдя по делам в город, я вновь увидел мою попечительницу уже в форме полицейского. Так я убедился, что меня демонстративно опекают, чтобы я не вздумал чего-либо «такого»...

Признаюсь, что я ни о чем «таком» и не помышлял. Такова запомнившаяся мне пикантная подробность, связанная с этой поездкой.

Теперь все же кое-что о Гибралтаре, этом городе-легенде, непременно месте действия шпионов, отображенного во многих детективных романах и фильмах, которые удалось посмотреть когда-то.

Поразило прежде всего то, что абсолютно прозаическая скала была по всей покатой поверхности верхней ее части заглажена бетоном, а сверху вниз по ней сооружены углубления, как бы лотки. Оказывается, это сделано для сбора дождевой воды. Дело в том, что питьевой воды в Гибралтаре нет. Ее доставляют сюда извне танкерами. В туалетных и душевых отелях используется морская вода.

Не менее удивительным для меня было то, что мусор, образующийся в городе, полностью сжигается в специальных сооружениях с тем, чтобы не засорялось море вокруг скалы, а с другой стороны — чтобы утилизировать мусор для подогрева воды для коммунальных целей.

В целом, по правде говоря, я ожидал от Гибралтара чего-то большего. Его легендарность и таинственность для меня померкли навсегда. Он ассоциируется теперь для меня как двойник Танжера, не больше.

Глава компании, продавшей мне автомобиль, повез меня показать оборудованные в теле скалы тоннели. Этот делец — один из «отцов» города наряду с человеком, возглавлявшим «Барклай банк», уверил меня, что это «рядовая» экскурсия — не более и продлится она ну, максимум, полчаса, после чего мы приглашены на обед к директору вышеупомянутого банка. Я был заинтересован во встрече с директором банка, поскольку мне было необходимо поменять марокканские дирхамы на гибралтарские фунты, чтобы расплатиться за приобретенную машину.

Так вот то, что я увидел в нишах тоннелей, сооруженных в теле скалы, не произвело

впечатления. Это были огневые позиции старых крепостных орудий. Может быть, меня провезли просто по музею — не знаю. В целом же я был доволен поездкой. Наконец-то Гибралтар перестал быть для меня таинственным и загадочным.

Припоминается еще уж совсем неожиданная встреча в Гибралтаре.

В один из дней, идя по главной улице Гибралтара, я увидел на противоположной стороне улицы двух молодых парней, которые, как мне показалось, говорили по-русски. Я прислушался. И правда, услышал родную речь, приправляемую к месту и не к месту крепкими словами.

Я громко предложил им подойти ко мне. Они остановились и настороженно спросили кто я такой? Подойдя к ним сам, я представился. И тогда эти милые парни, преобразившись, стали просить меня помочь им поскорее выбраться отсюда. Оказалось, что один из них был снят с нашего торгового судна из-за острого приступа аппендицита и уже длительное время после операции не может убыть на родину. Другой — тоже был оставлен в Гибралтаре другим нашим кораблем из-за сложного перелома ноги. Теперь и он томится здесь из-за того, что до сих пор ни один советский корабль в Гибралтар не заходит.

Я принял необходимые меры и вскоре они оба убыли на родину. Надо было видеть, как благодарили меня заранее эти, истосковавшиеся по родным и близким, наши милые парни!

Теперь о территории Марокко, расположенной между Северным и Центральным Атласами. Здесь климат континентальный.

Климат же в районах, расположенных между Центральным и Южным Атласами — практически полупустынный, не говоря о районах, находящихся южнее Атласа Южного. Здесь пустыня просто наступает на плантации финиковых пальм, протянувшихся на добрую сотню километров.

Тревожно становится на душе, когда видишь засыпанными до кроны эти высокие, стройные растения, которые с таким трудом выращены человеком и являются, практически, единственным источником жизни для людей этого региона.

А говорят компетентные люди, что наступление пустыни происходит со скоростью до одного километра в год...

Что касается атлантического побережья Марокко, то вдоль него располагаются основные предприятия страны, порты, связывающие Марокко с внешним миром в экономической области, ну и, конечно, бесчисленные пляжи. На этом побережье поражают удивительно яркая, густая синева неба в погожие солнечные дни, а в непогоду — громада накатывающихся волн на фоне свинцового неба.

Словом, пересекая территорию Марокко, скажем, с юга на север можно побывать в пустыне, затем — в условиях горных ландшафтов, далее на равнинных просторах с континентальным климатом и, наконец, попасть в зону ласкового Средиземноморья, то есть побывать как бы в разных регионах мира.

Пересекших Марокко с севера на юг и обратно в течение, скажем, одних суток, поражает это обстоятельство.

Самым неожиданным является, например, то, что после посещения южных пустынных районов Марокко, куда добрался по дорогам вдоль атлантического побережья страны, при возвращении по дорогам, пролегающим по центральной части ее, ты попадаешь в настоящую жестокую пургу в районе высокогорного перевала, носящего по-русски звучащее название Тишка.

Своеобразны некоторые обычаи марокканцев, особенно ритуал подбора брачных пар.

Происходит это во время проведения сезонных больших базаров (как бы ярмарок в нашем понимании).

На специально отведенных довольно обширных площадях разбивают своеобразные городки из знаменитых исключительно живописных марокканских шатров.

Так вот наряду с куплей и продажей скота, зерна, изделий кустарных промыслов и других товаров и припасов проводятся скачки, стрельба с ходу (на скаку) из старинных ружей, другого рода традиционные состязания. В ходе этих ярмарок и подбирают друг друга желающие вступить в брак молодые люди. Причем инициатива знакомства обоюдная. Более того, зачастую девушка, подобрав себе жениха, доводит дело до свадьбы.

Сами по себе свадебные обряды тоже весьма своеобразны и красивы. Очень красочны расписные праздничные наряды марокканцев как для женского, так и для мужского пола.

Многообразие обрядов марокканцев связано с тем, что страну населяют как араба-магрибийцы, так и берберы и мавританцы. При этом жители южных провинций страны гордо именуют себя голубыми людьми.

Небезынтересно отметить, что марокканцы едят много сахара и различных сладостей. Так среднестатистический житель Марокко съедает сахара в семь раз больше, чем житель любой другой страны!

И что удивительно: сахарным диабетом в отличие от ближневосточных арабов марокканцы болеют крайне редко? И фигуры у них поджарые. И если в различных регионах земли бывали хлебные, соляные и другие бунты, то в Марокко причиной массовых недовольств был недостаток сахара. Поэтому королю, кроме расширения плантаций под сахарную свеклу и строительства немалого числа сахарных заводов, приходилось закупать сахар за рубежом. При этом, закупая сахар, скажем, за семь единиц, продают его за две.

Вспоминается одно необычное в истории Марокко событие — зеленый марш. Он состоялся вот в какой связи.

Как известно, после смерти диктатора Испании генерала Франко встал вопрос о судьбе Западной Сахары. И вот король Хасан II-й и объявляет «зеленый марш», то есть — поход марокканцев в Западную Сахару. И не просто — марш — а массовый поход марокканцев под зеленым знаменем ислама за возвращение территории Западной Сахары марокканскому государству.

Как утверждал король Хасан II-й и его историки Западная Сахара это исконно марокканская территория.

Так вот этот «зеленый» марш действительно представлял собою совершенно необычное зрелище.

Огромные массы людей по суше, по морю, а некоторые и по воздуху сосредотачивались на юге страны на границе с Западной Сахарой, находившейся под юрисдикцией Испании.

И вот настал день, когда десятки тысяч фанатически настроенных людей под зелеными флагами ислама двинулись по пустыне через границу.

Только компромисс испанских властей и угроза эпидемий, сложности в подвозе воды и продовольствия, а также вмешательство ООН остановили это безумие.

Вся эта кампания оказалась в конечном счете безрезультатной. Но королю на определенное время удалось направить энергию масс в сторону от обострившихся внутренних проблем.

Рассказ о моих впечатлениях по Марокко был бы далеко неполным, если бы я не коснулся вопроса о городах Атлантического побережья этой страны.

Если начать характеристику этих городов с севера, тоучитывая, что о Танжере ранее уже кратко рассказано, надо рассказать о Рабате. Во-первых — это столица государства. Во-вторых — это небольшой, тихий, утопающий в зелени и цветах город, состоящий практически из одноэтажных и двухэтажных разнообразных по архитектуре и комфортабельности вилл. Конечно же, в Рабате есть и многоэтажные здания, и кварталы бедноты, проживающей в такназываемых бидонвилях. (Бидонвили — это скопление сооруженных из подручных материалов лачуг, в том числе и из бидонов белой жести для горючего емкостью в пару десятков литров). Однако городские власти удачно спрятали эти кварталы от посторонних глаз. Они соорудили вокруг этих поселений, расположенных на небольших участках земли, высокие каменные стены-заборы. Поэтому внутренняя часть этих городков не просматривается со стороны и все выглядит пристойно, хотя внутри них—ужасающая антисанитария, беспросветная нищета, теснота, грязные и неухоженные дети.

В отличие от гордой ближневосточной детворы, здесь, в Марокко, многие дети попрошайничают, а некоторые даже воруют. Не раз я лично наблюдал такие сцены (как в Рабате, так и в Касабланке). Пара юношей следует на мотороллере по проезжей части как можно ближе к тротуару. Сидящий сзади на ходу хватает из рук идущей по тротуару дамы сумочку и «аттракцион» на повышенной уже скорости завершается. Жертва кричит, взывает о помощи, но эквилибристы на мотороллере уже скрылись. Такие случаи имели место не раз и в отношении не отличающихся собранностью жен некоторых сотрудников и нашего посольства.

В целом Рабат очень стройный и, повторяю, утопающий в зелени и удивительно разнообразных цветах город. За весь период пребывания в Рабате для размещения сотрудников аппарата военного атташе с семьями арендовывалось поочередно две довольно приличных виллы. Причем — обе в районе Агдаль, находящимся в непосредственной близости от королевского дворца.

Агдаль — это тихий и достаточно охраняемый район Рабата, в котором проживают преимущественно местная знать и иностранные дипломаты.

В последние три года нами арендовывалась вилла, владелицей которой была супруга (вернее — вдова) бывшего генерал-губернатора Франции в Марокко маркиза Де Шапонэ. Контракт на аренду этой виллы был заключен в ее отсутствие с адвокатом маркизы, так как в это время года ее в Рабате не было.

Следует отметить, что маркиза — высокообразованная интеллигентная женщина лет 80-ти была стройна, сама ездила за рулем своего «Пежо», объездив по-туристски почти всю Африку, читала без очков.

По-французски говорила с английским акцентом, так как бонной в свое время у нее была англичанка.

К нам («русским», как она говорила) она относилась с нескрываемой симпатией. Дело в том, что в свое время она была помолвлена с сыном последнего русского посла в Париже. Однако революционные события 1917 года расстроили свадьбу, о чем она весьма сожалела. Симпатизируя нам, она свою виллу, построенную в виде белоснежного корабля, сдавала нам за полцены.

Эта женщина, несмотря на преклонный возраст, удивляла нас своим спортивным видом,

разносторонними знаниями, исключительной воспитанностью, простотой в поведении, скромностью и, повторяю, неподдельной симпатией к русским, их искусству, музыке, истории.

В ходе бесед она просто поражала нас своей осведомленностью в этих областях.

Она, двоюродная сестра короля Бельгии Бодуэна, имела подругу во Флориде, куда уезжала на зимние месяцы. В Рабате она купалась в океане до глубокой осени. Это не могло не удивлять, потому что и в жаркие-то месяцы температура воды у атлантического побережья Рабата редко превышала 14 градусов по Цельсию.

В целом — это была аристократка в лучшем смысле этого слова. Она строго соблюдала режим питания. Однако, бывая в гостях у нас, с заметным удовольствием выпивала рюмочку водки, закусывая ее черной икрой. От нее постоянно слегка пахло чесноком.

К марокканцам — братьям Бенхима, один из коих в ту пору был министром иностранных дел, она относилась с покровительством, а они к ней — с нескрываемым почтением. Дело в том, что в свое время благодаря покровительству супругов Де Шапонэ братья Бенхима получили соответствующее образование и положение в обществе.

Интересно было наблюдать, как на любом дипломатическом приеме министр Бенхима неизменно подходил к маркизе, целовал ей руку и беседовал определенное время, подчеркивая этим свое почтение (к этой особе). А эта женщина вела себя естественно с присущим ей достоинством, поражая хорошими манерами и статностью.

Примечательно еще и то, что одевалась она с приличествующим ее возрасту вкусом, скромно, хотя и не без некоторого кокетства.

Да, эта пожилая женщина надолго останется в памяти как образец исключительно воспитанного человека, который в любых условиях и в любом обществе естественен в своем поведении, так как он ведет себя так же естественно, как дышит.

Вернемся, однако, к характеристике Рабата. Он красив своим побережьем. Особо украшает его река Бурегрег, впадающая в океан именно в Рабате.

Живописны как сам королевский дворец, так и старинный рынок, огороженные характерными средневековыми каменными стенами. Особой достопримечательностью Рабата является средневековая башня Тур Хасан, у подножья которой сооружен мавзолей короля Мухаммеда V — отца нынешнего короля. У мавзолея круглосуточно несет службу конный почетный караул в традиционных марокканских доспехах, четко и виртуозно осуществляющий смену на диво иностранным туристам.

Особый уют придают Рабату его пальмовые аллеи, купола его мечетей и католический собор.

Бесподобно красив белокаменный город Касабланка, что по-испански означает: «каза» — двор, дом и «бланка» — белый. По-арабски это же звучит «Дар эль-Байда». И действительно, это большой, красивый, именно белый город на побережье Атлантики — крупный морской порт мирового значения с широкой сетью магазинов по продаже в основном импортных со всех концов света товаров. Здесь, как и в Рабате, имеется знаменитый городской рынок, на котором часто можно встретить делающих покупки наших моряков с заходящих в порт торговых и рыболовецких судов.

127

Поражает своей чистотой крытый рынок Касабланки, на котором торгуют исключительно рыбой в таком изобилии и таких разновидностях, каких, пожалуй, не встретишь в других приморских городах.

Его, этот рынок, моют беспрестанно так, что практически не ощущается специфический запах рыбы.

Гордой достопримечательностью Касабланки является музыкальный фонтан, сооруженный наподобие Ереванского фонтана. Говорили, что его соорудили наши армянские мастера и инженеры. Как-то было недосуг проверить эту версию.

Далее на юг вдоль атлантического побережья Марокко расположены города Эль-Джадида, Сафи (где производится известная марокканская керамика), Эс-Сувеира и Агадир — производитель известных всему миру сардин. Кстати — этот город был полностью разрушен землетрясением страшной силы и заново отстроен в тридцатых годах,

Во всех вышеперечисленных городах имеются современные морские порты, обустроенные пляжи и индустрия туризма, производящая различного рода сувениры от образцов национальной одежды до расписных керамических сосудов причудливых форм, кедровых шкатулок, полудрагоценных камней и прочее.

В отличие от городов побережья — внутренние (так их назовем) города Марокко в основном расположены в районах полупустынь и в предгорьях Атласских гор. Что касается населенных пунктов, расположенных вдоль границы с Алжиром, то там преобладают песок и пустыня.

Я не ставил себе целью подробно описать достопримечательности не только отдельных городов, но, хотя бы некоторых регионов Марокко. Это мне не под силу, да и цель данного повествования совсем иная. Но сделать исключение для города Фес считаю просто необходимым. Это настолько своеобразный город и единственный в мире, без осведомления о котором (на мой взгляд), хотя бы поверхностного, нельзя иметь представления об исключительных особенностях Марокко.

Речь, конечно, идет о старой части, города Фес. Равный по площади остальной, так называемой новой части города, он дает приют двум третям населения всего города.

Удивительно то, что в двадцатом веке, в наши дни (в частности) люди живут на невероятно ограниченной площади по сути без солнечного света, никуда практически не выходят за пределы этой части города.

Там они рождаются, вырастают, учатся, женятся, растят детей и умирают. Многие из них не выходят оттуда ни разу за всю свою жизнь.

Растущие без солнечного света, дети выглядят бледными, как дети подземелья, они настолько неестественно бледны, флегматичны и странны в своем поведении, что кажутся тяжело больными.

Когдаходишь буквально под своды улиц, то дневной свет, еле пробиваясь, отраженный от стен, тускло освещает исключительно узенькие улочки, на которых едва могут разойтись два осла с переметными сумами. Дело в том, что город расстраивался как по площади, так и в высоту. При этом верхние части домов (что-то наподобие этажей) сходятся над улочками, не позволяя солнечным лучам пробиваться к ним. Таким образом, улочки старого города походят на катакомбы, в лабиринтах которых впервые попавший сюда человек без сопровождения местных жителей может заблудиться. Даже дети местных жителей, отправляющиеся в школу, нуждаются в специальной ориентировке. Чаще всего им на грудь вешают таблички с указанием адреса, чтобы взрослые могли провести заблудившегося малыша к его жилью.

Эта обнесенная невероятно высокой стеной часть города обречена на такую тесноту

потому, что за пределами городской стены традиционно строить никто не имеет права с очень давних времен.

Вот так из поколения в поколение расширяющиеся семьи надстраивали вширь и ввысь свое жилье до сводчатости улиц и рождались и умирали в этой невероятной тесноте.

В ночное время свет от улиц города и от домов извне почти не виден. Исключение составляют виднеющиеся как жаринки огоньки освещения у входа одного или двух кинотеатров, мечетей и крохотных городских площадей. В таких условиях люди живут уже несколько веков. В этой части Феса находится самая древняя мечеть Африки — мечеть «Карауин», построенная еще в одиннадцатом веке.

Был период, когда Фес являлся столицей государства так же, как затем поочередно Мекнес, Маракеш и Рабат.

Рассказ о Марокко был бы неполным, если не отметить богатство овощных, фруктовых и продовольственных базаров этой страны. Горы апельсинов, яблок, груш, лимонов, винограда, арбузов, дынь разных расцветок приковывают взор даже много повидавшего в этом отношении человека! Мне, например, побывавшему на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Азии, казалось бы, нечему удивляться. Но марокканские базары такого свойства меня привели в восторг! Ну, хотя бы эти с розовой мякотью апельсины. А если сказать, что из одного — полутора апельсина такого сорта надавливается целый стакан удивительно красивого на цвет, ароматного и невероятно сладкого сока, то, видимо, есть от чего придти в восторг! Я не говорю уже об овощах, разнообразной зелени и специях, названия которых запомнить трудно.

Богаты и мясные и молочные прилавки. Удивляет обилие яиц с двумя желтками, разнообразие дичи, кур. Как и в Париже, имеются прилавки с кониной. И все это рядом с обилием различной и фантастической расцветки цветов, особенно — роз!

Непередаваем аромат плантаций цитрусовых во время их цветения, которые тянутся на многие десятки километров. В этом отношении Марокко — земной рай!

Следует отметить также идеальное состояние шоссейных дорог Марокко, способствующее скоростному и безаварийному движению при поездках на большие расстояния.

Повсеместно вдоль шоссейных магистралей вас ждут заправочные станции, удобные отели и кемпинги с бассейнами и дающими прохладу фонтанами, рестораны, кафе, закусочные, позволяющие отдохнуть, восстановить силы и продолжить путешествие.

Это-то и привлекает в Марокко туристов из многих стран.

Наконец, как заядлый рыбак, не могу не отметить идеальные условия для рыбалки, будь то океанской или речной, или озерной.

В семидесятых годах в водоемы, образовавшиеся в результате строительства плотин на малых реках с целью расширения площадей поливного земледелия, был запущен малек так называемого «Блэк баса» (американского черного окуня). За очень короткое время он достиг немалых размеров и обилия.

Конечно, царицей рыбалки была довольно сложная по технологии океанская. Но и озерная (на «Блэк баса», карася и карпа) и речная (на форель и угря) доставляла не меньшее наслаждение. Я и увлекся последней и небезуспешно.

Вот, пожалуй, можно и завершить свои не очень стройные воспоминания о благословенном крае — Марокко и поблагодарить судьбу за то, что наряду с необычайно

трудной и ответственной работой она позволила мне вплотную познакомиться с этой сказочной страной.

АКАДЕМИЯ

В этих записках считаю необходимым хотя бы кратко рассказать о своей работе в области подготовки молодых офицеров по моей специальности. Той специальности, которой отдано в общей сложности более тридцати пяти лет. Эта работа (кроме зарубежной) составляет целый пласт в 45-ти летней службе в рядах Советской Армии.

В середине января 1977 года я возвратился из Марокко в Москву. Уже назначенный приказом командования на должность начальника факультета Академии Советской Армии, еще до прибытия в столицу, не уходя в очередной отпуск, приступил к работе. Проработал на этой должности около десяти лет. Нетрудно представить, сколько молодых офицеров прошло за эти годы через мое сознание и сердце, сколько отдано сил, здоровья и опыта на их становление, привитие им лучших качеств и навыков в нелегкой нашей службе. От скольких ошибок, которые допустил сам как в жизни, так и в службе, сумел их предостеречь. И делать это надо было тонко, деликатно с тем, чтобы привить им любовь к этой сложной и ответственной профессии, воспитать в них смелость, инициативность и, главное, самостоятельность и честность в нашей сложной и трудной работе.

Находясь вдали от Родины, от командования и старших, опытных товарищей, наконец, необходимо уметь самостоятельно принять единственно правильное решение, особенно в экстремальных ситуациях, когда нет ни времени, ни возможности посоветоваться с кем-нибудь, а ошибочные действия могут нанести непоправимый вред не только тебе самому, но и престижу твоей Родины. Это — не громкие слова. Это истины, постигнутые мной за долгие годы работы, зачастую путем риска (правда—разумного), проб и ошибок, к счастью — небольших.

Есть вещи, которым научиться, даже прочтя массу самых профессиональных книг с глубокими теоретическими выкладками, нельзя. Есть непостижимые подчас качества: интуиция, моментальная реакция на обстоятельства и сложившуюся в данный конкретный момент ситуацию, умение мгновенно собраться и принять единственно правильное решение и, главное, действовать рационально и решительно. Как этому научиться? На это и дают ответы работающие в Академии опытные, разносторонне развитые, честные, постигшие многое и многое на своем личном опыте, прошедшие большую практику на самостоятельной работе, люди.

Позволю себе привести выдержку из письма одного офицера, отчисленного из академии уже после моего ухода в отставку. Полагаю, что читатель не расценит это как мою нескромность, учтя, что мне уже нет никакой необходимости рекламировать себя. Вот эта выдержка. ...«Академия — это больше, чем 2—3 человека. Ноги сами несут меня к ней, мысли ведут в дорогие мне стены. Здесь проведены замечательные дни моей жизни, дни напряженного труда, дни общения с удивительными людьми, людьми порядочными, бесконечно увлеченными своей работой. Одно то, что удалось видеть, слышать и разговаривать с таким человеком как Мнацаканов А. С. — уже большое счастье и удача. О чуткости, принципиальности, честности, решительности этого человека сложены легенды.

Уже после отчисления из Академии мне довелось разговаривать с бывшими выпускниками. Для многих тов. Мнацаканов А. С. был примером, а его поступки и отношение к людям — образцом поведения руководителя и воспитателя. Майор Трухачев».

Это — выдержка из письма офицера руководству Академии— жалобы на несправедливое его отчисление.

Когда прочтешь такие отзывы (конечно же—не только обо мне), то убеждаешься, что не зря тратил душевные силы, заронил-таки в души людей зерна доброты и понимания ценностей именно человеческих качеств, которые нужны не только какой-то профессии или ремеслу, а просто всем людям.

Судя по тому, какими на практической работе оказались многие из моих выпускников не по знанию теории, а по личностным качествам, понимаешь, что удалось все же отдать кое-что своим питомцам полезного. И, конечно же, я счастлив, что повседневно ощущал благодарность и даже любовь своих подчиненных, которые в ежедневных и ежечасных реакциях на мои действия в отношении каждого из них они проявляли. Иногда приятно удивляло то обстоятельство, что кое в чем они даже подражали мне...

В Академии я отметил свои 50-ти и 60-ти летние юбилеи, в связи с которыми мои ребята (как я их называл) преподнесли мне массу сюрпризов, часто — неожиданных и почти невероятных. Это были такие сюрпризы, которых мне не преподносили даже очень близкие и любящие меня люди. А это свидетельство того, что они действительно тонко меня понимали и искренне старались порадовать меня по-сыновьи.

Весьма ответственным делом был процесс отбора абитуриентов, предварительного определения их профессиональной пригодности, что осуществлялось, естественно, не только мной. Однако, моя роль в этом была достаточно важной.

Не менее ответственным делом было аттестование выпускников, то есть определение не только их личной судьбы, а и последующего их качественного и максимально эффективного использования на практической работе. Тут приходилось прилагать иногда невероятные усилия в борьбе против перестраховщиков, зачастую занимавшихся практически очернительством людей. Они путали понятия о негативных качествах человека, которые могут быть устранены в процессе обучения и воспитания с теми порочными качествами, которые, увы, исправить уже нельзя. Но и те и другие качества надо было выявлять еще в процессе обучения. Так вот некоторые, с позволения сказать, воспитатели любую ошибку человека, которую он осознал и давно исправил, пытались вписать ему в аттестацию, мотивируя такой подход своей «принципиальностью». Так что приходилось отстаивать каждого офицера даже и перед высокими инстанциями. А иногда это обходилось очень дорого для себя... И я, конечно же, счастлив, что «проколов» у меня не было, то есть ни один человек, которого я отстоял с боем, не обманул моих надежд.

Таким образом, во время работы в Академии было много и приносящего удовлетворение и немало огорчительного. Но главное — я принимал длительное и деятельное участие в становлении людей нелегкой профессии, многие из которых уже имеют высокие воинские звания, большие успехи и солидные должности.

В период работы в Академии мне посчастливилось принять участие в параде, состоявшемся в ознаменование 40-летия со Дня Победы, а в мое отсутствие на торжественном собрании Академии, посвященном этой дате, выносилось знамя 220-й Гатчинско-Берлинской танковой бригады, под которым я воевал и был удостоен звания Героя Советского Союза. Кстати, я участвовал и в самом Параде Победы в памятном 1945 году.

Работая в Академии, я получил и очередное воинское звание «генерал-лейтенант».

Когда мне исполнилось 65 лет, я ушел в отставку. Мой добровольный уход многих удивил и озадачил, а некоторых — огорчил. Но я этот шаг предпринял абсолютно сознательно и уверен, что поступил правильно!

Кто знает — сколько мне еще отпущено жить. Так ведь надо же иметь хоть немного времени «в запасе», чтобы осмыслить пройденный путь, проанализировать результаты своего труда и пообщаться вволю со своими внуками, понаблюдать, как родные тебе человечки становятся постепенно людьми, поскольку подобным образом заниматься своими детьми у нас не было ни возможности, ни времени.

Тем более, что недавно (при наличии двух сыновей и дочери я, стыдно сказать, имел четыре внучки и ни одного внука, а теперь!) родился внук — Мнацаканов Артем. Мужчине уже четыре месяца! Деда уже узнает и радостно приветствует при встрече! Вот это жизнь!

ЛЮДИ, СТРАНЫ, ГОРОДА

Когда подумаешь о прожитом, то, оказывается, 45 лет службы в армии, а, в общем, более 50-ти лет трудовой деятельности — срок немалый. И невольно вспоминаешь не только сделанное, а и, безусловно, людей, с которыми учился, воевал, работал бок о бок, либо общался по служебным делам, да и просто встречался на перекрестках жизненных дорог.

Как не вспомнить безвременно ушедшего из жизни в 1968 году генерал-полковника Мамсурова Х. Д., легендарного человека, полковника «КСАНТИ», о котором писал сам Хемингуэй? А ведь с ним пришлось постоянно соприкасаться и работать в очень нелегкие для нашей службы годы — с 1959 по 1968 год. Об этом человеке—герое Испании и Великой Отечественной войны столько написано и такими авторами, что мне браться за это просто неловко. С этим человеком, кстати, земляком, связан целый период активной работы и, вспоминая о делах, просто невозможно не вспомнить о нем. При этом испытываешь благодарность судьбе за то, что она представила тебе возможность не только знать этого человека, но и трудиться под его руководством, учиться разумно рисковать даже по-крупному... Жаль только, что такие люди так рано уходят из жизни. Да, он-то отдал делу все, что мог...

Нельзя не вспомнить и здравствующего ныне легендарного начальника разведки Северного, а затем — и Балтийского Флотов во время Великой Отечественной — адмирала Бекренева Л. К.

С особым чувством вспоминаю Маршала Советского Союза Рокоссовского К.К., с которым приходилось каждодневно общаться в процессе работы с некоторыми иностранными военными делегациями высокого ранга. И хоть знаю, что мои слова о таком человеке, о котором сложены легенды, ничего почти не значат, не могу не вспомнить добрым словом этого красивого внешне и духовно, умного и удивительно скромного и доброго человека, который очень трогательно любил и понимал людей.

Не могу не сказать несколько слов и о Маршале Советского Союза Иване Христофоровиче Баграмяне. С ним также приходилось общаться как по служебным делам (также при сопровождении иностранных военных делегаций некоторых арабских стран), так и в связи с пятидесяти- и шестидесятилетиями Советской Армении, да и с его юбилейными днями рождения. Удивляли не только его простота и доступность, распахнутость его сердца для людей, но и удивительная доброта, обязательность и беспредельная любовь к Отечеству.

Конечно же, не могу не сказать несколько слов о Маршале Советского Союза Сергее Леонидовиче Соколове, с которым вместе учился в Академии Бронетанковых войск и выпускался в 1947 году. Знал я его, таким образом, очень многие годы, встречался с ним как по служебным делам в Москве, так и за рубежом. Как человек, он не просто солиден. Он показал себя в Афганистане мужественным и лично храбрым человеком, в полном смысле слова как Герой. Мне даже трудно описать качества этого доброго, отзывчивого и славного человека и товарища. О масштабности же и государственном уме его—просто неудобно распространяться. Я присутствовал на его переговорах с зарубежными деятелями за границей и видел, как он принципиален и бескомпромиссен в вопросах, касающихся интересов нашего государства.

Памятны также встречи с бывшим министром обороны Маршалом Советского Союза Гречко А. А. Вспоминаю, как во время его визита в Сирию в 1968 году он шутя пытался поставить меня в затруднительное положение. В ходе очередного обеда в отведенной ему резиденции он подал мне очень крупный апельсин и сказал, чтобы я сохранил его до ужина. Выезжая с Маршалом по программе пребывания на очередное мероприятие, я отдал апельсин нашему дежурному переводчику и в свою очередь приказал ему сохранить его до нашего возвращения.

И вот, когда мы вечером сели за стол, Маршал потребовал тот злополучный апельсин. Я направился в комнату переводчиков, спросил про апельсин. Дежуривший в это время переводчик ответил, что его никто ни о чем не предупреждал и он, увидя «бесхозный» апельсин, съел его. Я, конечно, на мгновение опешил. Но, надеясь вывернуться из сложившейся ситуации, подался на кухню и, к счастью, нашел в холодильнике апельсин подобный тому, который мне надлежало сохранить. Взял я этот апельсин и, войдя в столовую, протянул его Маршалу. Но тот уж очень жестко сказал, что это не тот апельсин. Мое состояние в этот момент трудно описать, но я с наглостью отпетого вралю спокойно ответил, что это именно тот апельсин. Тогда Маршал заметил, что когда я пошел за требуемым апельсином, он сидящим за столом заговорщически сказал, что когда я принесу апельсин, он скажет, что это не тот. Тут уж я не без некоторого ехидства заметил, что это действительно не тот апельсин. Раздался общий смех, но Маршал остался в целом довольным исходом поединка.

Многое и многих пришлось и удалось повидать за долгие годы службы.

На приемах в Грановитой палате, в Зале приемов на Ленинских горах, в Георгиевском зале Кремля, в Кремлевском дворце съездов, в посольствах иностранных государств я видел многих государственных деятелей иностранных государств, руководителей нашей страны, осуществлял переводы бесед сопровождаемых мной иностранных военных руководителей с нашими деятелями различных рангов. Так, например, я, сопровождая египетского вице-президента маршала Амера, осуществлял перевод его бесед с А. Н. Косыгиным в египетском посольстве, с Н. С. Хрущевым — в зале приемов на Ленинских горах, в Грановитой палате и т. п.

Не говорю уже о приемах в Георгиевском зале Кремля в честь выпускников Академий, где приходилось видеть всех министров обороны.

Словом, недостатка во встречах с высокопоставленными людьми не было. Успевай только осмысливать свои впечатления от этих встреч и делать для себя выводы полезные и приятные, либо вовсе обескураживающие от поведения тех или иных деятелей часто таких, что, как говорится, за державу было обидно.

Из вышеизложенного, видимо, понятно, что так или иначе все эти встречи были безусловно полезны. Они давали возможность шире смотреть на мир с безусловной пользой для дела, которому служишь, да и многому научиться.

Немало встреч, состоявшихся при тех или иным обстоятельствах с высокопоставленными иностранными деятелями, также помогали приобретению опыта и уверенности в работе.

Так ранее уже описанные встречи с руководителями Ливана, Сирии, Лаоса и Марокко оказались полезными уже и после убытия из стран пребывания.

Памятны встречи и с главами арабских и африканских государств, съехавшимися в 1976 году в Рабат (Марокко) на совещание в верхах. Присутствуя на различного рода приемах, приходилось беседовать с многими из них. Да и наблюдать их со стороны приходилось. Так, гостевая вилла, отведенная, например, печально известному императору Бокасса, располагалась рядом с арендуемой мной виллой.

И мало того, что мне в ходе одного из приемов пришлось пожать липкую руку этого людоеда, я вынужден был наблюдать его делающим зарядку на балконе соседней виллы.

Приходилось общаться и с другими главами вышеупомянутых государств, равно как и с прибывающими с визитами в страну пребывания главами иных стран. На говоря уже о постоянном общении с членами дипломатического корпуса и местными высокопоставленными лицами. Жили мы, например, на вилле, располагавшейся рядом с виллой министра внутренних дел Марокко Хадду Шигера. Поэтому мы общались с ним и как соседи.

Большой удачей для себя считаю то обстоятельство, что во время зарубежных командировок пришлось поработать с такими послами, как С. П. Киктев, С. А. Афанасьев (о котором я подробнее рассказал ранее), Н. А. Мухитдиновым (бывшим членом президиума ЦК КПСС), Д. П. Горюновым (бывшим генеральным директором ТАСС). Последний — это высокообразованный интеллигентный человек — журналист по профессии — так владеет словом, что любой написанный им документ, не говоря уже о корреспонденции или опубликованные им записки по Кении, где он ранее работал послом, вызывают восторг. Книгу о Кении я имел честь получить в подарок от Дмитрия Петровича с дарственной надписью.

Постоянно вспоминаю добрым словом бывшего посла во Вьетнаме в 60-е годы Сурена Акоповича Товмасына. Это был масштабный государственный деятель, честный, волевой и вместе с тем — добрый, отзывчивый и сентиментальный человек. К сожалению — был. Его уже нет с нами.

Благодаря Сурену Акоповичу я в свое время побывал в резиденции легендарного Хо Ши Мина. Главное — Сурен Акопович буквально не позволял нам голодать, поскольку в период, когда мы находились в Долине Кувшинов Лаоса, там времени буквально нечего было есть.

Так вот он посылал нам периодически провиант по собственной инициативе, а на наши протесты он отвечал тем, что мы с супругой-де можем и поголодать, от чего будем только стройнее. А вот ребенку-де (сыну нашему 6-ти лет) голодать нельзя.

Немалую пользу приносили и его деловые и мудрые советы, в которых мы, находясь в лаосских джунглях, безусловно нуждались постоянно. Многие его соображения и подсказки помогли и в работе.

Если внимательно и между строк прочесть изложенное в этих записках относительно общения с людьми, то станет ясным, что только безнадежный тупица, общаясь с такими

масштабными людьми — представителями нашей страны, а также и представителями иностранных государств, не мог бы не научиться чему-то полезному вообще и в интересах службы, в частности.

Так вот именно общение с подобными людьми и позволило мне совершенствоваться как человеку и как профессионалу и добиться достижения поставленных перед собой целей как в службе, так и в жизни вообще.

В ходе написания этих записок постоянно мелькали названия стран, регионов, городов и народов, которые повидал, в которых поработал длительное время.

Одно их перечисление многое воскрешает в памяти, вновь и вновь наводит на размышления о судьбах государств, целых регионов и населяющих их людей, о смысле жизни, наконец, о счастье, любви к Отчизне, своему народу, о родных и близких, об их судьбе и о будущем их. И становится нестерпимо больно за все то, что случилось с моей Отчизной, которой я служил честно и беззаветно. Да и не только я...

Из 45-ти лет службы в армии 35 пришлось на работу за рубежом с перерывами, разумеется. Так уже я упоминал о том, что пришлось поработать в Ливане, Лаосе, дважды — в Сирии, наконец — в Марокко. Побывал я и в краткосрочных командировках, на отдыхе и проездом: Праге, Риме, Париже, Бухаресте, Софии, Карловых Варах, Белграде, Пи-рее, Афинах, на Кипре, в Александрии, Порт-Саиде, Латакии, Стамбуле, Варне, Констанце, Пекине, Ханое, Бангкоке, Дели, Пильзене, Гибралтаре... И ряде других городов...

Даже если просто с туристическим справочником и картой пройти по этим названиям, привязав к ним воочию увиденное, то воспоминаний, впечатлений и размышлений будет больше чем предостаточно. Их хватит на всю оставшуюся жизнь. Есть о чем рассказать внукам, главное — как рассказать...

Несколько слов о своей семье. 20-го января 1992 года мы с супругой Азой Андреевной отметили уже 44-ю годовщину совместной жизни. Констатировали, что прожили эти годы честно, вырастили неплохих детей. Теперь продолжаем растить внуков.

Отметили, что никакого урона фамильной чести мы не нанесли. Детям в наследство оставляем данное им доброе имя. Надеемся, что они не уронят чести нашей фамилии, которую мы сохранили, несмотря на нелегко прожитую жизнь.

Наш младший сын — Александр, недавно подарил нам внука — Артема. А то было у нас аж четыре внучки, а внуков не было. Александр — полковник, служит в Москве, Он уроженец Дамаска. Появился там на свет 5-го января 1956 года, когда мы только что прибыли в первую зарубежную командировку. Почему начат рассказ с младшего? Да потому, что он стал отцом единственного нашего внука, хотя у него уже есть дочь десяти лет.

У дочери Татьяны — две дочери: Дашенька — одиннадцати лет и Наташенька — пяти лет. Их мама — врач. Ей — 43 года.

Старшему сыну — Валерию — 46 лет. Кандидат наук, окончил Академию Внешней торговли в свое время. Имеет дочь 19-ти лет.

Все мы живем дружно, помогаем друг другу в меру сил и возможностей, когда это необходимо. Все дети имеют высшее образование и вполне приличные профессии, добросовестно трудятся.

В молодости я не верил, что внуки занимают в сердцах людей больше места, чем дети. Теперь же убедился сам, что это именно так. Это, видимо, потому, что в молодые годы объем,

уровень и характер забот были такими, что некогда было замечать тонкостей в поведении малыша. А дед и бабушка — дело другое. У них есть время оценить каждый шаг ребенка, его сообразительность, в нужный момент поощрить в нем добрые начала и деликатно пресечь дурные. Все во внуках вызывает восторг: как он спит, как пробуждается, как ест, как и когда сказал первое слово, сделал первый шаг, когда и при каких обстоятельствах сам обулся или оделся, насколько забавно он это делал, когда пошел в школу и так далее и тому подобное.

Конечно же, я говорю банальности, но мне лично приятно это делать. Сейчас почти все наше внимание (в определенном смысле, конечно), занимает пятилетняя Наташенька. (Артем пока не в счет, уж очень пока мал!). Мы, уже теперь бабушка и дедушка со стажем, отчетливо видим: до чего хороша наша Наташенька во всех отношениях. А все это от того, что она уж больно отличает, прямо скажем, дедушку. Она к нему особенно внимательна. Всегда справляется: поел ли дедушка, выпил ли лекарство, не болит ли чего? Подойдет, прижмется к дедушке и незаметно для других вдруг поцелует ему руку!? Дедушке даже неловко становится, впредь он старается избежать такого поворота событий. Но как только он чуточку ослабит бдительность — Наталья обязательно воспользуется складывающейся ситуацией.

Или, скажем, дедушка думает, что Наташе безразлично, что дедушка обсуждает с бабушкой о дальнейших планах по написанию этих записок, как она вдруг прямо по-взрослому просит: «Дедуля, напиши, пожалуйста, и обо мне. Обязательно напиши, не забудь!» Ну как тут дедушке забыть? Вот и пишу.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

*«Когда уйду в края, откуда нет дорог,
Я сам навек Россией стану
Ночами росными в стволах твоих берез
Струиться будет кровь моя»*

(Из песни к эпосе «Великая Отечественная»).

Вот и закончены мои записки. Конечно же, за время их написания я вновь пережил и перечувствовал все, что касалось детства, отрочества, юности и зрелых лет. Я как на перекличке (мысленной, разумеется) пообщался со всеми, кто сопровождал меня в жизни. Со всеми родными, близкими, друзьями детства и фронтовыми друзьями, живыми и мертвыми. Пообщался с ними духовно, поговорил откровенно о сокровенном, отчитался перед ними за все достигнутое в жизни, за неудачи, за допущенные ошибки, а, может быть, и за грехи, как говорится, и повинился перед ними.

Словом, заново мысленно прожил жизнь, прошел ее тернистыми путями и уже с позиции прожитых лет оценил ее.

Что я испытывал при этом? Что снова бредило душу и сознание? Нравнодушный читатель, прочтя эти даже непрофессионально изложенные записки, должен, по-моему, понять.

А в заключение хочу сказать несколько слов о том, что мне подумалось, когда поставил последнюю точку в этом повествовании.

Уходит мое поколение... Особенно заметно то, что солдат Победы становится все меньше и меньше и не только с каждым годом, но и с каждым днем... С горечью отмечаешь это на ежегодных встречах по случаю дня Победы, да на ставших слишком частыми скорбных церемониях проводов ушедших. Тягостно это, хотя и понимаешь, что этот процесс и естественен и понятен. Но что поделаешь со своим изношенным сердцем?

Да, уходит мое поколение... Но уходит с сознанием честно исполненного долга. И то, что много огорчительного и трагического произошло как в мире, так и у нас в стране, в том числе особенно за последние годы — не наша в том вина.

Мы очень хотели, чтобы миром правили справедливость, счастье и доброта. Ведь «Этот день мы приближали как могли». Но для достижения этого нам не хватило жизни...

Выпадает теперь вам, молодым, продолжать жизнь, постигать, творить и строить лучшую жизнь для людей.

И все-таки: оглядывайтесь иногда на нами прожитое, пережитое, достигнутое и оставленное вам. А это — Отечество, которое мы отстояли такую страшную ценой, и доброе имя. А это не такое уж малое наследство.

Верьте, что не было у нас заветнее мечты, чтобы видеть вас счастливыми. Верьте также в то, что подлинное счастье Человека не в чистогане, а в его духовности, морали и нравственности, в беспредельной любви к Отечеству и в простой, земной любви между людьми.

Это мое завещание вам. Все, что могу...

Будьте счастливы, дети и внуки мои, дети и внуки людей моего поколения.

Москва. Пос. «Красный воин» Февраль 1987 года — Февраль 1992 года.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
Истоки биографии	5
Великая Отечественная война	25
Новая специальность	54
Академия	131
Люди, страны, города	135
Послесловие	142

Тираж 100 экз.   Подписано в печать 10.02.95   Зак. 2
МГП «Атомполиграфсервис»